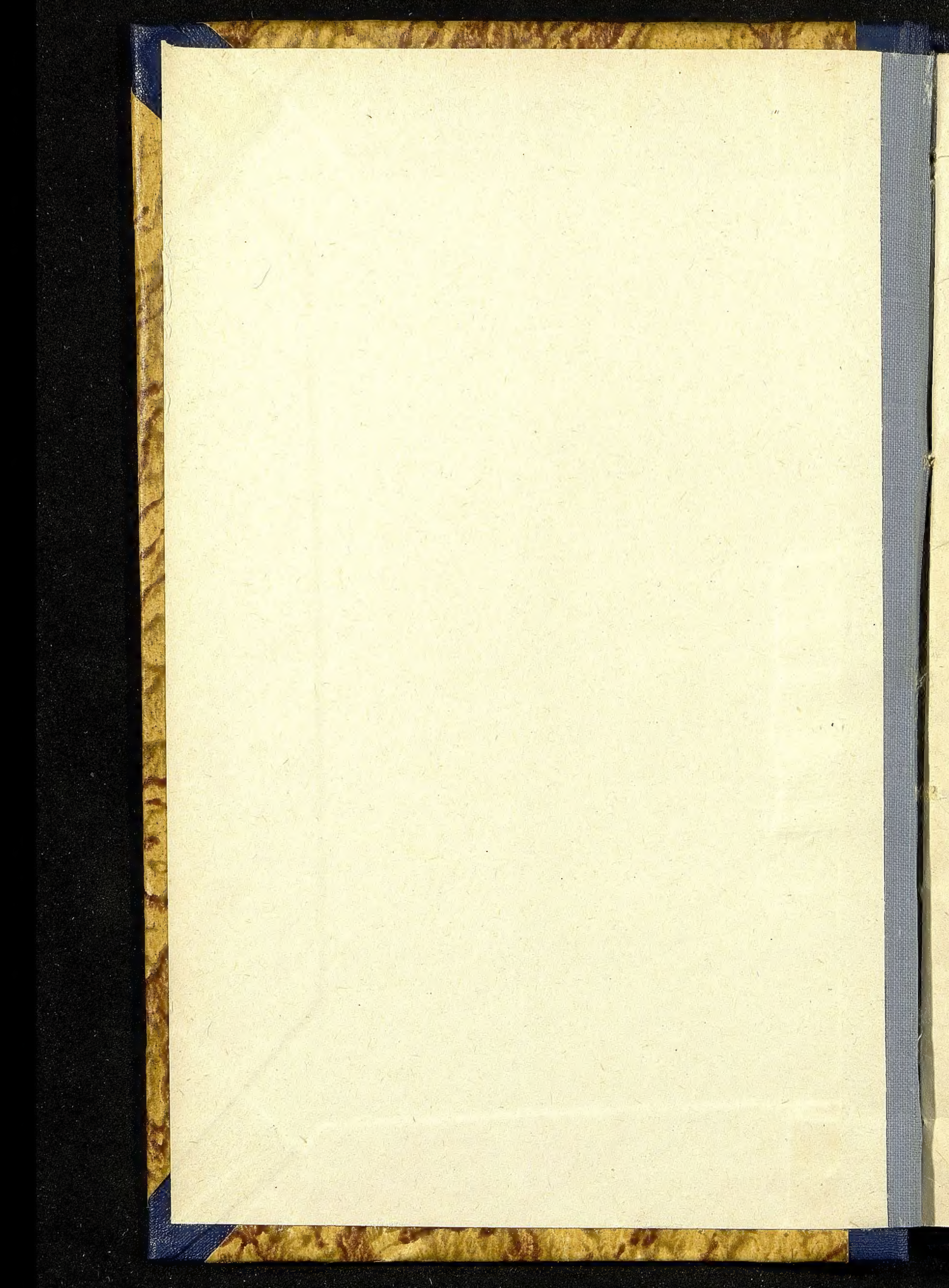
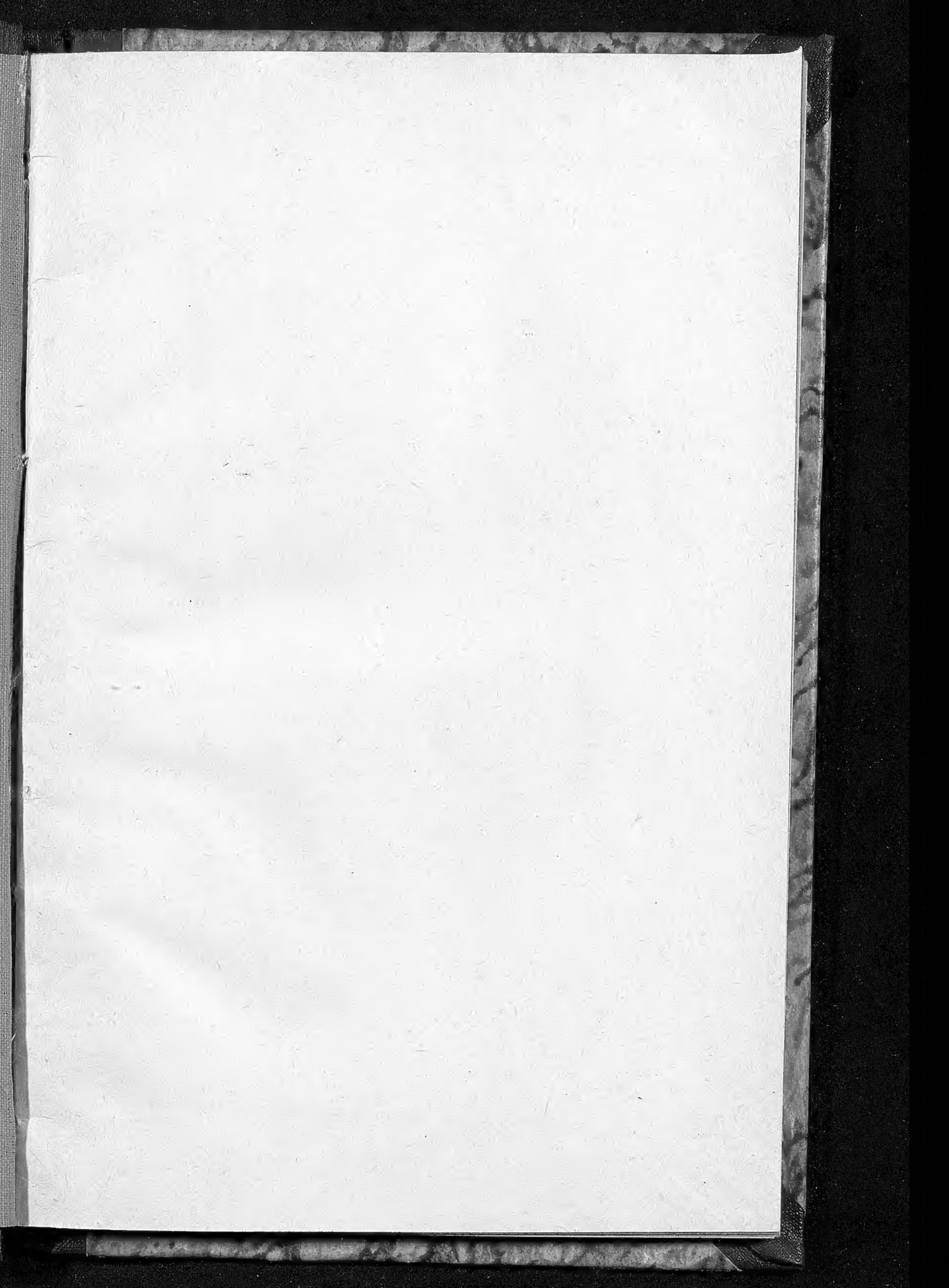
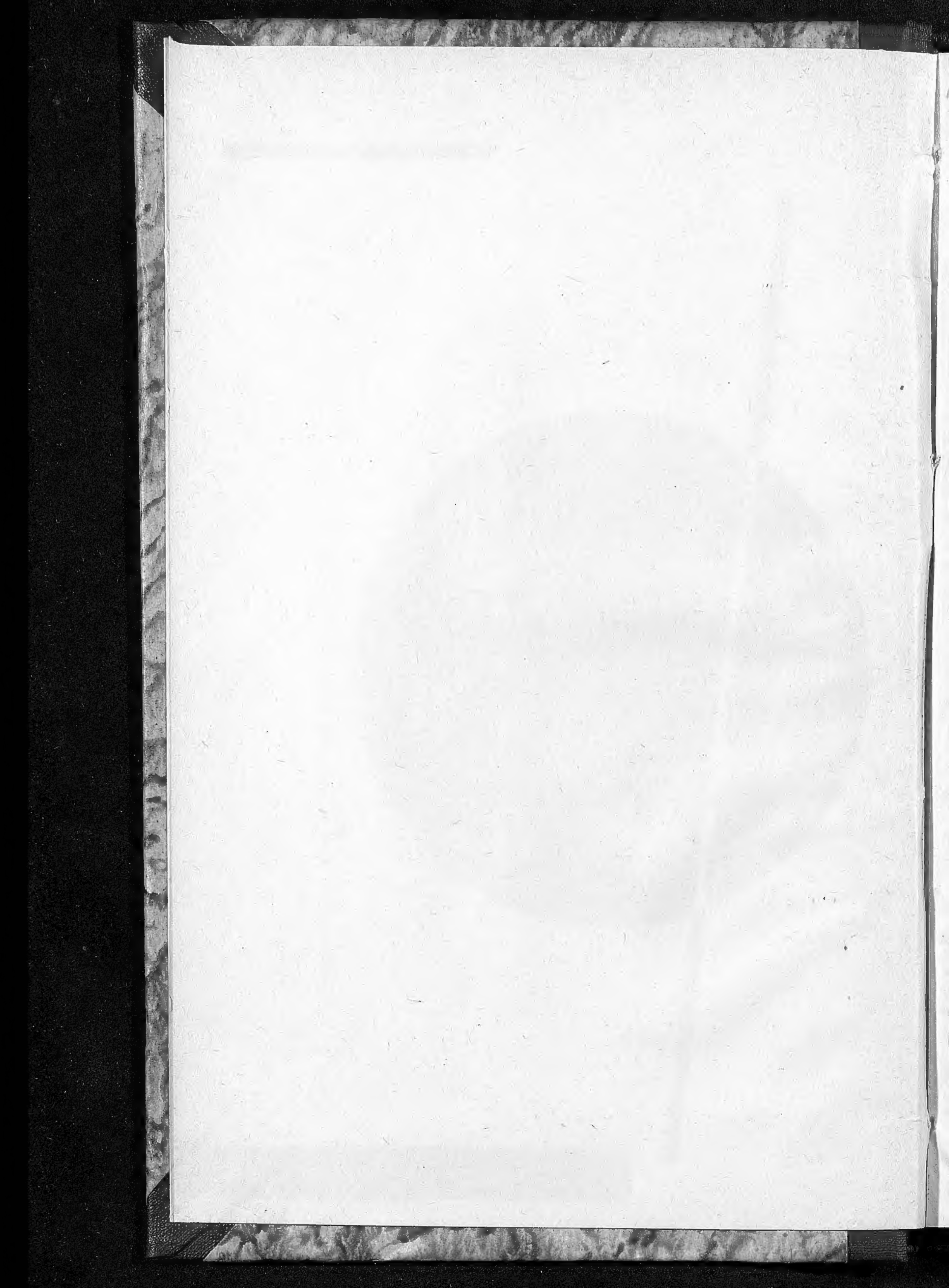

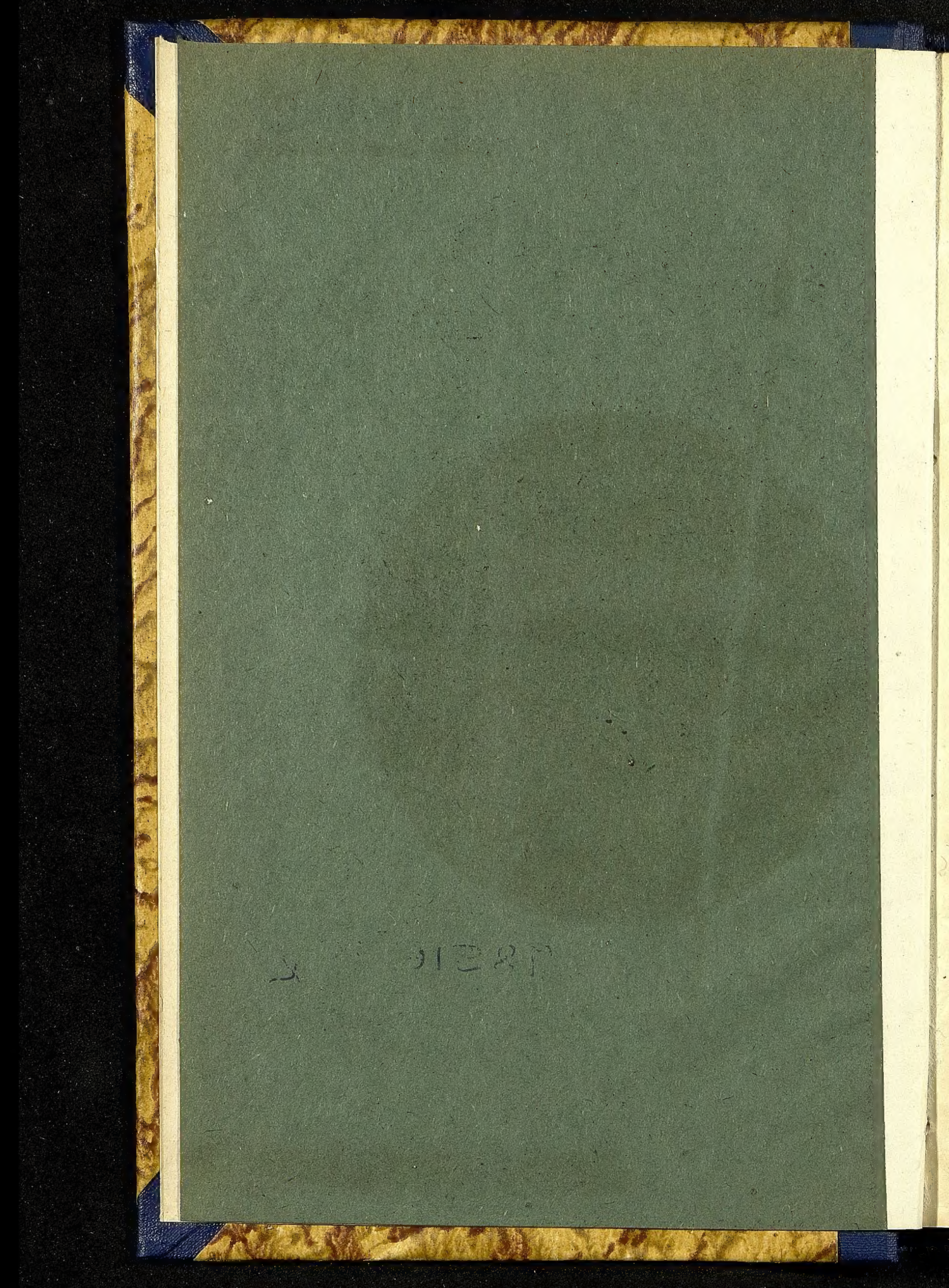
А. Раулинсон

Оборона Лондона

1915 — 1918 годов

Перевод с английского
Н. С. Виноградова

Издание ОВНО
Курсов Усовершенствов
Комсостава Зен. Артилл.
г. Севастополь
1926 г.

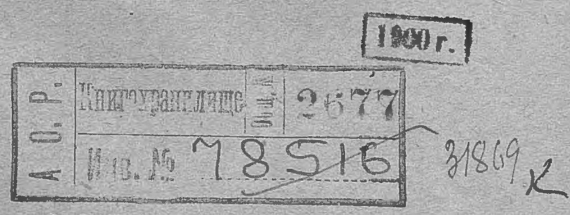

А. Раулинсон.

ОБОРОНА ЛОНДОНА

1915—1918 г. г.

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО
Н. С. ВИНОГРАДОВА

Издание О. В. Н. О. Курсов Усовершенствования
Командного Состава Зенитной Артиллерии
г. СЕВАСТОПОЛЬ
1926 г.

Уполномоченный
Крымлита
в Севастополе № 16.

Тираж 300 экз.

Типография
„КРАСНОАРМЕЕЦ".

Предисловие переводчика.

Настоящая книга полковника Английской армии Раулинсона в переводе на русский язык представляет интерес, как воспоминания очевидца и участника организации обороны Лондона от воздушных нападений в мировую войну.

Полковник Раулинсон с первых шагов развития такого рода защиты Английской столицы является одним из наиболее активных ее строителей и почти до самого конца войны занимает ответственный пост в обороне.

В 1914 году государства, вступив в войну, и не подозревали, что таковая может быть перенесена на глубокие тылы. И вот с первых же моментов, с первых фактов налета неприятельских воздушных сил на страну, приходится думать контр-мерах.

В Англии воздушная оборона зарождается несколько здне, чем во Франции оборона Парижа, и до некоторой епени есть сколок с нее, как и многое в Английском енном деле.

Особый интерес эта книга имеет как исторический кумент появления различных средств обороны и их усовернствования по мере развития воздушных атак на земные екты.

Колоссально быстрый темп развития обороны едва успеет за еще более быстрым ходом развития воздушного ота. От нескольких морских пушек в 1914 г., да при том годных для стрельбы по воздушной цели, оборона Лонна за 3 года разрослась в сложную организованную стему, включающую в себя все средства борьбы с возшным врагом, как наземные, так и воздушные. Главнейми мерами борьбы с ним являются: с земли– Зенитная иллерия и с воздуха отряды истребителей. И те и другие дства включаются в общую схему обороны Лондона в года.

В настоящий момент надо полагать оборона Лондона имеет еще более совершенную форму, о чем можно судить из слов одного из видных представителей Английского правительства, выражающих следующую, примерно мысль: Страна должна иметь такую оборону, что всякий враг долго будет думать, прежде чем напасть на нее.

Эта система обороны безусловно является разработанной на основе опыта мировой войны и базируется на два главных ее средства: с земли артиллерийский огонь и с воздуха — отряды истребителей, конечно, помимо многих прочих средств чисто вспомогательного характера к упомянутым двум; как например, прожектора, служба наблюдения и предупреждения и прочие.

Интересны выводы автора.

Единство управления, единство командования в системе обороны безусловно справедливый взгляд и очевидный для всех, что же касается авиации, то здесь неправильно останавливаться на ней, как на одном исключительном и главном средстве обороны. Воздушной обороне необходимы все имеющиеся средства борьбы с воздушным врагом. И зенитная артиллерия и истребительная авиация здесь требуются в одинаковой мере, и первая является, действительно, средством обороны, в то время, как вторая, скорее средство наступательного характера, осуществляюшая оборону косвенно наступательно-оборонительными операциями.

Что необходимо иметь те и другие средства для борьбы с налетами противника видно из предлагаемой истории обороны Лондона за 1915—1918 г.г. и из того факта, что в дальнейшем англичане не отказались от Зенитной артиллерии.

Правда, они стремяться усилить могущество своего воздушного флота, чтобы достичь двойного превосходства его перед другими странами, подобно их морскому флоту в прошедшем, но в то же время известно, что и в армии и в стране у них имеются усовершенствованные средства воздушной обороны с земли, центром которых является Зенитная артиллерия. В частности для обороны Лондона в настоящий момент имеется до 200-х зен. орудий.

Вопрос борьбы с воздушным налетом врага, вопрос воздушной обороны как армии, так и тылов, есть насущный злободневный вопрос, ибо будущая война будет иметь область и очень широкую для применения этих средств; и возможно от соответствующего решения этого вопроса будет зависеть результат войны.

При отсутствии достаточной литературы в этой области военного дела почти при полном отсутствии даже переводных материалов иностранной литературы у нас и с другой стороны необходимость наличия их и интерес затрагиваемых вопросов, заставляют выпустить это издание.

Недостатком книги Раулинсона является излишняя растянутость и совершенно неинтересные и не идущие к делу, подробности. Это заставило в переводе выпустить много лишних страниц, оставив лишь то, что заслуживает интереса.

5 Ноября 1925 года.
г. Севастополь. **Виноградов.**

Предисловие.

Адмирала Сэра Перси СКОТТ.

Полковник Раулинсон написал эту книгу о нашей обороне Лондона против воздушных нападений Германии. Он считает, что мы не имели в начале обороны. Он об'ясняет, что оборона, хотя и поздно, но постепенно была создана, и что после того, как было убито 524 человека, ранено 1264 (не военных мужщин, женщин и детей), и погибло имущества ценностью в 2.042.000 фунтов стерлингов, мы приняли достаточные предосторожности, и немцы больше уже не наслаждались посещением нас в любой момент.

Полковник Раулинсон в последней главе своего труда указывает:

1) Настоящее состояние нашей воздухообороны недостаточно.

2) Он устанавливает, что наш Морской флот уже не есть первая наша линия обороны, что конечно, совершенно правильно.

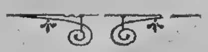
3) Если признается необходимым для нашей обороны двойное превосходство силы нашего флота, то же самое должно быть теперь уделено и воздуху. Этот принцип не был принят, и пока это так, мы будем находиться в опасном положении в котором наше правительство не должно нас оставить.

Вот самое существенное. Таким образом полковник Раулинсон считает заблуждением отдельное управление и абсурдом отсутствие единства в управлении всеми силами

Королевства. Как начальник полковника Раулинсона, я знаком со всети деталями налетов в период, когда он был офицером для поручений при мне: и прочтя эту книгу, я готов поручиться за абсолютную истину в деле обороны, которую он так краснoречиво очерчивает.

Должно быть очевидным каждому, что „Единство Управления“ есть единственное решение, благодаря которому возможно обеспечить будущую безопасность нации.

1923 г. **Перси СКОТТ.**

Вступление.

Подробности различных воздушных налетов, произведенных германцами на Англию, а главным образом на Лондон, во время мировой войны, естественно держались в то время в глубокой тайне у правительства. Дтя этого тогда было две основательных причины. Первая, это была величайшая важность держать противника в неведении о каком либо вреде наносимом при его налетах: а вторая, это было справедливое желание всевозможными средствами поддержать бодрость духа, при котором эти разбойничьи нападения могли быть переносимы населением страны.

В течении первого года войны против германских налетов не существовало действительной обороны. Однако были сделаны героические усилия, чтобы постепенно создать достаточную организацию обороны при условиях величайших трудностей, и в то время, когда все наши силы были напряжены до крайней степени под требованиями наших армий в поле.

Последние налеты были совершены эскадрилиями самолетов целиком из бомбовозов, специальной конструкции, под руководством летчиков и пилотов вполне натренированных для этой цели. Эти машины оперировали в неизменном согласии, одна с другой, действовали в „строю", каждая под руководством своего собственного Начальника. Эскадрилии различных самолетов имели свои исходные точки в Бельгии на правильных интервалах и их атаки следовали одна за другой. Благодаря этому не только каждый из них получал более шансов достижения своих целей, но и в тоже самое время задача действительной обороны оказывалась более трудной для нас ввиду продолжительного характера их атак; однако в сравнении с этими значительно разработанными операциями, многие налеты носили по необходимости опытный характер, с целью выяснения возможности

таких нападений на большую дистанцию, происходящих в воздухе и являвшихся задачей, подобной которой до сих пор не было.

Каждый шаг требовал испытания, как в его выполнимости, так и в ценности тех результатов, которые могли быть достигнуты с такими средствами. Покуда наши противники приобретали необходимый опыт для действительной организации их аттак, мы получили совершенно незаслуженный урок для того, чтобы вывести себя из состояния полного бессилия, благодаря недостатку в предвидении и инициативы наших правителей. Замечательно установить, что когда стране грозила неминуемая опасность и раздраженное общественное мнение обрушилось на правительство, в этот короткий промежуток все было использовано для импровизации схемы обороны, ибо даже простейших приготовлений для нее перед войной не было сделано. Опасность, которой подвергалась Метрополия была неми нуема, и очень важно было предупредить разрушение Больших Губернских Округов. Действительное напряжение войны вызвало лихорадочную деятельность, и весьма похвальное, хоть и немножко позднее желаниие действительной обороны и такой, каковая могла бы быть создана всеми имеющимися средствами.

Это тот период напряжения, многих выдумок и импровизаций, период уроков уак быстро поучающих и период действительной обороны, которая ультимативно потребовалось.

Я имею некоторую надежду, что этот материал будет интересен и что англичане получат некоторое удовлетворение в знании того, что если наши противники быстро учились, как нас атаковать, то мы с нашей стороны не отставали от них в сведениях и инициативе. Это было окончательно проверено тем фактом, что организация нашей обороны была в состоянии задержать ход развития атак, несмотря на положение абсолютной „неготовности“, в которой застала нас война, и которая так хроническк и плачевно характеризует взгляд наших правителей на действительную угрозу атак из „воздуха“.

Поэтому, если по выразительности уроков прошлого, этот разсказ о прежних оборудованиях нашей воздухо-обороны, твердо убедит тех, кто оценивает в значительной мере еще практическую уязвимость нашего положения в настоящем, в необходимости стремления к непрерывному и правильному увеличению наших воздушных сил, то главная цель для чего все это писалось будет достигнута

Лондон. 13-го июля 1923 г. **А. Раулинсон.**

ОБОРОНА ЛОНДОНА 1915-1918 г. г.

Часть I-я.

Оборона от Цеппелинов.

ГЛАВА 1-я

Воздухооборона Лондона в 1915 г. ее первая организация и вооружение.

Первый воздушный налет на Лондон, о котором я получил сведения в ночь на 31-е мая 1915 г. был произведен неизвестным числом Цеппелинов, и скорее вероятно только одним. От 90 до 100 малых бомб было сброшено в Восточной и Северо-Восточной частях Лондона, на этот раз 5 человек было убито и 14 ранено, в то время, как повреждение построек было практически ничтожным. Эти факты решительно показывают недостаточность бомб, употреблявшихся тогда противником для разрушительных целей. Для жителей Лондона, которые были воспитаны в сознании, что их остров недостижим для противника, до тех пор, пока наш флот, не уничтожен, дело представлялось в совсем другом свете: за одну короткую ночь, до которой они находились в абсолютной уверенности в безопасности их домов и имущества, они потеряли эту уверенность и не могли точно определить своего действительного положения.

Противник без сомнения верил, что появление его воздушных кораблей-Цеппелинов над Лондоном ночью, создаст панику среди жителей, совершенно такое же действие, как

если бы подобный случай произошел с Берлином. При этом однако, они увидели, что они ошиблись в оценке той непреклонной отваги, которая появляется под ударом судьбы и есть гордая принадлежность нашей нации.

Результатом было, действительно, пробуждающее действие на население Лондона, которое до этого времени находилось в несколько сонной уверенности в своей безопасности.

Пресса со всех сторон обрушилась на правительство, требуя немедленной организавии какой либо обороны, которая даже если и не могла обеспечить безопасность городу, то хотя бы по крайней мере показала противнику, что дальнейшая атака не сможет пройти безнаказанно.

Лишь три с небольшим месяца спустя после первого налета был сделан некоторый практический шаг к созданию и должному вооружению специальных войск для противовоздушной обороны столицы.

Адмиралтейство взяло на себя организацию Противовоздушной обороны, в то время, когда рессурсы армейского военного Ведомства были напряжены до крайности требованнями Полевой армии и необходимостью накопления запасов для войск фронта. Действительные силы обороны состояли из Отделения Королевской Флотской Воздушной Службы, под очень искусным начальством Командира эскадры Мурей-Сьютер К. Ф., как Командира Воздушной обороны, при содействии К-ра Халахом К.Ф., которые оба работали день и ночь и совершили чудеса, при совершенно недостаточных рессурсах, бывших в их распоряжении.

Большая часть офицеров и солдат состояла из членов особого констебльства, которые назначались или поступали в Королевский Флотский добровольный резерв, на основании временной лишь службы под начальством Командира Гренвиль Грея К. Ф. Д. Р.

Этот персонал посвящал ежедневно 4 часа своей обязанности по обороне Лондона от воздушных атак и в течении остального времени продолжал свои обыкновенные занятия в гражданской жизни: они были вооружены четырьмя шестифунтовыми орудиями Гочкиса и шестью полуторафунтовыми Пом-Пом с несколькими ацетиленовыми прожекторами меньшей мощности, чем многие передовые прожектора на автомобилях; однако, было еще два 3 дм. морских орудия, которые обслуживались Королевскими моряками и располагались у Тоуэр-Бридж и Реджент-Парк.

Это вооружение было усилено перед налетом 31-го мая еще 4-мя 3 дм. морскими пушками. Вооружение было недостаточно и несоответственно той цели, для которой они предназначались, так как не только было совершенно невозможно причинить этими пушками какой-либо вред Цеппелинам, но даже нельзя было стрелять из них над Лондоном, не рискуя причинить значительный вред несчастному населению. 20 июля 1915 года, был назначен Лейтенант-Командиром К Ф. Д. Р. с целью обучения и командования эскадрой бронированных автомобилей, которые тогда строились, и по возвращении в Лондон в августе, дав моей эскадре месячную хорошую подготовку на Южном берегу, я был вызван на совет с Командиром воздухообороны, чтобы придумать, какие либо средства для улучшения вооружения и огнеприпасов в целях более действительной воздухообороны.

Это очень лестное приглашение было обязано факту моего пребывания в Париже в течение предыдущей зимы при организации Противовоздушной обороны, где я к счастью приобрел некоторый опыт, как в системах противовоздушного прицеливания, так и в изготовлении трубок и снарядов для этого совершенно нового вида Артиллерии.

Я деятельно принялся, как только позволял мне досуг в промежутках между обучением моей эскадры броневиков, за проэктирование различных изменений и усовершенствований, в установках, прицелах и снарядах, которые были тогда в распоряжении воздухообороны Лондона.

Таково было положение в ночь с 7-го на 8-е сентября, когда Цеппелин или Цеппелины, вновь появились над Лондоном, сбросили около 35-ти бомб в Юго-Восточной части. Немного вреда было нанесено при этом случае, только 16 человек было убито и около 30-ти ранено; повреждение построек не достигало 10.000 фунтов стерлингов. Однако эффект на чувство публики, уже пробужденной от ее летаргии, был мгновенен: жалобы и протесты посыпались по всем направлениям в следующее утро. Однако в течении следующей ночи, вновь пришли те же, а может быть другие Цеппелины и сбросили еще 50 бомб в Восточном конце Лондона (севернее реки) пройдя вплотную к западу от Хольборна и Блюмеберга убив, около 16-ти человек и ранив 50. Повреждения же построек на этот раз были много серьезнее, возникло около 30-ти пожаров, и вред по убыткам превышал 500.000 фунтов стерлингов.

Этот налет происшедший в следующую же ночь показал, что противник расчитывал на полное отсутствие какой

либо опасности для него со стороны нашей обороны. Не только была ясно продемонстрирована неминуемая опасность Лондону, с циничной прямотой, в чем нельзя было ошибиться, но немцы не поколебались „Ковать железо, пока горячо“ производя налеты в две ночи следующие одна за другой

Действительно результат второго налета был счастливее, так как жалобы и протесты всякого рода уже раздавались ежедневно, давление на правительство усилилось и дошло у публики до крайних пределов. На следующий день, поэтому граждане всех классов, начиная от Лорд-Мэра и ниже приняли участие в общей демонстрации, выражающей недовольство.

После обеда 11-го сентября, я будучи всецело занят заканчиванием моих проэктов, был вызван и тотчас же явился в Адмиралтейство к мистеру Бальфур, который был первым Лордом Адмиралтейства. Как только я был введен в кабинет я нашел его советующимся с адмиралом Сэром Перси Скотт, которого я увидел тогда впервые. Мистер Бальфур представил меня Сэру Перси Скотт и сообщил мне, что правительство, назначило адмирала организовть Артиллерийскую оборону Лондона.

Кроме того, так как он знал, что я получил обширный опыт в организации противовоздушной обороны Парижа, он послал за мной чтобы предоставить в распоряжение адмирала мои услуги, для содействия в учреждении подобной же организации Лондона. Речь шла о недостаточности действовашего вооружения на обороне Лондона. Я был в состоянии дать точные подробности, как об обороне Парижа, так и об орудиях, там употреблявшихся. Было решено, что первый Лорд должен уполномочить меня отправиться в Париж к генералу Галлиени (военному министру), и постараться тотчас же получить у него образцы наиболее действительных противовоздушных орудий и снарядов употреблявшихся тогда на обороне Парижа. Мистер Бальфур тотчас согласился написать оффициальное письмо, и я покинул Адмиралтейство с адмиралом Сэром Перси Скотт, который стал моим начальником.

Затем обсуждались некоторые детали в течении ближайших дней, и немедленно было решено взять обученных людей из моей броневой эскадры для оборудования ядра, из которого должны были образоваться силы подвижной Противовоздушной обороны. Эти силы должны были постепенно быть снабжены автомобильными пушками и прожекторами.

Таким образом Подвижная оборона должна была дополнять орудия и прожектора на постоянных установках, к позициям которых противник мог привыкнуть: тем временем оффициальное письмо Адмиралтейства к Французскому военному министру не имело реальных последствий и в таких обстоятельствах Сэр Перси с характерной решимостью написал письмо для меня лично, не делая больше отсрочек.

Утром 16-го сентября он принял это решение и, в этот момент я отправился в моем автомобиле к нему в дом. В несколько минут письмо было написано и момент спустя, положив письмо в карман, я отправился по дороге в Париж в автомобиле. Адмирал телеграфировал в Фолькетон морскому погрузочному офицеру о том, чтобы посадить меня и погрузить автомобиль на послеобеденный пароход, идущий прямо до Булони. Это было сделано и я достиг Парижа в эту ночь, находясь, конечно, все время в пути.

На следующее утро первым долгом был сделан визит к моим друзьям Парижского Арсенала, с целью узнать, каковые орудия употреблялись в данный момент, с тем, чтобы я не поставил таких запросов нашим союзникам, которых они не в состоянии были бы выполнить. К моему великому удовлетворению я нашел, что одна из самих последних „автомобильных пушек" была готова в этот момент к испытанию, перед ее отправкой с автомобильным зарядным ящиком во французскую противовоздушную секцию на фронт.

Вот копия рапорта о моей поездке, которую я передал адмиралу на следующий день по возвращении.

22-го сентября 1915 года.

„Сэр получив Ваше приказание в Лондоне в 11 ч. 30 м. пополудни 16-го числа с/м о том, что я должен достать у Французского правительства 75 м/м Противовоздушную пушку новейшего чертежа, установленную на специальной Автоустановке, немедленно отправился в Париж.

Прибыл туда в эту же ночь, и на следующее утро, узнав в Парижском Арсенале, что такое орудие действительно готово к употреблению, я получил ауденцию у генерала Галлиени, военного министра, и передал ему Ваше письмо. Он в очень любезной форме об'яснил мне, что очень желает удовлетворить просьбу, но не в состоянии сделать этого, так как все эти орудия находятся в распоряжении генерала Жоффра, главнокомандующего, который единственно имел власть распорядиться ими.

Однако министр дал мне записку к главнокомандующему о том, что он был бы очень рад удовлетворить просьбу, если высшее командование не имеет чего либо против.

Поэтому я тотчас отправился во французскую главную квартиру в Шантилльи, где увидел генерала Пелле, Начальника генерального Штаба, который без задержки телефонировал министру, уполномачивая передачу орудия, ящика и полного снаряжения.

Я проверил все принадлежности тогда же после обеда, и на расвете следующего дня орудие было оффициально испытано в моем присутствии. Орудие, ящик и полная принадлежность покинули Париж в то же утро под руководством механиков Французского Арсенала и были погружены в Булони, для отправки в Нью-Хевн. В ту же ночь я прибыл с этим на снарядном пароходе, в эту ночь я привез все в Лондон из Нью-Хевна и на следующее утро, я имел честь рапортовать Вам о благополучном прибытии до полудня.

Вся операция со времени получения Вашего приказания в Лондоне до момента передачи рапорта Вам о прибытии орудия, заняла 72 часа.

Прилагая фотографию орудия и ящика, имею честь быть сэр Ваш покорный слуга.

А. Раулинсон.

(Лейтенант старший офицер К. Ф. Д. Р.)

Таким образом эта необыкновенная комиссия была удачно завершена: орудие и его принадлежности стали предметом величайшего интереса лондонских экспертов и у меня уходило много времени на об'яснение методов работы с различными частями его принадлежности: сюда входили высотомер, дальномер, специальный прицел и несколько приспособлений различного сорта, в то время еще неизвестных в Англии.

Орудийная прислуга была тотчас взята из отборных в моей броневой эскадре и начала усердно тренироваться, при новом орудии, так как было возможным во всякий момент, что потребуется привести его в действие для обороны Лондона.

ГЛАВА II-ая.

Формирование войск Противовоздушной обороны К. Ф. Д. Р. Первое Французское орудие в действии в Лондоне.

Между тем формирование сил противовоздушной обороны быстро подвигалось, были выбраны позиции для орудий на постоянных установках, установлены прожекторные станции, избран личный состав и обучался под опытным руководством капитана Стенсфельда К. Ф. и старшим офицером Гренвиль Грей К. Ф. Д. Р.; со своей стороны я охотно обучал группу солдат, взятых из броневой эскадры К. Ф. Д. Р., которые предназначались в короткое время развернуться в К. Ф. Противовоздушную Подвижную бригаду. Единственным орудием бывшим тогда в моем распоряжении—это было французское орудие, которое стояло у Штаб квартиры Броне-эскадры у заводов Тальбот в Лейдбрукской роще; люди жили в непосредственной близости. Продолжительное обучение производилось каждый день с раннего утра и до сумерек после обеда, когда они получали трех часовый отдых, до 9 часов пополудни, в каковой час все офицеры и солдаты вызывались, проверялись и подготовляли все потребные приборы, и находились в положении „на изготовку" в ожидании налета, который мог последовать ночью.

В это время я имел полную свободу в выборе наиболее благоприятного места, куда следовало мое единственное орудие для действия на случай возможного налета с целью обороны „чего-либо", что противник наиболее вероятно избрал бы своей целью. Мне казалось, что центр Сити при отсутствии какой либо обороны, есть та точка, которую вероятнее всего противник изберет своей главной целью атак. Поэтому я тщательно исследовал окрестности с целью выбора позиции для орудия, с которой наиболее точно можно было бить по Цеппелину, сбрасывающему бомбы на английский банк и где в то время, огонь орудия с большой начальной скоростью мог причинить наименьший вред окружающим постройкам.

Разрешение было получить не трудно, так как идеальная позиция для орудия для наших целей была на Артиллерийской площади на Мургет Стрит, и власти тотчас же согласились, чтоб привести туда орудие и приготовить для действия, при получении первого известия о том, что Цеппелин перелетел линию берега.

Мы ждали не долго.

13-го октября после трудного дня учения, люди были распущены по их квартирам в 6 часов вечера; я ушел затем на свою квартиру в ожидании сбора вновь на последнюю четверть в 9 часов вечера; через небольшой срок телефон Адмиралтейста, стоявший за моей кроватью, бешено зазвонил и меня известил, что несколько Цеппелинов перешли линию берега и, вероятно, направляются в Лондон, где их нужно ждать позже 9-ти часов вечера.

Было около 7-ми часов вечера и мои люди расползлись по всем направлениям, чтобы вновь собраться к последней четверти к 9-ти часам.

Я поехал в Штаб-квартиру броне-эскадры и тотчас послал оттуда собрать всех людей, кого только найдут на квартирах и затем приступил к приготовлению всех принадлежностей, которые конечно были разложены по разным ящикам; по окончании послеобеденного учения я тут же начал нагружать зарядный ящик снарядами. В это время несколько человек начали по одному прибывать, автомобили были выведены, наполнены и машины разогреты для движения.

В 8 часов 25 минут по телефону из Адмиралтейста было передано приказание вести орудие в Сити на Артиллерийскую площадь. Так как орудие под моей командой было единственным в Лондоне, стреляющим фугасными противовоздушными снарядами, то оно поэтому было единственным, которое могло нанести какой либо серьезный вред или остановить Цеппелины.

В 9 часов (час для последней четверти примерно) люди стали возвращаться толпами, и так как было уже темно, то большой прожектор в фаре автомобиля и у орудия был зажжен: теперь мы ждали только унтер-офицера опытного бывалого человека, которому я позаботился сказать чтобы он был с нами на всякий случай, так как мои люди, хотя и отличного качества были еще очень „зелены“ и не были обстреляны. Этот человек запоздал много больше и появился лишь в 9 ч. 4 м.

Однако в 9 ч. 5 м. мы отправились: орудие и ящик следовали на дистанции в 50 ярдов. Все прожектора—фары были зажжены и „сирены“ были в действии на каждой машине. Каждая минута была дорога, и ни одной нельзя было терять: всю дорогу был выдержан самый быстрый ход, с которым орудия могли двигаться.

В то время еще не было системы предупреждений о налетах, укрытий от налетов или затемнения, т.к. это было организовано позднее и улицы были наполнены толпами едущих и пешеходов.

Мы достигли артиллерийской площади на Мургет-Стрит, пройдя все расстояние в рекордное время. Раньше чем успели стопорить колеса орудия, мы получили предупреждение, что Цеппелин виден в направлении NNW, направляющимся прямо на нас на высоте от 8000 до 10000 фут., и со скоростью как, я определил, 50 миль в час. Настойчивый шум его машины, который при ветре увеличился, прерывался грохотом бомб, которые сбрасывались в Хольборн и на берегу, пока он приближался.

Но здесь уже не было времени пользоваться высотомером или же дальномером, и я поэтому примерно определил скорость противника и что он будет на высоте 7000 - 8000 ф. и дистанции—5000 ярдов в направлении его движения, в тот момент, когда орудие сможет открыть огонь.

Получив от наводчиков „готово Сэр", я тотчас скомандовал „огонь" и все мы стали напряженно ждать разрыва.

Когда, он, наконец появился, то оказался недолет: (первый выстрел произведен через 20 минут после выхода на позицию). Однако Цеппелин шел прямо на нас, как только снаряд разорваля, наводчик крикнул: „орудие больше не дает, Сэр", что означало, что цель Цеппелинов прошла в мертвую воронку, (у французской автопушки предельный угол возвышения 83°).

Как только он снова вошел в наше поражаемое пространство в восточном направлении я скомандовал „огонь".

В это время мы ясно увидели разрыв снаряда, над и почти рядом с воздушным кораблем, но больше мы ничего не видели, так как появился густой туман ниже Цеппелина и он тотчас целиком исчез из наших глаз.

С этого момента раздался большой грохот взрыва немного восточнее; было ясно, что он сбросил сразу не только все свои бомбы, но также и весь водяной баласт, в стремлении уйти и насколько возможно быстрее от опасности наших фугасных срарядов.

ГЛАВА III-ья.

Усовершенствования в вооружении: взрывчатые вещества и дистанционные трубки.

Первым и самым важным фактом, выяснившимся в ночь на 18-е октября, было неизмеримое превосходство фугасного снаряда над обыкновенным, которым снабжались тогда наши орудия, для целей воздухообороны. Единственным взрывчатым веществом, предназначавшимся тогда для орудий флота был лиддит и пикриновое вещество, запас же его сверх потребностей нашего флота был очень скромен.

Наконец еще серьезнее был факт тот, что не было дистанционных трубок вполне безопасных для употребления с фугасными снарядами. Поэтому мысль о стрельбе фугасными снарядами с дистанционной трубкой нужно было откинуть. Между тем Лондон оставался беззащитен.

Французы употребляли фугасные снаряды с дистанционной трубкой, значит проблема разрешима и адмирал поручил мне разобрать вопрос.

Это поручение было выполнено на месте и через час я вручил ему чертеж существующей трубки, измененной для той цели, чтобы быть „абсолютно безопасной", при употреблении с каким угодно взрывчатым веществом.

Простое усовершенствование, которое я предложил и которое было немедленно одобрено адмиралом, состояло в применении приспособления для действия с замедлением к дистационным трубкам, также как и ударным, таким образом, что происходящему от сотрясения выстрела разрушению дистанционной трубки мешало бы оффициально испытанное действие замедления и сделало бы невозможным преждевременный разрыв снаряда в канале. Это было тем более возможно и удобно, так как снаряд за пол секунды удаляется от орудия на 1000 фут. и просто надо было переставить время на полсекунды раньше, чем обыкновенно: конечно первые полсекунды не имеют значения в воздухообороне, так как едва ли можно ждать воздушного противника подошедшим под самое дуло наших орудий. Таким простым способом была создана безопасная дистанционная трубка для фугасных снарядов, производство которой авторитеты так долго об'являли невозможным.

За первым препятствием в отношении снарядов последовало еще много других, так как мы встречали оппозицию

от джентльмен, которые в прошедшие довоенные дни создавали проэкты и теперь были очень против каких-либо неоффициальных нововведений.

Как иллюстрация, подобная же помеха в дальнейшем в вопросе о применении фугасных снарядов для наших французских орудий, так как проэкт их не был раньше одобрен нашими оффициальными авторитетами.

Между тем немногие орудия, годные или даже негодные для нашего дела, с трудом поступали к нам. Поэтому было решено прибегнуть к щедрости наших союзников французов. На этот раз просьба была немедленно удовлетворена, и в следующую очередь мы получили три автомобильных пушки и 35 основных 75 м/м полевых орудий, для которых мы построили здесь противовоздушные установки. В это время мы были снабжены 20000 выстрелов французских снарядов.

Благодаря независимому положению, принятому Сэром Перси Скотт в его требованиях и просьбах к первому Лорду, в ноябре месяце мы насчитывали свыше 150 орудий различных классов и калибров, готовых к употреблению в воздухообороне Лондона. Со снарядами были, однако, большие затруднения и большинство моего времени уходило на испытания металлов и взрывчатых веществ, с целью определения наилучшей комбинации сопротивления снаряда растяжению и силы взрывчатого вещества.

Проблемма усложняется тем, что не надо забывать, что каждый фунт металла, выброшенного в воздух, падает обратно. Поэтому стреляя над Лондоном, необходимо для безопасности жителей, быть уверенным, что наши снаряды упадут вниз ввиде очень мелких частиц, могущих причинить возможно меньший вред для жизней и имущества.

Нам удалось дать новый проэкт снаряда. Главной сутью этих снарядов было то, что их дно вместо того, чтобы быть плоскими и очень толстыми, как в обычной модели, было напротив закруглено (куполообразное). В силу этого опасность, что дно останется целым после разрыва, была исключена.

Большое сопротивление дна давлению в камере орудия было по моему чертежу, достигнуто закругленной формой вместо особой толщины. В тоже время сопротивление, оказываемое куполообразным дном внутреннему давлению разрывного заряда, благодаря его форме было таким же, как и у стенок снаряда, и было достигнуто самое удовлетворительное и однообразное получение осколков; как дно, так и стенки разлетались на одинаковые мелкие осколки.

Дальнейшим требованием к снарядам, которыми предложено стрелять над населенными пунктами, было то, что в случае отказа трубки и падения целого снаряда — взрывчатое вещество их не детонировало бы при ударе в землю. Наконец была найдена удовлетворяющая смесь взрывчатого вещества, произведено испытание имевшее результат, что снаряд снаряженный этой смесью, выстреленный на дистанции в 100 ярдов в солидный твердый щит не детонировал.

Таким образом был решительно воспроизведен новый проэкт фугасного снаряда для целей воздухообороны, который имел следующие важные преимущества перед обыкновенной моделью:

1. Он дальше летел.

2. Стоил дешевле.

3. Во всех случаях при разрыве на воздухе давал осколки.

4. В случае отказа трубки, не детонировал при падении и ударе о землю.

Поэтому теперь снаряды противовоздушных орудий Лондона, были не так опасны для жителей Лондона, в то время как стали гораздо опаснее для противника.

Одновременно с этими усовершенствованиями необходимо было много работать по установке тех орудий, какие мы могли получить, на лафетах, соответствующих стрельбе под большими углами возвышения. Таких орудийных установок в это время не было. Поэтому потребовалось крайне безотлагательно создать их. В то время это было делом также большой трудности, так как каждая верфь и орудийный завод работали день и ночь с полной нагрузкой. Ввиду этого мы были принуждены ограничиваться нашими проэктами моделей, которые могли быть воспроизведены обыкновенными механическими мастерскими и заводами.

Что касается 35 французских 75 м/м орудий, то мы получили из Парижа проеэкт установок для больших углов возвышения, хотя и далекий от идеала, но легко и быстро выполнимый, и вполне отвечающий своему назначению для орудий на постоянных позициях. Дело с установкой для орудий британского изготовления на автомобиле было много труднее. Отличные установки для больших углов возвышения воспроизведены Виккерсом для его 3 фунтовых орудий, приспособленных на шасси легкого грузоввка Лянча (Италия) к которому приделывалась специальная орудийная платформа.

Два 3 дм. в 20 центнеров скорострельных орудий (20 центнеров весом) были также переданы подвижной бригаде: одно из них было установлено на отличном грузовом шасси Деймлер, а другое согласно специального проэкта.

Теперь оборона разделилась на две части: одна включала орудия и прожектора на постоянных позициях и была под командой Командира Гренвилль-Грей, К. Ф. Д. Р.; другая состояла из подвижных войск, в которых подвижная бригада была под моим командованием и расквартировывалась в северной части Лондона, и Кеннвуде.

ГЛАВА IV-я.

Противовоздушная Подвижная бригада, К. Ф. Д. Р., ее вооружение и обучение.

Вооружение и прожектора, переданные окончательно Адмиралтейством Подвижной бригаде, были следующие:

4—75 м/м скорострельных „авто-пушки“, установленных на специальном французском автомобиле.

1—3 дм.—20 центнеров с большой начальной скоростью (большой мощности) скорострельная, с большим углом возвышения британская пушка, установленная на специальном грузовом моторе Деймлер.

1—3 дм.—20 центнеров с большой начальной скоростью скорострельная, с большим углом возвышения британская пушка, установленная на прицепке.

8—3—х фунтовых, с большой начальной скоростью, скорострельных, с большим углом возвышения орудий Виккерса, установленных на грузовом моторе Лянча, всего 14 орудий.

4 автомобильных прожектора, установленных на шасси Тиллинг-Стефанс, динамо двигателя машины употреблялось для работы прожектора, когда шасси стояло.

Одно из французских орудий было снабжено его собственным зарядным ящиком, установленным на подобном же шасси, как и орудие и вмещавшим 200 выстрелов, а также снаряжение, дальномеры, предохранители, телефон и т. д. Остальные французские пушки были снабжены грузовиками под снаряды изделия Лянча; подобное же снабжение грузовиками этого типа было и у британских орудий, так что механическая тяга в конце достигала около: 14 орудий, 4 прожектора и 24 других автомобилей.

Для снабжения личным постоянным составом, я сделал прежде всего расчет определенного числа офицеров и солдат для обслуживания и потом достал их. Офицеры и технические силы (механики и люди) были доставлены из броне-отряда, и остаток пополнен специальной вербовкой. И тогда оставалась сравнительно простая задача—обучить их своим обязанностям.

В октябре Подвижная бригада имела одно орудие и ящик и состояла из роты механиков броне-отряда. Орудие стояло на заводе Тальбот и люди жили по частным квартирам. Уже 9-го ноября новая бригада принимала участие в смотру Лорд-мэра, и имела 5 автомобильных орудий и один подвижной прожектор, и для всех был полностью и обученный персонал К. Ф. Д. Р. для обслуживания.

5 декабря бригада парадировала на инспекторском смотру адмирала с 7-мью автомобильными пушками, 2-мя подвижными прожекторами, 14 другими автомобилями и с полным комплектом инструментов, телефона и т. д. целиком пополненная людьми хорошо обученными и специально набранными, под командой 9-ти лучших офицеров. Адмирал с этого дня продвигает меня в чин Командира К. Ф. Д. Р., отметив достигнутый прогресс. Но большие трудности представляло проталкивание вперед дела снабжения, установки и снаряжения орудий. Я был обременен еще приготовлением и проверкой 35-ти 75 м/м орудий, которые были переданы из Франции для использования на постоянных установках в обороне Лондона.

Надзор за конструированием в Англии установок так же выпал на мою долю, снаряжение и конструкции этих орудий были одинаково сложны и отнимали у меня время: поэтому я бывал очень рад, когда мог посвящать его наблюдению за обучением людей.

Крайне короткий промежуток времени, в который образовалась действительная сила, целиком обязан духу и отношению состава Бригады к трудностям обучения и к своим обязанностям.

Нужно отдать справедливость, что благодаря специальному отбору, ограниченному лишь условием физической непригодности для службы на фронте, Бригада получила высоко-квалифицированный состав с разносторонними талантами.

В течении суровой зимы противник без сомнения выполнял свои приготовления для будущих атак, и хотя он посещал северные части Англии, но в Лондоне позволил нам на короткий срок продолжать нашу организацию.

Орудия распределялись по степеням, обучение продолжалось, и практика „работы“ во время налета продолжались до тех пор, пока не была достигнута высшая степень совершенства. 31 марта и 3-го апреля Цеппелины сделали налет, при котором мы были в состоянии оказать много более серьезное сопротивление. Тоже самое было в постоянной обороне: что касается Подвижной бригады, я позаботился 31-го марта послать 12 орудий на 8 позиций, а также 2 прожектора; 2-го апреля мы послали 13 орудий на 8 позиций и 3 прожектора, и 3-го апреля 13 орудий на 7 позиций и 3 прожектора, таким образом за зиму был сделан значительный прогресс.

16-го февраля произошло очень печальное событие для нас. Армия, наконец, взяла в свои руки управление воздухообороной Лондона, и мы поэтому потеряли нашего самого опытного и почтенного Начальника адмирала Сэра Перси Скотт. Только всецело благодаря его отважной личности и безупречному положению, которое он занял по отношению к обычаям и постановлениям, было сделано так много, и настоящая оборона Лондона из абсолютно мизерных размеров стала теперь заслуживать очень серьезного внимания противника.

За это время бригада была постоянно обучаема в занятии ночью позиций на случай налета. В этих случаях, конечно, никто кроме меня не знал действительно это извещение или нет, и обучение такой практикой было превосходно; посредством этого мы постоянно могли делать усовершенствования в нашей организации и снаряжении. Было выбрано некоторое количество годных позиций для орудий и прожекторов вокруг Лондона, и они занимались различным числом орудий на окраинах Лондона с севера, востока или юга, согласно передаваемого направления ожидаемых атак.

В частности практика эта была очень полезна для тренировки наших телефонистов, что было очень важно, так как успех наших маневров во время налета в большой степени зависит от моментального и правильного извещения о всех движениях противника.

На первой выбранной позиции постоянный провод был соединен с ближайшей телефонной станцией и тотчас же по прибытии орудий на позицию телефонисты присоединяли к нему свой полевой телефон, тотчас же донося мне в Штаб-квартиру. Смотря на рапорты, написанные в то время, удивляешься крайне короткому сроку, в который после получения предупреждения, с различных позиций мне доносили, что орудия „готовы к бою", хотя дистанции и были велики и путь обычно тяжел; до донесения „готовы к бою", все инструменты были вынуты и проверены, телефонные соединения сделаны, орудия подняты на сошники (домкраты) и выравнены, снаряды, трубки и т. п. приготовлены.

Как иллюстрацию я приведу практический выезд 28 декабря 1915 г. когда большинство людей веселилось на праздниках Рождества, и Подвижная бригада была еще далеко не так хорошо обучена, как потом. В этом случае предупреждение о налете было получено в казармах Кенвуд в 6 ч. 17 м. вечера. В 6 часов 20 м. т. е. через три минуты первое орудие покинуло свою стоянку. Все 6 орудий делали выезд и последнее из них покинуло стоянку в 6 ч. 25 минут, только 8 минут после получения первого предупреждения.

№ 1 орудие донесло „готово к бою" в Эльдвиче в 7 ч. в.
№ 2 „ „ „увязло" у Хайем-Хамерса в 7 ч. 35 м.
и „гот. к бою" в 8 ч. 20 м.
№ 3 „ „ „готово к бою" у Мэнор-Парк 7 ч. 45 м.
№ 4 „ „ „готово к бою" у Бектон в 7 ч. 24 м.
№ 5 „ „ „готово к бою" у Стритэм в 7 ч. 24 м.
№ 6 „ „ „готово к бою" у Клепкем в 7 ч. 20 м.

Хотя благодаря затруднению в телефонных соединениях донесение пришло только в 8 ч. 20 м.

Среднее время, потребовавшееся для прибытия на позицию и изготовку к бою, было меньше часу.

При переходе воздухообороны Лондона в подчинение командования армией было интересно проверить прогресс, который был сделан в ее организации в течении 5-ти только месяцев. Следующая таблица дает на это ответ.

Артиллерийская оборона Лондона.

Прогресс с 15-го сентября 1915 г. по февраль 1916 г.

Прогресс по следующим датам	Число действующих орудий.						
	Франц. 75 м/м пуш. пост. уст.	6 ф.	3 д.	4 д.	4.7 д.	Подвижн. орудия	Итого
15-IX—15 г.	—	4	8	—	—	—	12
13-II—16 г.	—	4	11	—	—	9	24
17-I—16 г.	—	12	18	3	—	9	42
16-II—16 г.	1	17	18	4	—	10	50

Число орудий для которых делались установки.

4,7 дм.	10
4 дм.	4
3 дм.	1
6 фунт.	17
3 фунт.	4
Французская 75 м/м	30
15 фунт. В. С.	20
2д.,95 русск.	12
	98

Еще важнее, чем число орудий, факт достаточного снабжения соответствующими снарядами, способными причинить максимальный вред воздушному противнику с минимальным риском повредить городу и жителям. А также была учреждена полная организация обороны, сооружены позиции для орудий и прожекторов, люди набраны и обучены, в то время как формирование подвижной бригады создавало внешнюю линию обороны, которая была независима от постоянной обороны и могла быть употреблена, в случае нужды в другой части королевства.

ГЛАВА V-я.

Армия принимает командование над обороной Лондона; ранние налеты Цеппелинов.

Кога армия приняла командование над обороной Лондона, подвижная противовоздушная бригада вошла в подчинение фельдмаршала лорда Френча, главнокомандующего внутренними силами, главная квартира которого была на Хорс-Гарде. Но, это однако было лишь в смысле оперативном и войска продолжали снабжаться и оплачиваться Адмиралтейством.

В начале марта предполагалось сделать практическую тревогу и подвижные орудия должны были отправиться на линию позиций, прикрывавших север Лондона. Когда со всех орудий было донесено „готово к бою“ с этих позиций; дальнейший приказ должен был бы гласить, что атака ожидается с юга и орудия должны бы тотчас двигаться и занять линию позиций, прикрывающих окрестности города в этом направлении.

Этот маневр был выполнен очень удачно.

Некоторые из этих позиций нам были привычны; я назову лишь те, которые были заняты в эту ночь. Является очень интересным покрытие дистанций и время, ушедшее на перемену позиций, так как центр Лондона пересекался каждый раз, и перемена происходила между 10 ч. 30 м. и 11 ч. вечера в час, когда улицы наиболее полны движением.

Позиции, как я припоминаю были:

Север.		Юг.
1. Финчли	менялось на	Уондсворт
2. Пальмерс-Грин	„ „	Клепхем

3. Хайем-Хилл менялось на Стритэм

4. Уонстид-Флаттс „ „ Бекенгем

5. Бектон „ „ Гров-Парк.

Дистанция от Хайэм-Хилл (прямо к востоку от резервуаров противоположных Тотенгему) и Стритем есть наиболее длинная и проходит через центр Сити; я принял командование этим орудием сам, чтоб установить срок, а капитан Стенсфельд К. Ф., который командовал всеми силами К. Ф. Д. Р., ехал со мной на моей машине, чтобы быть уверенным в том, чтобы я „не установил слишком быстро“.

Хотя наша дистанция была очень большой, мы достигли нашей новой позиции в более короткое время, чем другие отряды; действительно мой собственный рапорт об операциях в Адмиралтейство, который лежит передо мной, устанавливает, что не прошло и шести минут, от момента, когда первое орудие донесло „готово к бою“ до момента такого же донесения последним орудием, и движение было закончено; факт, который говорит ясно об искусстве в действиях подвижных войск. Самим поучительным в операциях было то, что все орудия донесли самостоятельно по их собственным телефонам в Адмиралтейство „готовы к бою“ с их новых позиций в течении 35 м., с момента получения первого приказа о движении.

Этот результат был настолько убедителен для начальства в основательности требования исключительной подвижности, которое я поставил перед моими орудиями, что мне тотчас же было приказано произвести дальнейшее испытание на гораздо большие дистанции. Результаты этого нового испытания были следующие:

Три отдельные секции были направлены на три различные позиции. Каждая секция состояла из двух орудий, зарядного ящика и одного грузовика „общего обслуживания“ (везшего орудийную прислугу).

Вся прислуга орудий, телефонисты и все инструменты и снаряжение было взято.

Каждая секция была под командой собственного регулярного офицера.

Позиция, время и дистанции были:

Позиции	Дистанции	Покинули	Донесли о прибытии	Время передвиж.	Средняя скорость
Грет Денмау	45 миль	10 ч. веч.	10ч. 10м. в.	1 ч. 10 м.	36 спол. м/ч
Хай-Уич	25 миль	10 ч. веч.	10ч. 45м.	45 м.	32 — »
Мальден	48 с пол. м.	10 ч. веч.	11ч. 23м.	1 ч. 23 м.	35 — »

Должно быть отмечено, что не было сделано ни одной непроизвольной остановки, ни у одной машины, даже при самой большой средней скорости, которая все время поддерживалась; это является решительной поверкой искусства и обученности шофферов. Это было особеноо заметно, так как все тронулись в одно время и когда колонны следовали одной дорогой, то их марш представлял настоящую гонку между собой.

Единственным результатом этих опытов было то, что мы скоро начали получать приказы подготовить к отправке орудия и прислугу в разных других частях страны, но произошло много налетов, раньше чем это случилось.

31-го марта мы выступили с 12 орудиями и 2 прожекторами, получив донесение, что Цеппелины перелетели берег: но, хотя мы получили дальнейшия сведения о них, и они были слышны с наших позиций, однако, ни одно из наших орудий не было в действии. Однако мы были значительно ободрены, услышав в 2 ч. 35 м., что командующий на севере доносит о Цеппелине, на поверхности воды в устье Темзы, и что были посланы истребители для овладения им. Это было ценной добычей, так от его экипажа можно было узнать о многом, что касалось прогресса у наших врагов.

В ночь на 2-е и на 3-е апреля, мы занимали позиции, но огня не открывали, так как вследствие густого тумана Цеппелины не были видны.

Однако в это время Цеппелины сделали несколько налетов на северные части страны и на Шотландию, так как они удостоверились без сомнения, что ввиду туманной погоды на юге, легче найти об'екты на севере, и Лондон поэтому получил короткую передышку. Конечно северные округа

подняли крик об обороне и, так как в это время Подвижная бригада была единственной силой тотчас же готовой к этому, то я получил приказ выделить орудия и прожектора для обороны городов Денди, Эдинбург и Сендерленд, отделив в то же время сильную часть в северный Уольсхем для обороны берега Норфольк.

У нас теперь оставалось очень мало орудий, людей и в особенности офицеров. Мне прислали роту офицеров и солдат из армии для обучеиия их у нас противовоздушной службе на французских орудиях установленных на постоянной обороне Лондона. Таково было положение, когда в апреле 24, 25 и 26 подряд произошли три налета. В этих случаях мы были способны вывести только три орудия и один прожектор, а опытных офицеров был только один я. Однако три орудия были снабжены людьми и военный отряд был использован на одном из них в то время, как я сам отправился на одной авто-пушке на „уступную“ позицию, которая находилась в 20 милях дистанции в открытой стране восточнее Лондона.

24-го числа предупреждение было получено в 5 ч. 15 м. вечера и орудия Подвижной бригады „щупали лучом“ в разное время и в разных местах в течение ночи но противник не был обнаружен и наши орудия вернулись в казармы в 5 ч. 30 м. утра.

25-го было получено предупреждение в 10 ч. 57 м. вечера; в 11 часов вечера пришло извещение от командования что один или больше Цеппелинов были в то время южнее Ромхорд (в 12 ½ милях от дороги в Ливерпуль) и что я могу по своему усмотрению использовать свои орудия. Так как первое предупреждение о налете мы получили только за три минуты до второго, надо было предпологать, что мои орудия в этот момент не ушли достаточно далеко по дороге к их позициям в 20 милях расстояния. И действительно они были еще во дворе казармы, готовые к отправлению.

Я тотчас приказал, чтоб телефон был соединен с линией позиций, выбранной в Хемпстед Хенд, в одной минуте движения от казармы, я сам поспешил туда проверить их В момент отправки, когда небо было уже прорезываемо лучами прожекторов во всех направлениях и я увидел, как вверху блеснул Цеппелин в нескольких милях в восточном направлении и тотчас же бросился обратно и приготовил орудия к бою там, где они стояли на середине двора казармы.

Но так как воздушный корабль продолжал двигаться по прежнему на юг, вне досягаемости орудий, то мы скоро опять двинулись на случайную позицию в вершине Хемпстед Хето, откуда мы видели много лучше и где мы до некоторой степени могли иметь шанс салютовть противнику на его обратном пути. Однако, так как мы его больше не видели, мы поспешно двинулись на нашу собственную позицию в 20 милях расстояния, где и провели остаток ночи без дальнейших инцидентов и вернулись в казармы в 5 ч. 30 м. утра.

26-го мы вновь выслали три орудия и прожектор между 10 и 11 часами: Воздушный противник был слышан над несколькими позициями и прожектора его нащупывали, но не был виден и орудия вернулись в казармы в 4 часа утра.

24-го апреля наш отряд на берегу в Норфольке был также в действии и доносил следующее: „операции отряда противовоздушной подвижной бригады в северном Уольсхем 24-IV-16 года.

В 8 ч. 40 м. вечера—предупреждениие от фельдмаршала.
„ 12 ч. 5 м. вечера—очень тяжелые бомбы в 10 милях ЗЮЗ.
„ 12 ч. 25 м. вечера—слышен дирижабль приближ. ЗЮЗ.

Прожектора изучают. Бомбы сбрасываютя, одной из них, наш прожектор выведен из строя. Небо было во мраке, и без прожектора мы не могли видеть противника, 1ч. 30м. дирижабль слышен приближающимся с С. З. Прожектор будучи исправлен, стал щупать поймал цель и крепко держал ее в луче. 4 бомбы были тотчас же сброшены на прожектор, но повреждений не произошло и он продолжал работать. Оба орудия открыли огонь на дистанции в 2000 ярдов, на высоте 7000 фут. Дистанция была получена на второй очереди. Все снаряды рвались близко вокруг цели. Орудие № 3 выпустило 11 снарядов: орудие № 4 выпустило 7 снарядов, орудие № 3 имело попадание, так как цель задержалась.

4 часа 40 минут Кост-Гардо (береговая стража) доносила, что она видела Цеппелин в затруднительном положении в 10, примерно, милях над морем. Наблюдение за ним велось в телескоп, пока в 5 ч. 15 м. он совершенно не скрылся.

Заметка:—установлены следующие независимые свидетельства о том, что попадания видели:

1. Лейтенант Мекензи-Эштон К. Ф. Д. Р. и орудийная прислуга в Бектоне.

2. Таможенная стража на пункте Бектон Костгардо.

3. Офицер командующий военными патрулями в Уолькот·

4. Унтер-офицер Смитс и орудийная прислуга в Самертон.

5. Офицер—начальник броневой команды в северном Уольсхеме.

Их показания дают, что они наблюдали попадание в Цеппелин в задней части корпуса близко от руля в движении произошел внезапный бросок вверх, но затем он восстановил его горизонтальное положение.

Теперь стало прибывать к нам много орудий, главным образом 3 дм. в 20 центн., для которых приготовлялась специальная установка по приказу Сэра Перси Скотт.

Эти установки были конструированы Начальником инженеров юго-восточных железнодорожных мастерских в Эшфорде. Это совершенно новый проэкт имел больший успех, чем позднейшая установка, изготовленная в Вульвиче.

В течении мая штаб главной квартиры внутренних войск на Хорс-Горде старательно занялся организацией войск воздухообороны, которая в общем предназначалась для всей страны, для обороны от налетов противника. Прибывали офицеры и солдаты для батарей различных классов и бригада была оффициально занумерована и вся организация была разработана до последних деталей. Это было сравнительно легкое дело для офицеров того ведомства, где они служили, некоторые были хорошо знакомы со всеми деталями и военными требованиями британских орудий и людей.

Однако когда, дело касалось французских орудий и персонал требовался для их обслуживания, то он целиком находился во флоте; что же касается подвижных войск, тех которыми я имел честь командовать, то их орудия походили больше на это, чем автомобильные орудия, употребляемые в Британской армии.

Предполагалось, что подвижная бригада должна состоять из 16-ти 75 м/м французских авто-пушек, которые должны были действовать по две секции (об'единение употребляющееся во французской армии, для которого проэктировалось и приготовлялось все французское снаряжение). Подвижные прожектора были также постоянной частью бригады. Однако ввиду возможной задержки, в получении материальной части, я получил временный штат на 8 подвижных орудий и 8 подвижных прожекторов, для которых по положению для армейских войск об обслуживающем персонале британских

орудий на автомобиле мне назначалось 16 офицеров и 386 солдат. В тоже самое время запросили мое мнение, какие требования я считаю необходимым по отношению к персонлу. Мой ответ был следующий:

Я считаю при флотском персонале при условии снабжения Адмиралтейством, что 16 75 мм. подвижных орудий (действующих попарно—т. е. французское об'единение) и 8 подвижных прожекторов смогут обслуживаться во всех отношениях 11 офицерами К. Ф. Д. Р. и флотским экипажем 300 человек.

Этот ответ был так несогласован с обычаями армии, что я немедленно был призван, чтобы об'яснить, как такое положение было возможно. Это было слишком легко сделать и удачно, так как факты исключали какой либо спор и отражали важные преимущества, на которых армия организовала механический транспорт. Это об'яснение состояло, конечно, в том, что так как подвижные войска под моей командой произошли из броневого флотского авто-отряда, то мы имели своих собственных механиков, механический склад, отделение ремонтной мастерской и т. д. и брали на себя целиком всю тяжесть обслуживания наших моторов. В тоже время весь отряд самообслуживался, механики изучили артиллерийские обязанности, а артиллеристы—механические основы, так что каждая категория экипажа была способна помочь другой и все имели практику взаимозаменяемости, когда это требовалось: все механические склады были взяты (снабжены) из адмиралтейства, и механический ремонт выполнялся нашими собственными механиками, под моей ответственностью, как командира, без вмешательства какого либо другого ведомства.

В армии же всякая деталь, которая касалась механического снаряжения была под началом механического департамента (ведомства) службы армейских корпусов, в который направлялись все требования и который снабжал всеми механическими частями и производил ремонт. Поэтому механический персонал был целиком отделен от остального, а следовательно добавлялся. Поэтому терялось много времени и во многих случаях требовалось два человека выполнить работу, которую легко мог сделать один, и издержки пропорциально возрастали.

Мое предложение было принято и немедленным результатом было снабжение меня несколько большим числом

офицеров К. Ф. Д. Р. и сообщено, что я должен увеличить персонал в дальнейшем специальным набором, когда прибудут еще орудия.

Тем временем несколько офицеров и солдат К. Г. А. были приданы нам для инструктирования в обращении с 75 м/м французскими пушками, которые находились на воздухообороне Лондона.

ГЛАВА VI-я.

Летние налеты 1916 года. Штаб К. Ф. Подвижной бригады в казармах в Кеннвуде. Хемпстедский отряд на восточном берегу.

Конюшни в Кеннвуде, которые с согласия лорда Мансфельд, владельца их, мы занимали под казармы великолепно отвечали своему назначению.

Общие силы бригады в июне 27-го 1916 г. достигли 76-77 человек, так как тогда к штабу присоединялся один отряд из Дэнди.

Эти войска размещались в казармах. Казарменный режим был выдерживаем как на борту корабля и весь экипаж спал на койках, которые убирались каждое утро, как на борту корабля.

Мы имели свой собственный телефонный кабель, прилежно обслуживаемый штатом специалистов—телефонистов, что имело громадную важность при выполнении наших обязанностей. Казармы, действительно, отвечали нашим целям в высшей степени.

9-го июня мы получили предупреждение о налете и вывели 8 орудий и 1 прожектор. Было занято 5 позиций к северу от Лондона; наличный персонал состоял из 6-ти офицеров и 118 солдат, но противник не достиг Лондона и действий не было. Наши отряды на восточном берегу вызывались в течение месяца, но Цеппелинов не было видно, за исключением ночи на 30-е, когда наш отряд на Норфолькском берегу видел одного, но вне досягаемости орудий.

В ночь на 2 и 3-е Августа, однако, наш отряд северного Уэльсхема открывал огонь два раза в течение ночи. Несколько бомб было сброшено на окружающую местность, но неприятель, казалось испугался нашего орудийного огня, и увеличил свою скорость, забрав большую высоту, как

только был открыт огонь. Это доказывает, что попадание, которое в предыдущем имел этот отряд, прошло не без воздействия на противника.

В перерывах между налетами и учением в течение лета, я должен был часто ездить во Францию по вопросам снабжения наших подвижных французских орудий, снарядами и снаряжением, а также 35 французских орудий, которые состояли тогда на постоянной обороне Лондона. Тогда я близко ознакомился со всеми опытами и усовершенствованиями в противовоздушной артиллерии у наших союзников. Я регулярно посещал французскую противосамолетную школу в Арнувиле (вблизи Парижа) и ознакомился со многими очень важными опытами, ведшимися как здесь, так и в Пиротехнической школе в Бурже, имея ввиду усовершенствование противовоздушного прицеливания и снарядов и различных „воздушных“ приборов, дально—и высотомеров главным образом.

Наиболее интересным изобретением была известная магнитная система прицеливания по самолетам, придуманная очень талантливым французским инженером М. Б р о к к. Эта была совершенно новая и автоматическая система прицеливания и завоевала постепенно во французской армии блестящий успех.

Изобретатель был так любезен, что предложил мне продемонстрировать это, и я видел ее работу в штабе 24-й армии во Франции непосредственно перед началом боев на Сомме в 1916 году. Однако, система представляла слишком большое нововведение, чтобы принять ее тогда-же для британских противовоздушных орудий в то время [1]).

Должно быть интересным также и описание „западни“ для Цеппелинов. Нам было хорошо известно, что противник делал все усилия узнать расположение различных заводов, изготовляющих различные трубки и снаряды, сооружены в это время по всем направлениям вокруг Лондона, чтобы сделать их об‘ектом своей бомбежки. И вот самые изобретательные умы в главной штаб-квартире внутренних войск придумали создать специальное сооружение на определенном пространстве к Северо-Востоку от Лондона, немного восточнее обычного направления полетов воздушных кораблей противника, на их пути от берега. Это пространсто было

---

*) Описание принципов приборов Брокка можно найти в книге „Противосамолетная Оборона С. А. С. Ш. часть 1-я Зенитная Артиллерия“. Издание Опытно-Испытательной части К. У. К. С. З. А. 1925 г. РЕД.

огорожено и об'явлено секретным местом, под особым покровительством и наблюдением, никто не мог входить туда и по соседству быстро распространилось, что правительством здесь под большим секретом производится изготовление взрывчатых веществ. В действительности здесь был устроен определенный набор электрического света. Здесь, когда требовалось, можно было создать впечатление работающего завода ночью, чтоб его можно было видеть с воздуха.

На ясно выдающейся местности по соседству мы избрали позиции для орудий и прожекторов, которые и занимали, как только получали предупреждение о приближении Цеппелинов. Свет „западни" был направлен на них, и всегда можно было надеяться, что приманка должна быть заманчивой и можно было бы хорошо поохотиться.

Однако хотя я в течение нескольких налетов был здесь, за отсутствием других знающих офицеров, и слышал шум проходящего воздушного противника в разных направлениях, я не помню, чтоб хоть одно орудие, когда либо было в действии и нельзя было не вывести заключения, что „секрет" этого места не являлся „секретом" для противника.

По прибытии наших последних авто-пушек из Франции, мы увидели, что французы маскируют их замечательным и действительным образом. Действительно, наверное, можно было предполагать, что нельзя найти цвета такого калейдоскопического и яркого вида, какой они представляли. Я узнал в Парижском Арсенале, что виновником в изобретении этого замечательного цвета был один из механиков, в частной жизни художник: он был раньше ответственным декоратором в опере, и, владея свободно кистью и дарованием к рисованию, успешно проделал эту работу.

Так как я был твердо уверен, что мы будем подвержены атакам днем, также как и ночью, я получил разрешение остальные машины Подвижной Бригады привести в токой же цвет. Сопровождаемый моими французскими друзьями я пустился в поиски среди „созвездия талантов" всякого рода, какие представляли наши люди, для того, чтобы найти „артиста-декоратора", (что является верным английским названием), который был бы способен сравняться с этими французскими шедеврами. Тотчас же было сообщено, что мы имеем действительно одного человека, который по слухам знает дело, который может нарисовать кой-как и кой-что ни на что не похожее. Так как это была квалификация, по которой нельзя было судить, то ему было дано много красок и автомобиль – проявить себя. Успех превзошел наши

ожидания, так как когда машину привели на осмотр, казалось, что весь зоологический сад на ней. Они резали яркостью глаза—полосами тигра и зебры; пятнами леопарда и жираффы, к которым примешивались яркие цвета в некоторой степени, павлина и райских птиц. Это, конечно, бросалось в глаза вблизи, но на расстоянии было так же незаметно, и не выделялось на фоне, как и произведения французских экспертов оперы.

Для того, чтобы проверить действительность схемы нашего цвета, мы сделали практический выезд в Чобхем. Здесь мы поставили разные орудия на разных позициях и затем рассматривали их в телескоп с расстояния в 4 или 5 миль. Орудия, которые были окрашены в обыкновенный флотский серый цвет были ясно видны, но два остальные французского и английского артистического произведения были совершенно невидимы и с этого дня все наши машины были приведены в такой же вид.

В августе однажды ранним вечером, около 6 ч. 30 м. мы внезапно получили приказ всей бригадой двигаться в Норфольк и распространиться там вдоль берега в обе стороны от Северо-Восточной точки, называемой Хепписбург Ляйтшиб. Главная Штаб-квартира внутренних войск об‘яснила мне, что это движение очень важно и вызвано тем, что при атаке воздушными кораблями берега будет возможно охватить их концентрическое движение и сделать их стремление достигнуть главного об‘екта—Сити Лондона—делом большой трудности.

Меня спросили, как скоро я могу быть готов к движению.

Мой немедленный ответ, как я узнал потом, был большой неожиданностью и очень сильно сомневались в возможности проделать эту операцию в срок мною указанный, в 6 ч. 30 м. вечера я получил приказ, и сообщил в главную квартиру, что могу начать марш всей бригадой из казармы в Лондоне на следующий день на рассвете и буду иметь орудия на позициях Норфолькского берега до наступления темноты, т.е. через 24 часа после получения оригинального и неожиданного приказа.

Я получил приказ „двигаться“ и, конечно, уже теперь нельзя было спать ни одному человеку из всей бригады в эту ночь.

Все снаряжение было упаковано в течении ночи и в 3 ч. 30 м. вся бригада двинулась, вытянувшись на дорогу при первых лучах рассвета, Тем временем я телеграфировал

Мекензи-Эштон, офицеру командовавшему нашим отрядом в Северном Уэльсхеме, подыскать место для нашего лагеря, и встретить нас на окраине города в 1 ч. дня на следующий день. Часть людей была оставлена сзади собрать тяжелый багаж и довезти его по железной дороге.

ГЛАВА VII-я.

Подвижная бригада на берегу; налеты 2 и 3 сентября 1916 года.

Наша колонна выступила из Лондона в составе 12-ти авто-пушек, трех подвижных прожекторов и двадцати других авто-машин, включая зарядные ящики и мотоциклы. Мы взяли с собой снаряды, механический запас, телефоны, наши, высото-и дальномеры, а также и продольствие; наши палатки и все лагерное сооружение (принадлежность) направлялось по железной дороге в то же утро.

Мы проследовали по большой Северной дороге через Вельвинь к Стевинедж, где остановились для завтрака, затем прошли через Балдок и Ройстон и потом через Ньюмаркет Тестфорд к Норвич, выдерживая скорость, с которой колонна выступила и дистанции в 150 ярдов, во избежание пыли. Мы не имели механических затруднений какого либо сорта. Встретив лейтенанта Мекензи-Эштон на окраине северного Уольсхема, как указывалось в 1 час дня, мы приостановили колонну и продолжали движение на поле, которое он избрал для нас, где бып быстро раскинуты палатки и воздвигнут временный лагерь. Теперь можно было донести, с большим удовлетворением в 1 ч. 30 м. дня в Хорс-Гарде, что марш в 150 миль выполнен успешно; все наши орудия и персонал готовы, и будут на позициях на берегу до наступлсния ночи. После хорошего обеда, все отправились отдыхать, конечно за исключением несчастного командира, обязанностью которого было выдвинуться на 5 миль дальше к берегу и там выбрать и отметить позиции для орудий и прожекторов на фронте в 20 миль, в то время как люди отдыхали. Это было сделано и наш телефон был тотчас присоединен к общей линии телефонов вдоль всего фронта, и все было готово для занятия позиций ночью орудиями.

В эту ночь все орудия и прожектора были выдвинуты на новую линию и донося в главную квартиру о том, что

все силы были на позициях, каждое орудие и прожектор могли самостоятельно говорить с Хорс-Гарде, по своему собственному телефону: штаб главной квартиры был настолько любезен, что выразил свое одобрение по поводу быстроты и искусства, с каким была выполнена вся операция. Наш марш был выполнен в период полнолуния, в каковое время Цеппелины обыкновенно воздерживались от атак и поэтому мы надеялись и действительно получили несколько дней передышки. Это было использовано для рекогносцировки всего берега и в детальном выборе и занятии более постоянных позиций, чем это можно было сделать в первый вечер по нашем приезде.

Наш временный лагерь вблизи Северного Ульсхема был быстро свернут на следующее утро и основан постоянный лагерь-квартира в нескольких сотнях ярдов от берега вблизи Бектон, вплотную около места, где германский подводный кабель достигает берегов Англии. Главной причиной для выбора этого места для нашей штаб-квартиры, было существование телефона от позиции к Хорс-Гарде и Хеппигсбургскому легкому судну, стоявшему на якоре около 8 миль в море. Легкое судно было „отметкой“ или „берегом“, по которому Цеппелины обыкновенно ориентировалось, таким образом постепенно пробирались, и узнавали, что достигли берега, пройдя через Северное море от Ютландии к Англии. Над этим легким судном они имели обыкновенние собираться и брать от этой точки новое направление для их движения на Лондон.

Обеспечив постоянную связь с легким судном, мы поэтому были в состоянии получить самую первую весть о движении противника к берегу.

В данном случае вопрос заключался в семи Цеппелинах, которые, как мы знали, ожидались на их рандe-ву над кораблем, в этот вечер.

Несколько раз в Августе месяце различное число Цеппелинов разведывали южный берег Уош, очевидно, разыскивали Сандрингем, где в то время имела резиденцию королева Александра, поэтому я получил приказ снарядить отряд для обороны этих окрестностей.

Дистанция от Бектона до Сандрингема была около 40 миль по воздушной линии полета птицы или Цеппелина, но по ближайшим дорогам Норфолька около 50 миль. Однако, через

час по получении приказа отряд в 2 французских 75 м/м авто-пушки с их зарядными ящиками и прожектором был выслан и находился на дороге, для охраны королевы.

Осмотрев отряд и его снаряжение, раньше чем его отправить, я поехал вперед его сам, чтобы осмотреть окрестность и выбрать позицию для орудий.

Прекрасный дом Сандрингемского замка, окруженный живописной растительностью находился в одной миле от юго-восточного берега Уош. С точки же зрения разыскивания его с Цеппелина ночью к счастью было очень трудно его найти. Я поэтому бчл очень осторожен в постановке моих орудий и прожекторов, для того чтобы их позиции не могли указывать на то, что дом является их об'ектом защиты, но по возможности дать противнику заключение, что специальный пункт обороны орудий, расположен совсем в другом направлении.

Имея это в виду орудия были расставлены на 1 милю одно от другого и каждое в расстоянии в 1 милю от дома. Прожектор был поставлен в расстоянии 1 мили от каждого орудия, в направлении противоположном от дома. Наши три позиции представляли таким образом треугольник и можно было надеятьсья, что эффект такого расположения будет тот, что когда прожектор даст свет и орудия откроют огонь противник заключит, что дом, который является об'ектом защиты, вероятно находится внутри треугольника 2-х орудий и прожектора, в то время, как в действительности он находился на той же дистанции по ту сторону треугольника. Интересно было наблюдать, что наше предположение о вероятном направлении мыслей противника оказалось совершенно правильным. Когда, несколько позднее Цеппелин действительно атаковал, прожектор светил, оба орудия находились в действии, противник предположил, что его об'ект расположен в треугольнике образуемом 2-мя орудиями и прожектором и ни одна бомба не упала в непосредственной близости от дома. В то время, как деревня, расположенная на небольшом расстоянии внутри треугольника 2-х орудий и прожектора, пострадала значительно.

В течение второй половины августа мы были заняты усовершенствованием устройства обороны берега в окрестностях Бектона. К сожалению было необходимо значительно разбавить силы штаб-квартиры, так как другие места берега вопияли о защите и мы были принуждены выделить

10 орудий и 3 прожектора для обслуживания этих пунктов. Погода изменилась и движение орудий стало значительно труднее, так как выпали обильные дожди и к некоторым позициям было очень трудно подойти. 2-го сентября в ночь мы получили извещение в 8 ч. 15 м. вечера, что предполагается налет. Пришло донесение, что первый Цеппелин перелетел берег в 10 ч. вечера, с какого момента и много позднее 4-х часов утра мы имели очень „занятое“ время.

Налет был общего типа, как и все остальные. Действительная работа штаб-квартиры Подвижной бригады, а также мои заметки, записанные в то время, подробно описывающие все, представлены ниже. Будучи настоящим протоколом—летописью того, что выше было названо „занятым“ временем, они представляют интерес для тех, кто до сих пор имел лишь удобный случай изучать развитие налетов Цеппелинов, и которые могут быть названы „последними“.

Работа отряда штаб-квартиры К. Ф. Подвижной бригады со 2-го на 3-е сентября 1916 года.

Силы Штаб-квартиры:

2—75 м/м орудия на позиции Севернее Бектона.

1— 3 фунтовое орудие южнее Мендели.

1— 3 фунтовое у Уотс-Хауз.

1—прожектор севернее Мендели.

1—прожектор у Уолькот-Гэп.

Под командой: Командира А. Раулинсона К.Ф.Д.Р.

8 ч. 15 м. вечера—экстренное предупреждение из главной квартиры внутренних войск.

8 ч. 45 м. вечера—предупреждение от фельдмаршала, район 39 с нарочным конным ординарцем.

8 ч. 50 м. вечера—орудийный взвод Бектона покинул лагерь.

Прожектор Уолькот-Гэп покинул лагерь.

8 ч. 55 м.—орудие Мендели покинуло лагерь. Прожектор Мендели покинул лагерь. Главная квартира внутренних войск из Хорс- Гарде в Лондоне просит сообщать о состоянии погоды: отвечает командир Раулинсон.

9 часов вечера—3 фунт. орудие Бектона доносит с позиции „готово к бою“.

9 ч. 10 м.—прожектор Уолькот-Гэп доносит с позиции „готово к бою“.

9 ч. 15 м.—приказ фельдмаршала „налет начался“ район 39, из главной квартиры внутренних войск.

9 ч. 20 м.—3 фунт. орудие Мендели доносит с позиции „готово к бою“.

Заметка. Телефона от прожектора Мендели не было, так как позиция была переменена по причине дождливой погоды. Связь поддерживалась мотоциклистом.

9 ч. 50 м.—слышен разрыв 5 бомб южнее лагеря в расстоянии около 10 миль. 3-х фунт. орудие Бектон доносит тоже.

9 ч. 55 м.—орудие Мендели доносит—3 бомбы З. С. З. в расстоянии около 10 миль.

10 ч. 5 м.—2 бомбы слышны севернее лагеря в расстоянии около 5 миль.

10 ч. 10 м.—орудие Бектон доносит, слышно приближение Цеппелинов, шум продолжается уже 3 минуты.

10 ч. 20 м.—4 бомбы к юго-востоку от лагеря, в 3-х—4 милях.

10 ч. 24 м.—4 бомбы еще и там же.

10 ч. 27 м.—2 бомбы еще и там же.

10 ч. 25 м.—слышно приближение Цеппелинов с моря. Погода пасмурная, легкий дождь и низкие облака.

10 ч. 30 м.—Цеппелин над головою, перелетел берег с Северо-востока, невидимый в облаках. Высота от 5-6 тысяч футов, скорость 35-45 миль в час. Искали оба прожектора, но не могли проникнуть через облака. Огня не открывали.

10 ч. 40 м.—шум машины воздушного корабля исчез в направлении юго-запада.

10 ч. 40 м.—прожектора погасли.

С 11 ч. 10 м. до 11 ч. 14 м.—слышны 2-3 бомбы внутри страны в южном направлении, в расстоянии от 5-7 миль.

11 ч. 20 м.— 2 бомбы еще и там же.

11 ч. 25 м.—13 бомб еще и там же.

С 11 ч. 27 м. до 11 ч. 35 м.—8 бомб еще и там же.

11 ч. 35 м.—9 бомб в море, направление приблизительно восток; 35 сек. между блесками и взрывом.

С 11 ч. 35 м. до 11 ч. 40 м.—25 бомб в море в восточном направлении от 35 до 40 сек. между блеском и звуком.

Эти взрывы, казалось, были в 2-х местах, с интервалом от 1-2 миль, двигаясь к юго-востоку. Быть может это был ответный огонь орудий по Цеппелину с поверхности. Все суда и маяки от 2-4 миль в море потушили свои огни.

11 ч. 48 м.—8 бомб в море.

11 ч. 55 м.—2 бомбы в море. 50 сек. от блеска до звука.

12 ч. (полночь)—12 бомб в море. 56 сек. от блеска до звука.

12 ч. 30 м.—3 взрыва в направлении запада, в расстоянии 15 миль.

1 ч.—слышен звук приближения воздушных сил с С. С. З.

1 ч. 5 м.—орудие Мендели доносит: 5 бомб к С. С. З. в расстоянии 4 миль. Наблюдает за Цеппелином в направлении за З. С. З. от лагеря, направляющимся с востока на юг. Погода очень плохая, только моментами мелькает воздушный корабль, сквозь низкие облака, и в эти моменты видим невооруженным глазом без прожектора. Ветра нет. Оба прожектора искали, и хотя луч дважды накрывал воздушный корабль, в щель между облаками, было невозможно удержать цель в луче. Орудие № 1 не работало (мертвая воронка). Орудие № 2 сделало 5 выстрелов на высоте в 5т. футов и 4т. ярдов дистанции, как только цель стала видна и до момента, когда она совсем исчезла из виду.

Цель поднималась все время (забирала высоту), пока была под огнем.

1 ч. 12 м.—орудие Мендели доносит: произведено 2 выстрела по воздушной цели, когда она моментально появилась на высоте в 4 т. ф., проходя берег к югу от орудий. Воздушный корабль повернул тогда на север и сбросил 5 бомб, которые упали в расстояни 60-100 ярдов от орудия в скалу, в скат ее образуемый к морю.

1 ч. 30 м.—2 бомбы в море в расстоянии 3-х миль.

1 ч. 40 м.—2 бомбы в море в расстояний 5-ти миль.

1 ч. 45 м.—слышно приближение воздушных сил с юга запада. Погода пасмурная низкие облака. Перелетели берег через 3 фунт. орудие Бектон в 1 миле к югу от Штаб-квартиры. Воздушный корабль был момент виден невооруженным глазом, в щели между облаками на высоте 6000-8000 футов, 75 м/м взвод выпустил 11 снарядов из орудия № 1 и 7 снарядов из орудия № 2, дистанция от 4000 до 5500 ярдов, высота возрастает от 6000 до 8000 фут. Некоторые разрывы можно было наблюдать благодаря облакам, которые не давали совсем работать прожекторам. Эта же цель была видима орудию Мендели, но находилась вне его обстрела. Она была видима моментами некоторое время 75 м/м взводу, но из-за облаков орудие Бектон, вблизи позиции которого проходил берег, было в состояний сделать только один выстрел на высоте 8000 фут. 10 бомб было сброшено, до перехода через берег, несколько из которых упали в общине Ридлингтон,

менее чем в одной миле от позиций 3-фунтового орудия Бектон и вплотную у Бектонского морского аэродрома, где запылало пламя (произошел пожар).

3 ч.—Сандрингемский отряд сообщил о Цеппелине, проходившем к югу от их позиций и направлявшемся к востоку.

3 ч. 5 м.—Ветер Юго-Восток и посвежело.

С 3 ч. 5 м. до 3 ч. 15 м.—9 бомб внутри страны в западном направлении.

3 ч. 20 м.—К великому удовольствию получено известие от главной квартиры, что сбит Цеппелин вблизи Лондона.

3 ч. 40 м.—3 бомбы С. З. внутри страны. Виден блеск, но разрыва не слыхать.

3 ч. 50 м.—2 бомбы еще там же.

3 ч. 55 м.—Весть из Лагеря Вествик, южнее северного Уэльсшема: Цеппелин проходит над головой, направляясь на С. Восток.

3 ч. 58 м.—слышно приближение воздушных сил с Юго-востока.

4 ч. 5 м.—воздушный корабль проходит над головой и вне видимости: невидим в облаках, которые прожектора не могут пронизать. Этот воздушный корабль был преследуем вне видимости аэропланом, и летел значительно скорее, чем какой либо другой.

4 ч. 10 м.—донесено то же самое, главной квартире внутр. войск

4 ч. 20 м.—Юго-восточный ветер прекратился

4 ч. 35 м.—весть из Сандрингема с донесением о 12-ти выстрелах, сделанных в 3 ч. 45 м. Предполагают попадания, цеппелин направился к северу.

4 ч. 36 м.—предупреждение фельдмаршала „везде чисто"

5. ч. 20 м.—все отдельные орудия и прожектора возвращались в лагерь.

Заметка о противовоздушных операциях в ночь со 2-го на 3-е Сентября 16 года.

1) Ночь была темная и с раннего вечера густые низкие облака (1000 фут.) и мелкий дождь; когда ночь прошла, небо несколько прояснилось. Воздушные силы были видимы, когда находились между этими облаками или сквозь прозрачные облака невооруженным глазом, до пределов в 6000 ярдов расстояния по линии визирования, работа прожекторов при этих условиях заключалась в освещении цели, находящейся в ясной дыре, но цель становилась абсолютно невидимой, когда луч натыкался на облако, иной раз даже на такое,

которое было прозрачно для невооруженного глаза. Прожектора не могли держать воздушную цель в луче и ничего нельзя было рассмотреть, что находилось вблизи прожектора по причине их блеска, который получался в темной атмосфере.

2) Стремление воздушных кораблей искать прикрытия в облаках, при прохождении берега было достойно внимания.

3) Блеск аэродромов был очевидно привлекательным для них.

4) Они очевидно могли значительно увеличивать свою скорость, когда преследовались аэропланами.

5) Средняя высота, на которой они приближались к берегу достигала 5000-6000 футов и примерно на 2000 фут. более, когда возвращались.

6) Как будто открывался огонь с моря и это имело то действие, что несколько воздушных кораблей изменяли свой первоначальный курс, стремясь к берегу.

7) Последний воздушный корабль, прошедший над берегом, был уже на обратном пути раньше самых первых признаков рассвета.

8) Воздушные корабли постоянно продолжали стремиться к Хейписбургскому легкому судну, приближаясь к берегу, и с этой точки брали направление. Они также стремились к легкому судну, чтобы взять направление при обратном полете домой. Протяжение берега против легкого корабля до Хейписбурга (около 7 миль) наиболее удачная позиция куда их можно заманить и точка прямо к северу от Бектона была центром, по обе стороны от которого обыкновенно пересекался берег при налетах на страну и обратных полетах домой.

9) Число бомб, слышанных и зарегистрированных с этого места в течении ночи, было 170 на различных интервалах и в различных румбах компаса.

10) Число воздушных кораблей—при налете на страну: три пересекли берег повидимому в одной линии с интервалами в 20 миль, с центром между Мендели и Бектон около 10 ч. или 10 ч. 30 м. вечера. Четвертый сбросил бомбы в море в 10-15 милях от Бектона в 11 ч. 35 м., двигаясь на Юго-запад. Таким образом 4 воздушных корабля были отмечены, как приближавшиеся к берегу по соседству при их налете. Три пошли через легкий корабль при возвращении их домой, пройдя вне досягаемости наших орудий. Один в 1 час 5 минут, приблизился с Северо-запада и повернул к востоку через берег южней Мендели, стремясь к легкому

судну. Второй в 1 ч. 45 минут приблизился с Юго-запада с прямым курсом на легкий корабль. Третий в 4 ч. 5 минут пошел с Юго-запада, также направляясь прямо на легкий корабль. Этот воздушный корабль двигался много быстрее, чем другие.

11) Подробности огня. Воздушные корабли стремились забрать выше, как только попадали под огонь. Огонь велся при исключительно трудных условиях и очень редко было возможным наблюдать разрывы, и результат „поправок“ по причине облаков. Невозможно по тем же причинам установить, было ли попадание в какую либо цель.

Бектон 3/IX-16 года. А. РАУЛИНСОН.
Командир К. Ф. Противовоздушной
Подвижной Бригады.

Перечитывая этот рапорт, я должен отметить, что я забыл упомянуть то, что было у меня на уме в то время.

Это было убеждение в трудностях орудийного огня в эту ночь, и с того времени в дальнейшем я принялся постоянно изучать этот вопрос. Однако тщательное размышление об этом принесло добрые плоды, и мы вскоре имели случай произвести опыт, имевший практическую ценность и разрешавший наши затруднения, который, казалось был единственно-практическим, который можно было нам рекомендовать и который по мере испытания давал немедленно и несколько изумительные результаты.

Пункт, засевший в моем мозгу было вынужденное бессилие, когда Цеппелины в облаках проходили над берегом, хотя наши прекрасные орудия и могли бы поражать их. Мы не могли до некоторых пор разгадать, как они были в состоянии выдерживать свой курс, будучи закутанными в облаках, но это интересное обстоятельство раз'яснилось несколько позднее. Однако мы решили, что они не должны проходить безнаказано над нашими орудиями, будем ли мы их видеть или нет, а поэтому строили свои планы и делали наши приготовления в освещении нашего прошлого опыта, чтоб облегчить этот вопрос в будущем.

ГЛАВА VIII-я.

Дальнейшие налеты на берег. Усовершенствование атаки и новые способы обороны.

Самым интересным после налета с 2-го на 3-е сентября было получение рапорта лейтенанта Эштон об операциях его отряда в Сандрингеме в эту ночь. Оказалось, что с 10 ч. 30 м. и до 11 ч. 30 м. три Цеппелина крейсировали вокруг окрестностей его позиции, без сомнения отыскивая королевскую резиденцию, которую при бывшей тогда облачности было очевидно очень трудно найти. Сбросив около полдюжины бомб на удачу, они двинулись в южном направлении. Однако в 2 ч. 45 м. один вернулся и возобновил поиски, сбросив несколько больших бомб и уйдя на Юго запад. В 3 ч. 25 м. из Кингс Лин телефонировали лейтенанту Эштон: Цеппелин только что покинул Кингс Лин, направившись прямо на Сандрингем. Этот корабль очевидно, знал, где находится он и брал свое направление очень тщательно. Пройдя мимо над домом, но к счастью не будучи в состоянии различить, он без сомнения ждал, что прожектор будет его освещать и что он посредством этого сможет найти, как ему достигнуть своего об'екта. Однако он ошибся в своем предположении, т. к. согласно моего приказания, пока он не пройдет через дом и что будет совершенно очевидно, до тех пор не должно быть никакого движения, и прожектора, не должны давать света. Однако, как только он прошел через дом в 3 ч. 45 м. прожектор охватил его и скорый огонь был открыт с дистанции 200 ярдов всего на высоту 6000 футов. Лейтенант Эштон расчитывает на попадание вторым выстрелом в воздушный корабль. Однако не смотря на все старание, он все же не был в состоянии получить определенного доказательства этого попадания. Хотя последующие действия воздушного корабля указывают на вероятность такого вреда сделанного ему. Как только был открыт огонь цель тотчас же забрала высоту и взяла курс к себе домой, сбросив в тоже время одну за другуй 5 бомб, котоые все упали в границах радиусом 50 ярдов. Этим была серьезна повреждена группа избушек и их жители, которые находились в расстоянии 2000 ярдов от орудий и внутри треугольника трех позиций.

Они без сомнения были ошибочно приняты противником за Сандрингемский дом. Я посетил отряд на следующий день и узнал детали его работы на месте. По моему мнению это был

наиудобнейший случай для наших артиллеристов сбить Цеппелин т. к. погода в этот момент была ясная, дистанция легкая, не было особой поспешности в ущерб точности и быстрый огонь по цели вполне видимой. Эти факты, как можно предположить не могли быть упущены младшим унтер-офицером, который в то время командовал орудием и который без сомнения очень хорошо помнит инцидент того дня, а я до сих пор считаю, что он очень хорошо способствовал ужасному попаданию, которое имел.

По моем возвращении в Штаб-квартиру, наше время было посвящено изысканию средств, благодаря которым наши войска стали бы опасными для противника, который со своей стороны конечно, достиг большого прогресса для повышения действительности своих атак. Я постараюсь рассказать, возможно проще проблемму, которая встала перед нами тогда и достигнутые результаты после долгого и тщательного изучения.

Было очевидным, что наш противник старался обезопасить свои атаки, главным образом делая свои воздушные корабли, насколько возможно более „невидимыми“, пользуясь облаками, когда они находились в районе досягаемости наших орудий. Поэтому основной проблеммой, которую представляло решить для орудий обороны, было как можно более действительно поразить цель, которую мы не можем видеть. Перед нами встает сперва очень натуральный вопрос, если мы не можем видеть, как мы можем знать, где „это находится“. Ответ детски прост, а именно что, хотя мы не можем видеть, но однако мы можем слышать. Человек наделенный двумя ушами, услышав какой либо звук естественно поворачивает свою голову так, чтобы слышать звук одинаково обоими ушами. Выполнив это, он тем самым найдет прямое направление, откуда исходит звук. Это единственный принцип, на основании которого будет возможным использовать уши для прицеливания. Здесь остается большой путь, хотя и верный, перехода от теории к практике. Обратимсь теперь к рассмотрению удивительного устройства человеческого тела и рассмотрим базис, на котором покоится сила восприимчивости человеком звуков. Очевидно, что необходимо найти какие-либо способы, посредством которых наша естественная сила восприимчивости звуков могла бы быть повышена, т. к. разрешение вопроса о направлении звука зависит от одинакового слушания обоими ушами, то следует, что основание треугольника, где вершина—источника звука, представляет расстояние между ушами человека. Это крайне

короткая база в сравнении с треугольником, который у нас будет всегда. Поэтому если мы увеличим длину базы, то соответственно увеличим и угол у вершины, который неизбежно и сильно повысит точность определения местоположения источника звука. Изобретение, вытекавшее из теории, оказалось очень годным и крайне действительным. Оно представляло следующее: веха укрепленная так, что могла свободно качаться в горизонтальной плоскости; два мегафона (или вернее граммофонных трубы) по ее концам, направленные в одну и ту же сторону, под прямым углом к вехе.

Стетоскоп (инструмент, которым доктор выслушивает наше сердце и проч.) был присоединен к обоим мегафонам и трубки от него шли к ушам наблюдателя.

Практическим результатом было то, что человек мог не только услышать звук на очень большом расстоянии, но оказывался в состоянии повернуться прямо по направлению к нему с большой достоверностью. В тоже время указатель (индикатор) компасного круга, прикрепленного к вехе, указывал точно направление звука, который он слышал и угол мог быть немедленно протелефонирован в штаб-квартиру. Если будет установлено несколько таких постов, то направление звука будет получено с различных точек в момент, когда воздушный корабль будет услышан. В результате различные направления, получаемые с разных станций наносились на карту в штаб-квартире, и положение звука было легко и точно определяемо в то время, как воздушный корабль был еще не виден. Его курс таким образом мог быть проложен на карте с точностью в соответствии с изменением направлений, доносимых с различных станций время от времени. Таким образом было заложено основание удовлетворительной формы обороны, которая могла применяться против воздушных сил ночью. Изучение этой проблеммы представляло для меня особый интерес. Я даже делал дальнейшие шаги, испытывая различных солдат на новой подслушивающей машине, причем проявилось крайнее разнообразие. Точность работ была в зависимости от разных индивидуальностей, при восприятии одного и того же звука. Это поставило перед нами вопрос: кто будет тот человек, силе слуха которого мы можем наиболее довериться, какими средствами отыскать его. Ответ крайне прост, человек, который может видеть, не может конкурировать в силе слуха с тем, кто не может видеть, и в царстве слуха слепой всегда будет иметь первое место.

После налета 2 и 3 сентября мы могли удостовериться что неприятельские агенты прилагали все усилия, чтобы выяснить позиции на берегу, которые были подготовлены для занятия нашими орудиями и прожекторами на случай налета.

Поэтому мне было желательно, чтобы такое положение, как известность противнику наших позиций, было бы совершенно изменено и при том, так чтоб он оставался уверенным в верности переданных ему информаций. На совете в главной квартире это было тотчас же принято во внимание, и я был уполномочен сделать шаги, которые могли бы ввести противника в заблуждение. Как только было получено извещение о том, что приготовления к следующему налету сделаны, я внезапно получил приказ для движения штаб-квартиры и всей бригады на холмистую местность в 20 милях внутрь страны от берега. Явным об'ектом этого движения была новая линия для занятия ее на песчаном грунте, где мы гораздо менее и реже покрывались бы туманом и мглой, которые так часто связывали наши операции на берегу. Весь наш лагерь поэтому был снят за неделю до ближайшего, следующего ожидаемого налета. При этом были основания думать, что это движение было донесено германскими шпионами и без сомнения новая позиция, которая была тщательно подготовлена, была так же сообщена противнику. У нас было заведено делать смотр, что называлось „четвертью“, каждый вечер перед заходом солнца, тогда все приготовлялось для немедленной отправки орудий и прожекторов на их позиций на случай тревоги ночью.

По временам, когда можно было ожидать приближения налета, я отправлял орудия на их новые позиции, для того чтобы приучить их занимать ночью, и в тоже время принимать предосторожности, чтобы наше движение никоим образом не могло быть известно каким-либо шпионам, могущим наблюдать нас. В ночь на 24-е сентября погода, казалось, была подходящая для налета, другие известия указывали на ту же вероятность. Поэтом выполнив „четверть“, когда обо всем было донесено, что все в порядке и готово к действию, я сообщил, что орудия должны занять линию в эту ночь, но отправиться они должны сейчас, так как я хочу осмотреть орудия на их новых позициях сам, до наступления темноты. Все было готово, и я пошел в голове из лагеря на моей быстрой машине. Маневр был выполнен превосходно, с той лишь разницей, что в этом случае мой собственный надежный пулемет был спрятан в моей машине.

Пройдя около мили, и внезапно свернув по боковому проселку к югу, я увеличил скорость, ведя свою колонну. Пройдя милю назад, вся колонна орудий и прожекторов продолжала движение на полной скорости, чтобы вновь занять прежние позиции, по берегу в 20-ти милях и каждой части было приказано донести о ее прибытии в прежнюю штаб-квартиру в Бектон.

Это они сделали по их собственным телефонным линиям, которые были оставлены на позиции и были проверены и испытаны уже к тому моменту частью людей, которые были отправлены из лагеря после полудня и которые восстановили прежние провода.

Как только было отдано это приказание, моя машина резко свернула влево, на боковой проселок, ведя остаток колонны, чтобы пройти ей на свою дорогу к берегу. Когда мы повернули, пулемет был вынут, и когда часть колонны прошла поворот, мы вернулись назад, чтобы поймать машину, которая, как мы знали следовала за нами и с которой мы хотим иметь интервью. Это было большим счастьем для тех джентльменов, что они в этот момент решили, что дальше следовать за нами бесполезно. Конечно, они не могли знать, что ведущая машина вышла из колонны, так как пыль, поднимаемая орудиями делала это совершенно невозможным, но мы все видели поднятую пыль их машиной на некотором расстоянии, работавшей на большой скорости по боковой дороге в западном направлении. Таким образом наши подозрения подтвердились и так как я не сомневался в налете ожидаемом в эту ночь, то очевидно было бесполезно преследовать их и безусловно много важнее было достичь берега и приготовиться к действию без промедления. Не было времени задерживаться на дороге и 20 миль узким проселком Норфолька, отделявшие нас от берега, были покрыты в 35 минут. Прибыв в нашу штаб-квартиру, мы нашли телефон с легкого судна в действии, доносящим, что первый Цеппелин уже прибыл на его рандеву. Погода в эту ночь была пасмурная и облачная, хотя ветра не было: теперь настало время проверить правильность об'ясненной теории и удостовериться, можем ли мы прицеливаться нашими ушами. Все необходимые приготовления были сделаны и даже все распоряжения для проведения этих операций, так что мы надеялись, что противник кое-чему научится и что это, вероятно, будет для него неприятным сюрпризом. Я припоминаю, что было множество Цеппелинов, к концу—семь, которые все собрались во мгле над легким кораблем. Еще не

было 10 часов вечера, как они все уже собрались и приблизились к линии берега. Так как облака были низки, то они держались, или в них, или под ними, и потому были совершенно не видны с земли. Наши слуховые станции были заняты и легко себе представить, что при таком множестве шумов, исходящих из облаков, с различных направлений, установить точное положение каждого было делом очень трудным. Один Цеппелин прошел прямо над нашей штаб-квартирой, где стояли две 75 м/м авто-пушки и мы имели удовольствие салютовать ему, или вернее облакам, в которых он находился, двадцатью фугасными снарядами, которые разорвались на высоте от 4000 до 7000 футов без сомненья в направлении воздушного корабля, в этот момент, однако тут результата не было, 2 минуты спустя мы различили другого противника, приближающегося к одному из наших орудий, стоявшему на краю скалы в 2-х милях к северу от штаб-квартиры. Я говорил с офицером—начальником этого орудия и точно об'яснил ему курс, указываемый нашими приборами, по которому шел воздушный корабль. Ему было дано направление для его орудия и углы возвышения расчитаны так, что снаряды могли пересечь курс воздушного корабля, когда он приблизился к берегу. В тоже время он был инструктирован, что я сообщу ему по телефону из штаб-квартиры приказ открыть огонь точно в нужный момент. Он тогда выпустил 10 снарядов с быстрой последовательности и трубка его была поставлена на разрыв на высоте от 4500 фут. до 5000 фут. Постоянство направления звука, даваемое слуховыми станциями, указало мне, что курс Цеппелина пересечет линию прямо над точкой стояния орудий и цель придет на легкую дистанцию. Она еще не пересекла берега, когда я дал приказ „огонь". 10 выстрелов были сделаны в 30 секунд. Мы слышали разрывы в облаках, но ничего не видели. Однако, момент спустя послышался грохот последовательных разрывов бомб, около 10 из которых одна за другой разорвались на побережьи у подножья скалы, на которой было орудие. Наши слуховые посты донесли, что воздушный корабль повернул и ушел прямо в море. Я донес о всем случившемя в главную квартиру и мне сообщили, что этот воздушный корабль вернулся прямо в Германию, не принимая больше участия в атаках в эту ночь. Мы получили от них сердечные поздравления с успешным результатом нашего опыта.

Однако это еще было не все. Осматривая воронки от бомб на набержной внизу под орудием, мы неожиданно были

обрадованы, найдя там остатки германского пулемета, близко от места падения бомб. Это уже было положительным доказательством, что противник в самом деле получил неприятный сюрприз. Нет сомнения в том, что, он должен был значительно испугаться, раз он не только сбросил всю пачку бомб сразу, но выбросил за борт дажа пулемет в своем старании увеличить скорость, чтобы выйти из опасности, взяв курс прямо домой. Было исключительно приятно и сладостно размышлять о том, как он всю дорогу домой должен стараться разгадать, какими же средствами мы могли стрелять по нему так точно.

ГЛАВА IX-я.

Зима на берегу: оборона развивается, падение Цеппелина в Северное море.

Налет 24-го сентября стоит вне других налетов Цеппеллиов, т. к. в нем было много поучительного для обороны. Противник так-же многому учился, и мы знали, что теперь в соответствии с выводом из этих инцидентов в Германии шли разные дискуссии, о благоразумной безопасности Цепелинов, направленные против риска употребления их для таких целей. Из этого легко вывести, что противник более уже не пользовался безнаказанностью и безопасностью, проистекавшими от нейдействительности обороны.

Главная заслуга наведения страха на „налетчиков“, конечно, относиться к нашему славному и доблестному летному корпусу. Даже не принимая во внимание смертноносное орудие (пулю), которым они к этому времени только еще начали снабжаться, они с самого начала всегда были готовы и старались нападать на Цеппелины, хотя их вооружение совершенно не соответствовало этой цели.

Вероятно одним из величайших деяний индивидуальной храбрости в минувшую войну был способ молодого Уоркфорда итти над Цеппелином и в непосредственной близости сбросить бомбу. Он хорошо знал, что по всей вероятности, его аэроплан взорвется вместе с воздушным кораблем, и что шансы на его спасение очень слабы. Однако в этом и состоит слава и основа силы Британской импери, что такие люди всегда находились у нас в годину испытаний. Команды Германских Цеппелинов теперь (хотя без сомнения и храбрые люди) не

рассматривали уже бомбежку Лондона, как увеселительную прогулку. Самым интересным, что мы узнали по отношению Цеппелинов из налета 24 сентября, это: тот метод, который они успешно применяли, чтобы выдерживать правильный курс в то время, как воздушные корабли оставались закутанными в облаке. Вряд-ли эта хитрость когда-либо открылась бы нам, если-бы не тот вид безумной паники, который охватил экипаж Цеппелина, когда наши фугасные снаряды стали рваться в непосредственной близости их воздушного корабля.

Естественным желанием их было спасти свою жизнь, что повлекло за собой панику, которую мы уже отмечали несколько раз, когда снаряды рвались около них. Результатом было то, что они сбросили тотчас значительное количество бомб и сбрасывали все, что можно было выбросить за борт т. е. пулеметы и прочее, чтобы дать воздушному кораблю возможность выйти как можно скорее из опасной зоны. Внизу был найден необыкновенный и неожиданный предмет. Он был сброшен с воздушного корабля при его поспешном стремлении забрать высоту. Это совершенно особенный и неизвестный предмет, был цилиндр, свернутый из алюминия, устроенный, подобно, огромной сигаре с плавником на одном конце подобно хвосту рыбы. Внутри цилиндра были найдены очень грязные остатки, которые не задолго перед тем были живым немцем. Очевидно, обязанностью этого человека было лежать в этом цилиндре, который опускался на несколько тысяч фут или больше под Цеппелином, с которым был связан канатом. В цилиндре было окно, через которое несчастный обитатель его наблюдал за всем тем, что мог увидать внизу на земле. Он был снабжен телефоном, по которому мог сообщать все свои наблюдения своему командиру наверх. Результатом этой системы было то, что точная навигация воздушных кораблей стала возможна даже в то время, когда они сами оставались закутанными в облаках.

Что касается уроков, вынесенных для обороны, то в добавление к указанным полученным в отношении „выполнимости“ прицеливания посредством ушей, то ценность другой теории, которая много критиковалась была также решительно подтверждена. Нас часто и резко критиковали офицеры береговой обороны в постановке наших орудий; мы ставили на самом краю утеса. Очень правильно доказывалось, что все-таки позиции опасны т. к. самый край утеса всегда не безопасен в любое время. Эта безопасность, конечно,

значительно вырастала, когда край утеса подвергался сотрясению от огня тяжелого орудия. В дождливую погоду, такую позицию обычно было очень трудно достичь тяжелым авто-орудйем с зарядным ящиком в особенности ночью.

По всем этим различным и замечательнчм доводам, мой выбор резко критиковался. Мой ответ всегда был тот, что на войне должны быть применяемы все способы. Я всегда лично считаю наиболее опасным случаем тот, когда людей приходилось подвергать риску уничтожения от неприятельских бомб, которые всегда могли быть сбрасываемы на орудия и вероятно со всей возрастающей точностью прицеливания.

Бомба Цеппелина, упавшая в 50 ярдах от орудия, конечно целиком убила бы всю прислугу. В 100 ярдах случайность была бы меньше и в широкой зависимости от состава почвы, на которую бомба упала, чем мягче была бы поверхность, тем глубже бомба врылась бы, раньше чем разорваться и тем меньше был бы причинен вред. Если поэтому поставить орудие на самом краю утеса, опасная зона бомбы, упавшей в близи, уменьшалась бы на половину. Об‘яснение этого в том, что половина опасной зоны простирается на подножье утеса и если такая бомба упадет там, то она не причинит вреда тем, кто на верху. Следовательно, чем острее точка утеса, на который можно поставить орудие, тем безопаснее будет такая позиция, т. к. опасная зона, которую представляет только вершина утеса будет пропорциональна размерам точки, на которой только можно поставить орудие. Затем далее, чем мягче (рыхлее) почва, тем менее будет вред, который причинит бомба, затруднения же в транспорте получают второстепенное значение, так что по моему мнению, стоит рискнуть надежностью утеса при сотрясении от выстрелов, а также трудностью добраться до него, чтобы получить это жизненное преимущество, которое приобретают такие позиции.

В ночь на 24 сентября справедливость этой теории была решительно подтверждена. Нет никакого сомнения в том, что у орудия, которое испугало Цеппелин и послало его обратно в Германию, расположенного только в 50 ярдах от грани утеса, вся прислуга была немедленно убита. Но однако, они были счастливы и довольны результатом и (как бы не критиковали наш выбор позиций офицеры постоянной береговой обороны и эксперты утесов), всякий раз в дальнейшем, осматривая линии в стране, я выбирал и намечал позиции для орудий, и мои люди всегда были довольны

моим выбором, когда противник бывал близко к атаке и неизменно с замечательной уверенностью.

Из налета 24 сентября противник также многому научился. Рельефный факт, в котором они убедились, имевший для их очень большую важность, был тот, что имея ввиду действительность новых зажигательных пуль, которыми теперь вооружились наши авиаторы, и воздушные корабли могли спастись только тем от роковых атак наших самолетов, что оставались на высоте, которая для тех, чьи машины тяжелее воздуха была недостижима. Поэтому они на время прекратили налеты Цеппелинов и предприняли крайнюю модификацию своих воздушных кораблей, имея ввиду возможность их операции на значительно увеличенной высоте. Результаты этих модификаций мы не испытали на практике в ближайшие годы, хотя тем временем имели случай подвергнуться отчаянным атакам воздушных кораблей старого типа. Нет ничего удивительного в том, что противник был обескуражен мизерными результатами налета 24 сентября, так как из 7-ми Цеппелинов, которые как известно перелетели берег, только три достигли Лондона. Один, как мы знаем возвратился от нашей успешной работы прицеливания посредством ушей, другой не перелетел легкого судна, а остальные потерпели неудачу от других случайностей по различным причинам. Три, которые достигли Лондона сбросили 6-7 бомб убив 23 и ранив 66 лиц, причинив вред постройкам на сумму 65000 фунтов стерлингов. Один из трех был сбит нашими доблестными летчиками и вред сделанный их воздушному флоту был по сравнению больше, чем вред причиненный нам противником. Много важнее был моральный эффект, от которого воспрянула духом вся оборона, и соответственно пали духом экипажи воздушного флота противника, ввиду большого успеха сделанного обороной в соответствии с таковыми сделанными в атаке.

Тем временем остальные французские орудия были переданы в Лондон для постоянной обороны и я получил инструкцию писать руководство, об'ясняющее все детали конструкции и установки этих орудий для обучения английских артиллеристов. От меня треоовалось сделать чертежи снарядов, трубок, дальномеров для стрельбы под большим углом возвышения и представить всякого рода сведения, те которые содержатся в наших оффициальных руководствах в отношении Британской артиллерии. Это была долгая и очень медленная работа, и просматривая теперь книгу, для меня становится очень удивительным, как на земле можно

было выполнить это в то время, так как это составляло 25 очень больших и мелко напечатанных страниц сведений и 14 больших листов иллюстраций, чертежей и планов, рисующих не только детали работы с орудиями, но также и системы прицеливания, снаряда и трубки.

Другим делом, которое привлекало внимание было желание придумать метод, с которым авто-пушка могла-бы вращаться на полный круг, так что можно было следить за целью в любом направлении, не мешая работе номеров и наводке. Это было необходимо для того, чтобы „мертвый сектор" (мертвый угол в котором орудие не может стрелять) мог быть исключен и поле огня каждого орудия таким образом расширялось с 240° до 360°, что повышало действительность орудия на половину. Подходящий переносный поворотный стол (основание) наконец был придуман в Бектоне для наших собственных орудий. Он был основательно испытан экспертами в Лондоне и Шебернесе и наконец одобрен нашим Начальством для всех подобных орудий в Англии и французских для их собственных подобных орудий во Франции.

В течение осени мы произвели опыт постройки новой формы орудийного окопа, на берегу в Штаб-квартире. Он был специально спроэктирован мною самим, приспособленный для двух авто-пушек и представлял максимум закрытия людям, работающим при орудиях, а также специально приспобленный для работы со всем нашим разработанным высотомером-дальномером со специальными прицельными инструментами. Он имел также помещение и земляное укрытие от непогоды, которое было очень ценно для нас в течении длинных зимних ночей, которые мы должны были проводить на нашей орудийной позиции. 22-го ноября мы в первый раз были атакованы неприятельским аэропланом в дневное время. Это очевидно, была испытательная атака, которая, однако, представляла предтечу разработанной системы атак самолетов, позднее организованной германцами. Мы получили предупреждение о прпближении аэроплана к берегу в данном случае в 2 ч. 45 м. дня и в 3 ч. 15 минут первое из наших орудий вступило с ним в бой. Он пытался несколько раз пересечь берег в различных местах, но был каждый раз отгоняем, и наконец, сбросив свои бомбы в море, повернул в 4 ч. 15 м. в Германию. Еще один налет Цеппелинов был произведен перед концом года, он сопровождался более сильной и успешной работой доблестных летчиков, квартировавших на аэродроме вблизи штаб-квартиры в Бектоне. Эта была очень холодная ночь, земля была покрыта на

несколько дюимов снегом; когда мы были разбужены в 11 ч. 30 м., Цеппелин прошел через берег в другом месте и, ни одно из наших орудий не было в действии. Противник достиг Лондона, но, решив вернуться, пересек берег прямо к югу от правого фланга нашей позиции. Без сомнения намереваясь пройти вдоль берега на некотором расстоянии, чтобы найти обычный легкий корабль и оттуда взять курс домой. При этом, однако, они достаточно оценили предприимчивость и ловкость наших летчиков, которая им стоила дорого. Около 4-х часов утра наши инструменты указали нам на приближение Цеппелина с юго-запада; к тому времени три самолета с аэдродрома в Бектоне были уже в воздухе за несколько часов, и без сомнения крейсировали на командующей высоте, ожидая противника на его обратном пути. Нам было хорошо слышно, когда воздушный корабль пересек берег к югу от нашей позиции, затем последовал значительный пулеметный огонь, затем была пауза в 10 минут; бой возобновился вблизи моря и значительно позднее к югу от наших позиций. В это время было так холодно и наши люди так окоченели и застыли в одном положении, что я приказал им хлопать руками по плечам, устроив бег по кругу, так чтобы они могли согреваться этими упражнениями и быть в состоянии работать у орудий, когда противник подойдет на дистанцию. Когда мы занимались этим очень деятельным, но детским маневром, вокруг послышался внезапный крик наших наблюдателей: мы все обратились к югу и в следующий момент издали такой вой, который должен был бы быть слышен за 5-ть миль; вот что мы увидели: на большой дистанции по крайней мере в 10 миль в море и на высоте от 7 до 8 тысяч фут. в небе показалось слабое голубоватое пламя, пока мы смотрели оно быстро возрастало по размерам и, сделавшись желтым, падало наклонно с возрастающей скоростью, т. к. пламя увеличивалось пока наконец, не появилось облако пламени падающее перпендикулярно в море, которого оно моментально достигло.

После этой успешной ночи мы больше уже не видели германских Цеппелинов до 19 октября 1918 года, когда была произведена большая финальная атака флота их воздушных кораблей на Лондон, которая более подробно и полнее описана ниже. Подвижная Бригада провела Рождество на своих позициях в Норфольке, несколько дней спустя был получен приказ двигаться на юг и занять берег у устья Темзы на протяжении от Шербернессе до устья реки Блекботер (Черной реки), так как правильно было решено, что

метод воздушных атак будет теперь изменен противником с Цеппелинов на аэропланы, и что подвижные орудия могут быть полезнее на более южных позициях.

ГЛАВА Х-я.

Подвижная Бригада в устьи Темзы в 1917 году.

Получив приказ двигаться с берега Норфолька, я тотчас посетил наш новый округ. После тщательного осмотра всей соседней окрестности я донес, что Берихем Крауч будет самой подходящей точкой для нашей штаб-квартиры и что мы сможем распространиться отсюда по всем направлениям. Тогда было решено, передать 8 наших малых орудий (3фун.) легким подвижным войскам, которые тогда употреблялись на практике сухопутной дороги к Лондону от Цеппелинов, идущих из Ютландии, поэтому мы совершили марш на юг только с нашими 4-мя 75 м/м французскими орудиями и одним 3-х дюймовым британским орудием т. к. после было, приказано оставить другое 3 дм. подвижное орудие на позиции, на берегу Уоша в Норфольке. Мы вышли из Бектона в начале января и после остановки на завтрак в Иасвич, достигли Берихем-Крауч в ту-же ночь.

Наша линия была установлена вплотную к плотине вдоль внутреннего края глинистой мели, из которой состояла большая часть линии берега; наш правый фланг состоял из секции в две 75 м/м авто-пушки, позиция которых была на крайней северной точке насыпи в устьи реки Крауч. Нашим центром было 3 дм орудие с его прожектором, стоящее на очень интересной старой ферме, на самом краю в 4-х милях пути к северу от устья реки Крауч. Наш левый фланг состоял из второй секции двух 75 м/м авто-пушек, стоявшей на другой стороне фермы, их орудийная позиция была старой разрушенной часовней на крайней точке южной насыпи реки Блекводтер. Вся наша линия в это время построилась на дистанцию в 10 миль. Была получена верная информация о тех направлениях, в которых работал противник для того, чтобы повысить действительность своих будущих налетов. Поэтому мы очень хорошо знали, что в будущем испытаем хорошо организованные налеты отрядов самолетов бомбовозов, специальной конструкции, которые были уже (около Рождества) в последней степени подготовки. Пункты,

с которых наибольшее число этих самолетов будет подниматься в воздух, мы знали, были расположены в Бельгии; поэтому их прямой курс к Лондону пересекал берег, где либо около линии, на которой были теперь расположены наши подвижные орудия. Реки ночью представляли отличные ориентирные, но сливающиеся линии, между которыми мы были расположены, и поэтому не смогли дать преимущества вражеским самолетам для их руководства в том, что они достигли берега. Поэтому мы заключили, что наша позиция была выгодна, но ввиду большой скорости мы с разрешения начальства перешли позицию западнее Берихема.

В феврале мы получили приказ переменить позицию нашего 3 дм. орудия и его прожектора к югу от Крауч. Вернувшись в штаб-квартиру, я инструктировал ад'ютанта посетить остров на следующий день на машине, т. к. я узнал что в течение 2-х часов очень низкая вода, и можно будет проехать туда по пескам от Шебернесс. Он донес мне на следующий вечер, что моя информация была правильна и что дорога намечена по пескам и указана на карте генеральной с'емки и, что и этот проход может быть легко сделан. Больше у нас не было средств испытывать этот названный остров.

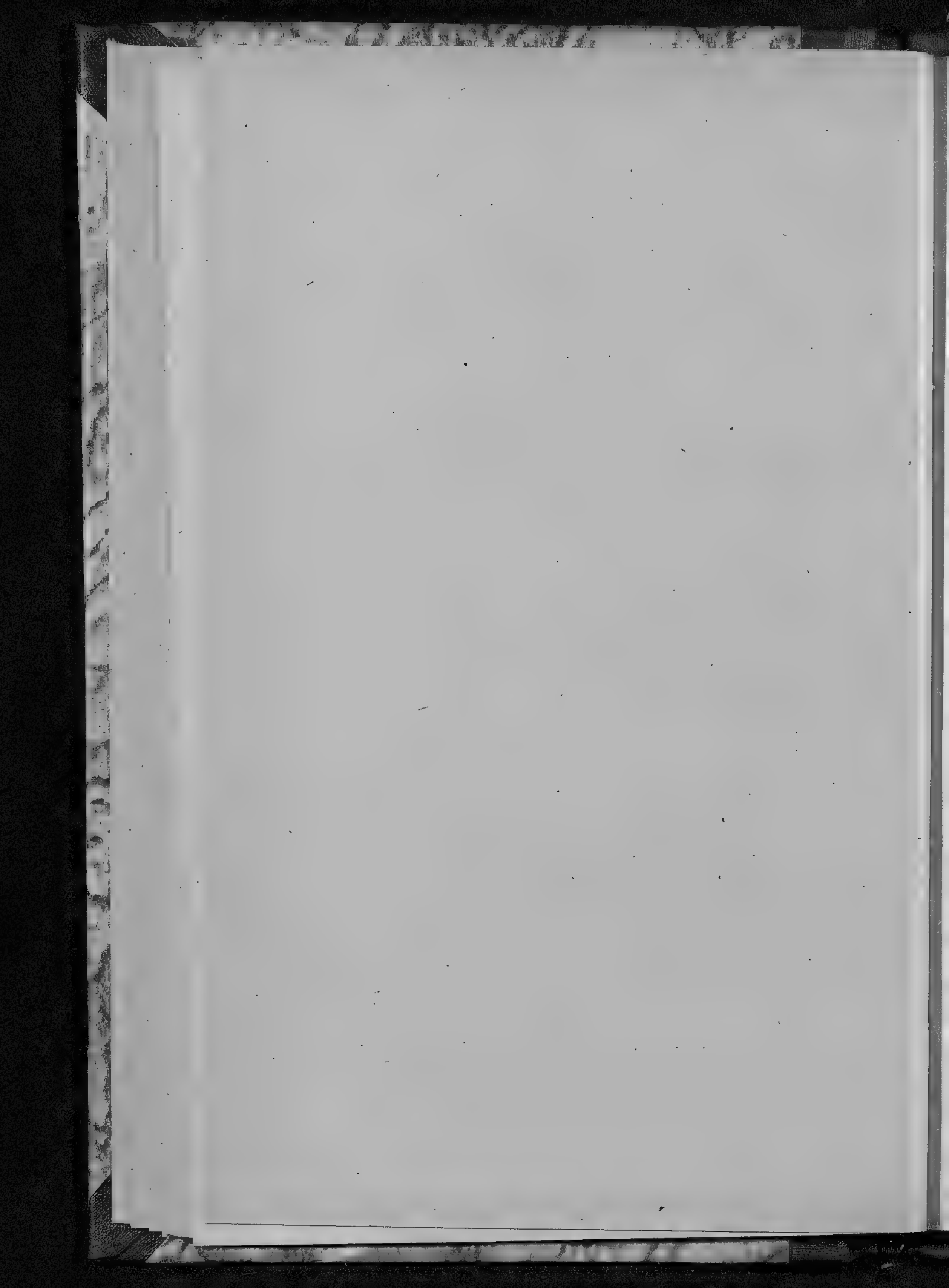
Наша подвижная Бригада теперь была переименована военным начальством в Подвижную батарею. Это конечно соответствовало нашей силе, т. е. мы имели только 200 человек.

Тем временем наше орудие, которое назначалось на Грязный остров прибыло, и его надо было привезти на этот остров по песку.

Вскоре я получил указание из адмиралтейства, что от фельдмаршала-главнокомандующего получен запрос о том, что если я готов перевестись в армию, то он готов назначит меня в командование военной противовоздушной обороной Лондона с воинским чином и соотвевствующим старшинством, какое я имел в адмиралтействе. Мне было сообщено, что оборона Лондона разбивается на три сектора: северный, восточный и западный. Западный сектор предназначался мне, и под мою команду попали все французские орудия, с которыми я был так хорошо знаком. Я был даже уверен, что несколько моим офицеров, которые хотели перевестись в армию и которых я готов был рекомендовать, будут произведены на соответствующие должности и останутся под моим командованием на новом месте.

Имея ввиду особые трудности в снабжении и содержании французской артиллерии, я согласился на это предложение сразу, хотя и не хотел переходить в армию, тем более для употребления на внутреннем фронте.

На другой день после получения этого предложения я сделал последний смотр и распрощался с моими друзьями и товарищами по К.Ф. Противовоздушной подвижной бригады.

Часть II-я.

Оборона от аэропланов.

ГЛАВА I-я.

Стационарная военная оборона; ее организация и вооружение.

В начале Мая 1917 года, я подал рапорт с просьбой перевода меня в армию и назначения на военное командование, куда я предназначался.

Я в общем был уже порядочно знаком со стационарной военной обороной. Однако было много деталей организации и системы обороны, совершенно мне неизвестных. Единственный офицер постоянной обороны, был Командир противовоздушной обороны Полковник Симон К. И., который был известен, как противосамолетный командир, и в это время занимал должность начальника всей постоянной обороны. Таким образом он сделался моим непосредственным начальником. Когда я прибыл в главную квартиру на Хорс-Гарде, мои друзья в штабе об'яснили мне детали организации военной обороны. Было очевидно, что я не должен долго задерживаться, я получил инструкции от штаба главной квартиры, но как Командир сектора постоянной обороны, я, конечно, целиком должен был подчиняться противовоздушному Командиру, и поэтому не имел уже права непосредственно сноситься со штабом главной квартиры или получать инструкции помимо командира обороны.

Однако новые времена, новые нравы, и развитие организации строгих правильных военных линий было теперь в порядке дня. Случайные методы по этому теперь были очень нежелательны, будучи очевидно, недействительными в военном отношении.

Эта реорганизация, без сомнения, была очень необходима. Так как продолжалось развитие обороны, то число офицеров и солдат и вооружения и прожекторов стало во много раз больше. Система обороны, сделалась обширной; так что стало необходимым весь образ действий приноровить к постановлениям и правилам обычной военной службы.

Мы все знали, что они крепко были связаны красной чертой, и по временам вмешивались и мешали немедленному введению разных усовершенствований, носивших характер нововведения.

Надо было примириться с этим печальным фактом, в то же время надо было внедрять в умах, что только благодаря системе однообразия, можно было расчитывать на возрастание силы и персонала (и вооружения). Если имелись орудия, запас снарядов и инструмента всякого рода, а люди обучены в возможно кратчайший срок времени, то чтобы работа была действительной, необходимо было: чтоб люди, орудия и инструменты были взаимно заменяемы, и всякая система обучения и работы—однообразна. Это был дух, в котором организовалась военная оборона Лондона, и, без сомнения, была системой, при которой такое прилежное и трудное предприятие могло иметь какие либо шансы на решительный успех. Специальная трудность возникла при подготовке офицеров и солдат.

Люди брались оттуда, откуда их можно было получить; большинство из них неспособные к службе в поле, ввиду физической неспособности, из числа людей, пострадавших от ран и с другими недостатками в результате службы на фронте. Все требовали спецнального обучения по их должностям, и так как время уходило, то людей требовалось все больше на фронт все вновь и вновь отбирались люди из обороны Лондона. Эта необходимость, наконец стала вызывать опасения за состояние действительности обороны. В чем состояла организация постоянной военной обороны до моего перевода, я не знал, но порядки там были определены по современному и вместо некоторого числа местных единиц и штабов в различных частях Воздухообороны Лондона, она вся теперь разделялась на три округа. Эти округа назывались „секторами“ и охватывали север, восток и запад Лондона. Каждый сектор находился под командой подполковника, подчинявшегося командиру противовоздушной обороны на Хорс-Гарде и получавшему

инструкции прямо от главной штаб-кварткры внутренних войск, под непосредственным начальством фельдмаршала Лорда Френча главнокомандующего.

В течение деятельного времени, которое последовало за моим назначением, я, конечно, знал очень мало об организации других секторов, и насколько мог больше делал достижения в моей собственной части. Однако, все три проходили по одинаковым линиям и точно соблюдалась одинаковая система приказов и сигналов для всей воздухообороны. Это однообразие было обеспечено постоянными инспекциями командира противовоздушной обороны и поддерживалось еженедельными конференциями командиров секторов под его председательством. Войска К. Ф. Д, Р., которые раньше занимали самые центральные стационарные позиции, были сохранены, и оставались под командой капитана Стенфельд В. К. Ф. который также присутствовал на еженедельных конференциях, и у которого система операции и сигналов согласовалась с таковою же армейских войск.

Когда я принял командование, западный сектор состоял из 19 орудийных позиций и 36 прожекторных позиций. Они простирались от точки в 2-х милях за Уатфорд на север, к точке в 3-х милях к югу от Бромлей на юге, и от Лонг-Уоколи в Виндзоре на западе от Гров-Парк на востоке, штаб сектора располагался у Метрополитен Уотерворкс включавшего Путни, Хетс, откуда шла по радиусам разработанная система телефонов по всем частям сектора.

Персонал для обслуживания этих позиций состоял круглым числом из 32-х офицеров и 6000 солдат. Каждая орудийная позиция была по начальством офицера и обслуживалась сержантом, капралом и 16 или 18 солдатами, снабжена высотомером обычного типа и другими инструментами. Прожекторные позиции были под начальством зауряд- офицера, с 6 или 8 людьми, снабженные различного типа динамо. Эти войска разделялись на 4 роты—2 состояли из прислуги гарнизонной артиллерии и 2 из королевских инженерных войск, которые обслуживали прожекторные позиции. Каждая рота находилась под командой капитана, в помощь ему состоял младший офицер, которые оба отвечали за администрацию и обучение их людей. Наконец в Штаб Квартире сектора был командир сектора, отвественный и за обучение и операции всей войск, в помощь ему

майор, его заместитель, ад'ютант, и один офицер штабквартиры, работавший как офицер квартирмейстер по снабжению и т. д.

Схема размещения позиций орудий и прожекторов была следующей; несколько центральных позиций, таких как Гайд-Парк, Паддингтон, Рекришен-Граунд, Парлимент-Хилл и Дептфорд остались в Командовании К. Ф. Д. Р. за этими было внутреннее кольцо артиллерии, такия как Дельвич Уондсворт, Норбитон, Ричмонд, Хаунсло, Хенуэлл, Эктон, Хорсенден и Кентон, За этими шло внешнее кольцо, простиравшееся от Уотфорд через Хайес, Виндзор, Стенс, Хемптон, Морден, Кройдон, Бромлей Гров-Парк. Большинство орудийных позиций обслуживались двумя прожекторными станциями, они назывались „Боевыми прожекторами", для внешняго же кольца орудийных позиций добавлялись еще две прожекторные станции, называвшиеся передовыми прожекторами. Они располагались далеко вне, чтоб иметь возможность дать самую раннюю весть о приближении противника.

Телефонная система была такова: позиции прожекторов каждая соединялась с позицией орудий, к которой они были приданы, а орудийные позиции соединялись со штабом; хотя, конечно, можно было перейти на прямое соединение со штабом или с чем либо другим, если это требовалось. Для орудийных позиций было необходимо иметь двойную линию, чтобы при действии была совершенно свободная линия для передачи приказов во вне от штаба без вмешательства информаций одновременно шедших вовнутрь к штабу.

Каждая орудийная позиция также связывалась по крайней мере с 2-мя наблюдательными постами. Эти были расположены в противоположенных направлениях на значительной дистанции от орудий для того, чтоб наблюдать разрывы снарядов и „отмечать"—т. е. сообщать орудию о расположении разрывов по отношению к цели. Наблюдательные посты побочно имели большую ценность, как средство информации во время налета. Штаб сектора имел прямую связь со штабом Северного и восточного секторов, с центральным сектором имени К. Ф. Д. Р. и двойная линия шла в штаб Противовоздушной обороны на Хорс-Гардс. Этого краткого описания достаточно, чтоб видеть насколько была разработана телефонная связь. Понятно, что обучение телефонистов требовало большого внимания и постоянного наблюдения, так как от их безупречной работы во время

налета зависели все операции обороны. Дальнейшие сведения будут даны позднее о важных пунктах и способе выполнения всей работы в течение продолжительных налетов самолетов, которые и происходили главным образом тогда. Вооружение западного сектора состояло из 19 стационарных 75 м/м французских орудий, 4-х подвижных 75 м/м французских авто-пушек из прежней подвижной бригады К. Ф. Д. Р. и 3-х 3 дм 20 центнеров британских орудий. Стационарные французские орудия стояли на установках сделанных на артиллерийском заводе Коватри, по чертежам, полученным из Парижа. Подвижная автопушка оставалась на автомобильном шаси, которое было установлено на вращающееся основание, спроэктированное в Бектоне, посредством чего мертвый сектор был уничтожен; 3 дм. в 20 центнеров британские орудия были установлены на установке с большим углом возвышения британского образца, и имели значительно большую начальную скорость, чем французские 75 м/м и поэтому время полета было гораздо меньше, а вероятность ошибки пропорционально уменьшалась.

Прожектора имелись не менее, чем пяти различных устройств. Они были различной величины, и ток получался от разных динамо. Эти динамо требовали различных периодов времени для запускания, а каждая страдала особыми недостатками при непрерывной работе. Луч, т. е. действительный сноп света, различался по разным моделям, так что было необходимо детальное знакомство с ними, чтоб действительно управлять их работой с наилучшими результатами.

Я был осведомлен, что по последней реорганизации обороны несколько независимых единиц теперь соединялись в одну, образовав западный сектор. Мне намекнули, что они прежде были не вполне удовлетворены, что надеялись, что я сумею в будущем сделать их действительными.

Первой необходимостью было учредить сложную систему передачи извещения. Она очевидно происходила в то время по общей телефонной связи. При этой системе различные классы воздухсил назывались именами разных цветов и было много других специальных терминов в употреблении. Этот метод, хотя и трудно было выучить, тем не менее, при постоянном употреблении, он значительно ускорял сообщения, Я сделал продолжительный визит Противосамолетному командиру на Хорс-Гардс. Он об'яснил весь образ действия войск на Хорс-Гардс. Я был послан в Штаб северного сектора, чтоб изучить на месте систему

войск, раньше чем вступить в командование западным. Командовавший северным сектором, подполковник Ллойд, очень активный и трудолюбивый офицер, находясь уже некоторое время в обороне, знал все детали. Он и его ад'ютант показали мне всякие методы, каковые употреблялись для обучения персонала и для ясной и быстрой передачи сведений всякого рода. Я имел также удобный случай фактически присутствовать в штабе северного сектора в момент налета в ближайший день эскадрильи самолетов в строю.

Это провзошло 13 июля около 4 ч. 5 м. дня. Атака производилась 14 самолетами в строю, и коснулась только восточных частей метрополии. Строй приблизился к обороне с С. В. проник к Сити и далее по Южному курсу. Было сброшено около 70 бомб, 170 человек убито и 246 ранено, в то время, как вред постройкам достигал 120000 ф. ст. Это происшествие, конечно дало мне неоценимый случай изучить систему обороны в действии, в котором я получил безмерную пользу, которые я очень ясно помню, что главное впечатление оставшееся в моем уме было, большой ценности самообладание части тех, кто был ответственен за управление обороной и ценность продолжительного обучения Я видел, как люди изо дня в день практиковались в одной и той же работе, пока не становились настолько знакомы с их обязанностями, что совершенно неожиданный дневной налет не составлял для них ничего особого. Все обязанности выполнялись, как на позициях, так и в оперативных кабинетах, точно также как при практическом учении.

После этого очень ценного опыта я отправился в штаб западного сектора в Путни и принял командование, с определенным намерением использовать все, что я видел.

ГЛАВА II-я.

Западный сектор; трудности обучения.

По прибытии в группу деревянных хижин, служивших квартирой для штаба западного сектора в середине вереска Путни, мне сразу стало ясно, что надо много сделать раньше, чем новаая организация станет действительной. Операционная комната штаба располагалась на верху резервуаров фонтанов Метрополитена, построенных под землей. Хижина для

жилья офицеров и солдат находились за загородкой фонтанов около 150 ярдов расстояния от операционного кабинета. Все работавшие телефонные линии шли к операционному кабинету, где работали телефонисты день и ночь. Хижина, назначенная под квартиру командующего офицера, была расположена также вне загородки фонтанов. Этот порядок показался мне не совсем удовлетворительным. Моим первым делом было поставить палатку вплотную к операционной комнате на вершине резервуара, и об'явить, что я занимаю квартиру здесь в непосредственной близости к нашей телефонной станции. Следующим шагом было, сконцентрировать здесь ротные канцелярии 4-х рот, которые входили в об'единения, для того, чтобы было возможно постоянное персональное сношение между штабами разных рот и между штаб-квартирой и командирами рот. Я нашел, что две роты одна артиллерийская и другая инженерная имели канцелярии и штабы в Вемблей в 8-ми милях от Путни, считая по воздушной линии. Поэтому была подана немедленная просьба на Хорс-Гардс, что постройки могут быть продвинуты к Путни, и передвижку выполнить просто.

Изучая детали администрации и обучения рот в прошлом было очевидно, что смены у большинства офицеров снимали ответственность за их обязанности. Поэтому были сделаны соответствующие представления командиру Пр. В. О. в Хорс-Гардс, у которого они скоро получили осуществление. Величайшим затруднением среди всего было то фактическое протяжение пространства, на котором распространялся сектор.

Пункты были широко разбросаны и пространство по кругу было около 25 миль в диаметре. Все пространство занимало 5000 квадр. миль на котором были разбросаны 55 отдельных пунктов. Важно было лично познакомиться с каждым офицером, проинспектировать самые пункты, и фактически увидеть людей в работе для того, чтобы составить мнение о степени их обучения, а также об относительной ценности самих офицерев. Когда спустя 8 месяцев я наконец оставил командование обороной, я знаю, остался один адский прожектор, который я никогда не посещал. Конечно, некоторые пункты было необходимо часто инспектировать, и ничто более так не мешало, как отмеченное расстояние, от которого зависела действительность разных пунктов, а также от способности или неспособности офицеров и унтер-офицеров, под командой которых они находились. Два офицера лейтенанты Грэт и Финнимор, переведенные в армию из

К. Ф. Д. Р. одновременно со мной, теперь находились на орудийных позициях, изучая свои новые обязанности.

Я оставил в Штабе ад'ютанта, капитана Бикерстет, который был здесь до момента прибытия, знал лично всех офицеров, а также все происшедшее в обороне до моего прибытия. Он мне оказал большую помощь. Так как вскоре он получил новое назначение, я лишился его ценной помощи, мне пришлось назначить на его место лейтенанта Финнимор, который был моим ад'ютантом в Подвижной бригаде. Я был счастлив, найдя одного командира роты, на которого я мог положиться—капитана Кокель. Он также, как и я, начал карьеру регулярным офицером. Он оказывал мне величайшую помощь, так как не только блестяще выполнял свои прямые обязанности, но ставил меня также в известность о тех затруднениях, каковые встречались у командиров рот. Такую информацию было очень трудно получить, и она была крайне ценна в данном случае в те дни, когда и офицеры и солдаты были „зелены" и несведущи в военном образе действий и обычаях. Поэтому было большой подмогой иметь офицеров, которые видели службу и были воспитаны в военной профессии. Здесь среди офицеров западного сектора, было несколько таких, которые служили на фронте в течение первых месяцев войны, и которые были неспособны к дальнейшей службе из-за ранений или по другим причинам. Эти люди были очень ценны, представляя пример для других, которые искали у них руководства. Персонал инженерных рот содержал большой процент очень интеллигентных людей. Качество их унтер-офицеров, было много лучше, чем у тех же в артиллерии. Результатом этого было, то что во многих случаях качество и действительность прожекторных станций, бывших под командой унтер-офицеров инженерных войск были много удачнее по сравнению с качествами некоторых орудийных позиций, обслуживаемых артиллеристами. Этот факт имел общую важность во время налетов, так как во первых прожекторные станции превосходили численностью во много раз орудийныя позиции и „передовые прожектора" были расположены далеко вне, и всегда получали первое известие о действительной атаке. Эта первая информация имела всегда большую важность, так как указывала действительные величины „высоты" „направления" и „силы". Обучение на позициях, и постоянные инспекции производились до тех пор, пока персонал не ознакомился со своими обязанностями; так что каждый человек выполнял свою работу правильно и точно, а орудия и прожектора стали работать,

как автоматы. Более важная часть обучения, однако, состояла в практике передачи информации о местонахождении и движениях противника и при том было необходимо, чтобы штаб получал постоянный приток точных сведений о положении и движениях, каждого воздушного противника, который мог войти в район сектора. А для правильности и точности притока информаций, была необходима постоянная практика в отправке и получении их. С этой целью производились постоянно „практические налеты“: действительные авио-силы летали иногда над обороной, и таким образом являлась цель, которую можно было достичь. Но чаще однако давались „курсы воображаемых целей, о которых точно доносилось, как и о проходящих через посты; этим достигалось основательное знакомство со всей системой отправки и получения таких известий у всех участников.

Затем, когда личный состав приобретал, все более и более опыта, повышались постоянно точность работы, сверх того система требовала согласованности действий всех участников. Самое главное надо было обеспечить отсутствие лишних и повторяющих известий, чтобы посылались лишь информации необходимые для указания курса, скорости и высоты цели в самых определенных и сжатых терминах, в которых только можно было передать это.

Обратимся теперь к работе штаба. Если практика и точность были необходимы для пунктов, то они еще более нужны в „операционной комнате“ штаба, и каждый „практический налет“ и упражнение для пунктов были также практикой и тренировкой для штаба.

Чтобы уяснить работу системы, необходимо дать описание „операционной комнаты“, и метод получения информаций от пунктов.

В „операционной комнате“ штаба сектора кругом были устроены телефонные ящики. Они разделялись на категории именно—одни для получения сообщений идущих в штаб, и другие для отправления приказов и извещений, посылаемых на пункты. Каждый телефон был соединен с 3-мя орудийными позициями выбранными так, чтоб они были возможно дальше одна от другой, для того, чтоб информация идущая с одной позиции, не могла бы мешать и перепутываться с с таковою же с другой позиции. Каждая орудийная позиция, конечно, собирала свои донесения от приданных ей прожекторных станций и связанных с ней наблюдательных постов,

среднее число которых было около 5. К упомянутым соединениям прибавлялись еще линии от других секторов и от Хорс-Гардс, и общее число точек, по которым могли придти информации во время налета было около сотни.

Каждый телефонный аппарат обслуживался специально обученным лицом, обязанностью которого было, подходить к своему аппарату, как только получалось предупреждение о налете и оставаться там, пока не будет отпущен. Все извещения записывались и собирались с аппаратов специальным дежурным. Затем они шли к офицеру, обязанностью которого была сортировка их и выделение только самых последних для операционного стола командира. Этот стол действительно представлял „поле сражения", так как имел большую карту всей страны простирающейся до берега, которая разделялась на 5 или 6 сотен больших квадратов, каждый с особым номером. Каждый из этих квадратов был также разделен еще на 4 квадрата, которые назывались как А. М. J и J с номером их большого квадрата, по телефону квадраты читались как Ак, Эмма, Джей и Иорк и были подразделены на 4 части под номерами 1, 2, 3, 4.

Таким путем можно было указать по телефону очень кратко и ясно точное положение любого предмета на карте. Эта система была так основательно воспринята, каждым офицером и солдатом в обороне, что они привыкли и думать и говорить об окрестностях Лондона всецело по квадратам. Каждая позиция орудия и прожектора была также снабжена столом, стоявшим открыто в непосредственной близости от орудия или прожектора.

На нем была карта ближайшого участка, обозначенная в соответствии с квадратами карты штаба. Эта карта была покрыта стеклом и освещалась ночью электричеством снизу и тщательно ориентирована по компасу, и имела центр вокруг которого вращалось во время действия, все имевшее интерес для отделения.

Все донесения, достигавшие пункта, тотчас переносилось на карту и положение подвигавшейся цели устанавливалось на разделенной карте. Как только могло быть твердо определено место цели, каким либо пунктом, он тотчас доносил об этом, а также и квадраты, через которые цель проходила в разные моменты, присовокупив соответственные сведения о скорости, высоте и направлении и сообщал до тех пор, пока можно—было установить определенно положение цели.

Далее начиналась сложная работа по сбору донесений, их отбору и поверки их правильности.

Поэтому эта система стала действительной тогда, когда ей было уделено много времени и забот для практики. Теперь мы подошли к обязанностям командира, он был ответствен за выбор и использование множества информаций, должен был произвести различные операции своего сектора и таким образом, чтоб помешать попытке противника проникнуть сквозь кольцо обороны сбросить свои бомбы в Лондоне. Но раньше, чем входить в детали работы сектора, которая направлена к отражению ночных налетов, необходимо описать второй налет, произведенный „в строю“; днем вся система передачи информаций, описанная выше была значительно проще, чем ночью, и работа орудий, конечно, зависела от индивидуальных условий и решений офицеров. Каждый начальник орудия, увидав перед собою цель, должен был, конечно, как можно раньше определить ее высоту, дистанцию и скорость, и затем избрать наилучший момент для открытия огня, и как можно дольше иметь свое орудие в действии.

Ясно помню: утром между 11 и 12 часами, мы получили известие, что эскадра неприятельских аэропланов „в строю“ находилась на дороге в Лондон. Все орудия и наблюдательные посты были подняты по тревоге и сделаны все приготовления, чтоб оказать теплый прием. Они вошли в оборону с северо-востока, в обычном строю по букве Y на высоте, около 10000 футов. Их число было трудно установить точно, но, вероятно, не менее 20. Достигнув окрестностей Мерилебон на своем западном курсе, севернее реки они сделали резкий поворот к югу, и взяли восточное направление южнее реки. Во время этого поворота машины несколько разбросались, но было ясно видно в западном секторе в Путни, что эскадра не вошла в поражение наших пунктов.

Противник однако был значительно обстрелян северным, центральным и восточным секторами и они повернули домой гораздо раньше чем в большинстве последующих ночных налетов. В этот налет было сброшено 76 бомб, упавших грубо (не точно) в полукруг, охватывающий Ньюинктон по краю, и проходящих через Мертебон, Кинбервели, и Борфор, через которые шел их курс, при возвращении домой южнее реки. В этот налет было убито 46 человек и ранено 123, в то время, как вред постройкам достигал 200000 ф. стерлингов.

Эти результаты были не так серьезны, как от предыдущих дневных налетов, в которых принимало участие меньшее

число самолетов: результаты для противника были неудовлетворительны еще и потому, что они были серьезно пагубно атакованы нашими воздушными силами при возвращении. Это был последний дневной налет самолетов на Лондон, факт который доставил возможную поверку на практике быстро повышающейся и удовлетворительной активности частей обороны.

Мы в обороне хорошо знали, в каком направлении будут развиваться дальнейшие налеты, и продолжали напрягать все нервы, чтобы улучшить нашу систему и обучить людей. Мы знали наверное, что средства обороны вскоре будут испытаны в грядущих ночных атаках, что эти атаки будут произведены сильными отрядами „в строю“ и будут последовательные атаки по тщательно разработанному плану, который в это время репетировался. Поэтому наши усилия были направлены к возможному усовершенствованию нашей системы обороны, с тем чтоб затруднить успех их атак

ГЛАВА III-я.

Первоначальное развитие обороны от аэропланов; работа во время налета.

Теперь необходимо об‘яснить главные линии, по которым направлялись действительные операции обороны; вся предварительная организация передачи информаций, конечно, имела своей целью лишь снабжение ими основ, на которых могло быть построено действительное здание обороны.

Как было замечено ранее, усилия всех ответственных за организацию обороны лиц были сконцентрированы на проблемме действительной встречи тех организованных, точных атак, которые, как было известно теперь подготовлялись; при этом, достаточным средством считалось постоянное и точное значение положения и курса какой либо атаки, устройство „заграждения“ на этом курсе огнем Зенитных орудий, или выражаясь летным языком, поставить в любой момент завесу из рвущихся снарядов поперек воздушного пути самолетов.

Первой идеей было использовать „квадраты“ для этой цели. Имея это ввиду, проделывались высчисления для постановки такого заграждения на какой либо стороне наз-

ванного квадрата; все орудия досягавшие до него, стреляли при установках, соответствующих этому заграждению. Они были расчитаны так, чтобы разрывы всех снарядов располагались на воображаемой линии, которая на карте представлялась стороной названного квадрата. Каждое орудие относилось к отдельному заграждению и направляло туда быстрый огонь на определенный промежуток времени. Установка орудия слегка изменялась, после каждого выстрела, так что разрывы снарядов располагались вдоль воображаемой линии.

Орудийные позиции в западном секторе были так расположены, что квадраты внешнего кольца обороны были все досягаемы по крайней мере для трех орудий одновременно, а внутреннего кольца в большинстве случаев для 4-х и даже большего числа орудий.

Вышеприведенные об'яснения необходимы для читателя, чтоб оценить всю систему обороны и представить себе ответственность, ложившуюся на командира с тем, чтоб наилучшим образом использовать средства обороны, бывшие в его распоряжении. Чтобы иллюстрировать процедуру, вероятно, простейшим путем будет описание сцены в „операционной комнате“ в случае налета.

Способ, которым сообщалась первая тревога обороне из Хорс-Гардс, заключался в указании определенного цвета, в определенном участке. Различные цвета указывали на приближение или близость противника, и различные „фазы“ готовности автоматически приводились в действие на разных участках, в согласовании с сообщенным „цветом“.

Однако, какой бы цвет ни был, раз он сообщается всем, противник, очевидно, находился уже в воздухе, и весь гарнизон тотчас выходил и был готов встретить атаку.

Это первое предупреждение могло застать командующего офицера на инспектировании пунктов далеко от штаба. Это в моей практике часто случалось и в этих случаях происходила бешенная гонка с целью достичь штаба раньше, чем атака начнет развиваться

Отправимся теперь в „операционную комнату“. Только пришел сигнал, что Лондон „Красный“, что значит, что противник близко под рукой. Все орудийные позиции доносят: „готовы к бою“ и машины всех прожекторов заведены, все приготовились „открыть огонь“ в любой момент. Каждый телефонный аппарат имеет своего телефониста, и время на всех часах во всем секторе сверяется и исправляется по

времени в Хорс-Гардс. За операционным столом сидит Командир; большой стол прямо перед ним покрыт картой, разделенной на квадраты. На ней отмечены различные „заграждения“ для орудий и „освещения“ (пространство освещения) для прожекторов. Офицеры стоят вокруг стола и каждый исполняет свои специальные обязанности, а около стоят дежурные ординарцы, готовые собрать и передать разные известия, которые они получают с телефонных аппаратов.

Надо всем царит напряженная атмосфера ожидания и хорошо сдерживаемое напряжение. На карте перед командиром стоит телефон, соединенный с его головой, этот аппарат связан с Командиром противовоздушной обороны в Хорс-Гардс, который дает свои приказы и сообщает последние информации в процеженном и проверенном виде.

Прямо над головой командира висит большая труба, через которую он может говорить с каждым офицером под его командой, путем простого вызова „все пункты“: все необходимые соединения делаются сразу и он говорит со всеми пунктами одновременно. По сторонам от командира идут соединения от беспроволочных аппаратов, воздушная антенна которых расположена на наблюдательной платформе высоко вверху. К этой точке идет соединяющий рупор, по которому наблюдатели находящиеся здесь могут отвечать на вопросы и давать информации о том, что увидят со своего поста.

Первые ночные вести идут по всей вероятности из штаба, либо северного либо восточного сектора и указывают время и место в каком атака впервые входит в оборону, тотчас по получении их они передаются на все станции, и один офицер одновременно ставит известный значек на карту, указывая положение этой атаки, на разных квадратах, через которые эта частная атака проходит, пока она не покинет совсем оборону. В это же время записанные донесения собираются с телефонных аппаратов к Командиру, указывая точное время, когда противник достиг положения обозначенного значком.

Вполне понятно, что в случае ординарной атаки задача постановки „заграждения“ будет много легче, но когда, однако, атака умножается в числе, и производится последовательно, то это является очень трудным делом. Во время разработанных налетов было много случаев, когда 4 и даже 5 отдельных и независимых вражеских отрядов оперировали одновременно в различных частях обороны. Некоторые из них прибывали, когда другие уже уходили, в то время, как третьи в то время поворачивали и все следовали по широко-

расходяшимся курсам имея, во многих случаях совершенно различные конечные цели.

При таких обстоятельствах, чтоб схватить сразу и потом не выпускать движение каждаго отряда так, чтобы быть в состоянии следить за курсом, по которому они следовали, требовалось наивысшее напряжение нервов, хладнокровие и восприимчивость рассудка и в той мере, в какой на это только способен был один индивидуум.

Необходимы были определенные верные решения; так как если заграждение было поставлено слишком рано, противник легко обходил его, а если слишком поздно, то дело тоже было плохо. В последнем случае не только атака уже прошла линию заграждения, но орудия стреляли бы в ложную точку в самый психологический момент, когда их огонь был крайне необходим в другом направлении, чтобы воспрепятствовать противнику дальнейшее продвижение.

Далее здесь необходимы будут несколько замечаний, как о возможностях воздушного заграждения вообще, так и о принципах, на которых покоится их употребление.

Надлежит вспомнить, что самолеты, те которые конструивались во время войны, имели особые недостатки, как средство атаки. Главным среди них был тот, что они были неспособны „стоять на месте“, или даже уменьшать свою скорость до определенных размеров Это было той слабостью, которая давала расчитывать в значительной степени на успех заграждения.

Принятый метод был не таким успешным, как это кажется с первого взгляда, именно постановка заграждения поперек курса атаки. Было найдено, что обычным результатом этого средства обороны являлось то, что „строй“ рассыпался, при чем часть отдельных самолетов достигала цели и сбрасывала свои бомбы. Система действительной слежки была много полезнее и разумнее и основана на точном знании условий, при котором противник оперировал в строю. Можно было с уверенностью расчитывать на две очень естественные тенденции, возникавшие в умах атакующих, когда они попадали первый раз под огонь обороны.

Первая-это тенденция отклонить свой курс от пространства, заполняемого разрывами снарядов, и вторая— сохранить свой строй и держаться вместе. При вышеупомянутых преположениях, плюс известная необходимость того, что во время атаки сохранялась скорость, был окон-

чательно принят следующий принцип обороны посредством воздушного заграждения (барьера). Как только курс следования атаки, приблизительно, определялся, ставилось заграждение на его фланге (сбоку), линия, на которой должны были рваться снаряды располагалась наклонно и поперек пути „строя“ самолетов. Результатом этого должно быть то, что строй самолетов, будучи неспособен уменьшить скорость полета, должен был уклоняться от „поля огня“. Это изменение курса определялось и тотчас же ставилось дальнейшее заграждение на фланге нового курса атаки и направление ее должно было посредством этого отклониться совершенно от центральных об‘ектов обороны. Эта операция должна проводиться последовательно вдоль пути каждой атаки, и посредством этого курсы все время должны отклоняться от их первоначального направления, атака совершенно не повернет кругом. Когда противник наконец поймет неприятное соседство барьера, то найдет себя на курсе полета домой, имея чистое небо перед собой, ад разрывов и других неминуемых опасностей, позади себя. При этих обстоятельствах их обычным и вполне естественным актом было: сбросить сразу в ее бомбы, куда бы они ни упали в этот момент и последовательно продолжать свой курс прямо домой.

И система барьера, таким способом и во многих случаях вполне оправдывала свое назначение.

Так как эта система развивалась постепенно и совершенствовалась в освещении опыта, первоначальный план употребления квадратов, как заграждения был признан неудовлетворительным. Было ясно, что атака следует более или менее определенными курсами для достижения своих целей. Эти курсы зависят главным образом от различных выделяющихся рубежей на земле, видимых ночью, и от которых зависело знание противником своего положения.

Река Темза была всегда наиболее действительным рубежом, так так ее блуждающее течение было ясно видно на карте, которою был снабжен каждый неприятельский пилот. Поэтому было необходимо назначить определенные положения заграждений, не от квадратов, но расчитанные так, чтоб поставить линию разрывов в определенных и ясных точках и под такими углами к обычному курсу атаки, чтобы наиболее отвечать повороту противника прочь от города.

Для проведения этих необходимых нововведений надлежало установить некоторое количество „именованных

заграждений". Они были названы бесконечно фантастичными именами, так например „туз пик" и т. д., и постепенно возрастали в числе, до тех пор, пока операционная карта, на которой все они обозначались цветными чернилами, не стала походить очень сильно на маскировку наших автопушек подвижной бригады. Изучение этой карты было настолько важным, т. к. устройство обороны стало более разработанным, что каждая деталь ее ужасной путаницы сильно врезалась в память.

Самой трудной и в тоже время самой важной деталью, от которой зависит действительность заграждения, было правильное определение „высоты" атаки. Было принято, что так как отряды противника могут летать на любой высоте от 3000 до 14000 фут., то невозможно никаким орудийным огнем заполнить весь этот большой интервал высоты. Заграждения поэтому разделялись на три категории,— а именно „низкое", „высокое" и „очень высокое". Каждая из этих категорий покрывала вертикально по высоте 3000 фут., а потому было очень важно обеспечить выбор категории для каждой атаки.

Все орудийные позиции были снабжены приборами, определяющими высоту, и хотя их приборы были разного типа, но принцип употребления был один и тот же: это были бистатические высотомеры. Высотомер давал правильную высоту любой цели, которая могла быть наблюдаема под любым углом с каждого конца измеренной базы, и все дело, кажется, было крайне просто. Без сомнения эта система была и проста и действительна, если была только одна цель в воздухе и наблюдение производилось днем, то едва ли при этом могла получиться ошибка.

Однако важнейшие атаки производились в строю несколькими самолетами и в этих случаях почти невозможно обеспечить то, чтоб оба поста, наблюдали один и тот же самолет Это затруднение в действительности однако было не так важно вообще, имея ввиду, что налеты производились ночью. Так как ночью никто не мог видеть каждую из всей целей, то не было необходимости бояться ошибок, которые могли быть совершены при множестве видимых целей, Поэтому практический результат был тот, что для всего оборудования высотомера и штаба войск обороны не были ценными частные условия, при которых развивались эти атаки. Во многих случаях при начале налета мы фактически получали высоты прямо от противовоздушного командира на Хорс-Гардс, получавшего их из других сек-

торов. Однако в каждом случае они прибавляли предостережение, что точность информации ненадежна и я не помню ни одного случая, когда мы получили высоту, определенную какой-либо высотомерной станцией западного сектора. Легко постичь, что даже ночью, высотомеры в некоторых случаях были способны выполнить свои функции с абсолютной точностью, но надо предполагать наличие определенных условий. Первое и самое важное из этих условий, чтоб единичные аппараты противника держались должное время в луче прожектора, для того чтобы успеть точно и одновременно наблюсти его обоими постами высотомера. Этих условий, однако, не было в период моего командования на моем участке.

Поэтому надо было найти другие средства для определения высоты атаки. Одним из них наиболее обещающих было снабжение штаба сектора беспроволочной связью. Аэропланы также находились на определенных точках на берегу, с которых они надеялись подняться и лететь с атакующим отрядом. В этом случае они могли сообщить высоту, на которой развивалась атака и тем, в очень большой степени облегчить крайне трудную задачу обороны.

Поэтому в течение налетов мои уши всегда прислушивались ко всякому сообщению от нашей беспроволочной связи.

Однако, если оборона имела перед собой крайне трудную задачу, разрешение которой становилось все трудней, так как действительность атаки возрастала, то предприимчивость и инициатива не могли здесь ни в коем случае повредить.

Действительно, вопрос требовал очень серьезных размышлений опытных людей, для изыскания средств, при которых прогресс действительности обороны мог бы наконец сравняться с таковым в развитии атак.

Первые ночные атаки самолетов „в строю" показали фактически, что безопасность Лондона не могла быть обеспечена „заграждениями", тем не менее вред, который противник мог причинить, значительно сократился благодаря им. Еще более важен был тот факт, что атаки не могли производиться безнаказанно, что в добавок к случайным результатам от орудийного огня обороны, воздушные налетчики были подвержены ударам наших собственных самолетов, как во время действительного развития атаки, так и при их возвращении домой.

Две проблеммы, в удовлетворительном разрешени которых мы теперь наиболее нуждались, были: первая-стараться поразить атакующие отряды на однообразной и точной высоте, и вторая-запасти необходимые отряды наших собственных самолетов, способных успешно атаковать их в воздухе.

ГЛАВА IV-я.

Первые налеты ночью самолетами строем; прогресс в обороне.

За дневным налетом 7-го июля последовала пауза в атаках. Ее надо было понимать, как подготовку и тренировку новых воздушных отрядов противника, оперировших с новым типом бомбовоза „Гота", специально спроектированного для налета на Лондон. Эти самолеты уже употреблялись в налете 7 июля, и из полученного опыта производились усовершенствования, имевшие в первую очередь задачу „ночного полета" для разработанной атаки, каковая была произведена в ночь с 4-го на 5-ое октябряя.

В этом случае атакующие силы разделялись на некоторое числое отдельных строевых групп, которые первое время атаковали последовательно. Без сомнения целью этого порядка было главным образом поставить в тупик оборону, в чем однако противник был разочарован. Во вторых было очевидно, что последовательные атаки имели больше шансов для достижения их об'ектов, т. к. последующие отряды имели возможность использовать опыт предыдущих, результаты которых они были в состоянии наблюдать.

Это было весьма возможный случай, хотя благодаря быстро разработанной системе „заграждений", не было ни одного курса атаки, для которого не было бы подготовлено заграждение заранее.

Однако нет сомнения в том, что умножение атаки делало задачу обороны гораздо труднее, благодаря усложнению и разнообразию известий, получаемых от многих районов, и невозможности установить в каждом отдельном случае, к каким отрядам противника эти вести относились.

В ночь с 4-го на 5-ое сентября, было установлено 26 различных отдельных машин или групп, и все сброшен-

ные бомбы были фугасными, и ни одной зажигательной. Было убито 14 человек и ранено 37, вред постройкам исчисляется в 30000 фунтов стерлингов. Обратив внимание на число и размеры специальных самолетов, употреблявшихся в этом случае, можно заключить, что оборона здесь совершила очень большую работу более действительную, чем это было незадолго перед тем.

Два дальнейших ночных налета были произведены в сентябре 24 и 25, но уже меньшим числом, Они, казалось, были организованы, скорее для того, чтобы испытать ценность зажигательных бомб, чем для другой какой-либо цели. В оба эти налета пропорция сброшенных зажигательных бомб была гораздо больше, чем в предыдущей атаке, так как в налете 25-го их число было в три раза больше числа фугасных. Однако ни в одном случае не было нанесено серьезного вреда, 14 человек убитых и 37 раненых 24-го и 6 убитых и 17 раненых 25-го в то время, как повреждения исчислялись в 24000 фунтов стерлингов и 16000 фунтов стерлингов. Из этого можно было заключить, что тип зажигательной бомбы, употребляемой противником был не так действителен, и поэтому в следующих 4 налетах на Лондон сбрасывались лишь фугасные бомбы.

Хотя в организации обороны происходил постоянный прогресс, однако ее ответственная работа не была завидной ни в это, ни другое время. В то время, как возрастали усложнения, время протекавшее между налетами, для приготовлений и для изучения наиболее важных проблем и с возрастанием нашего опыта, это время становилось все короче и короче. Мы имели теперь перед собой сильные, хорошо обученные отряды бомбовозов Гота, способных нести тяжелый груз бомб и с полной нагрузкой лететь на большой высоте. Эти самолеты имели экипаж минимум в 3 человека и в случае командирского самолета 4. Каждый самолет был вооружен пулеметами, которыми встречал атаки наших воздушных сил. Эта форма обороны была, наконец, признана единственной действительной и самолеты все более и более возрастали в числе для встречи атак.

Машины Гота оказались очень надежными в воздухе. Это было очень достойно внимания, ввиду большой дистанции, которую им приходилось проходить с тяжелым грузом ночью. Действительность заградительного огня должна была возрасти соответственно изменению вертикального пространства, на котором проходили атакующие отряды. Проблемма сокращения этого пространства постоянно обсуж-

далась и разрешилась системой, известной под названием „сетей“. Эта система хотя и была большой поддержкой обороны представляла в начале большие затруднения, и потребовалось много опытной работы, пока она достаточно усовершенствовалась.

Факт такого воздушного препятствия для атакуюших самолетов, о котором они, конечно, тотчас же узнали, имел тот естественный эффект, он заставлял их лететь на наибольшей высоте, достижимой для их конструкции и мощности. Отряды все были одной и тойже конструкции, и поэтому оборона была способна вычислить высоту а таки, и заградительный огонь концентрировался на этой высоте.

О самых „сетях“ я не предполагаю разсказывать, скажу лишь, что это были не сети, но определенные заграждения, поднимавшиеся в воздух посредством баллонов. Баллоны, конечно, были видимы противнику, но легко поверить, что он не знал точно, какую хитрость они представляли, до первого случая было желательно, чтоб их детали не были раскрыты. Однако оборона была в состоянии предполагать с точностью, что атака скорей пойдет на заградительный огонь выше уровня баллонов, чем на неизвестную опасность, которая, как она хорошо знала, ожидала ее на низких высотах, и посредством этого достигалась казавшаяся невозможной задача, и оборона чрезвычайно усилилась.

В то критическое время сильно разрослась язвительная полемика о снарядах, употреблявшихся для французской 75 м/м пушки.

Следует напомнить, что как я писал в первой части не было фугасных снарядов с „временной“ трубкой для морской артиллерии. В армии было не лучше в этом отношении, французские 75 м/м снаряды отличались очень простым нововведением в образце трубок, что выразилось на производстве трубок-времени, употребляемых во Франции, для крайне действительных фугасных снарядов.

Когда же однако французские пушки приняли участие в военной обороне Лондона, у военного Начальства возбудился вопрос, почему французские орудия должны стрелять фугасными снарядвми с временной трубкой, когда наши собственные орудия не могут делать этого.

Здесь некоторые из нашего начальства, однако постановили, чтоб официально запросить французов о гарантии безопасности временных трубок для их фугасных снарядов. Этого сделать они конечно не могли, хотя они были совсем

готовы „запретить" их употребление в своем собственном противовоздушном деле. Получив отказ во Франции, употребление фугасных снарядов для противовоздршного дела было вскоре запрещено в наших французских пушках.

Немедленным результатом этого решения было то, что наши французские орудия были принуждены стрелять в серьезных налетах, которые были неизбежны и что впоследствии, было потеряно много жизней и сделано много вреда от попадания целых стаканов снарядов, причинявших больший вред жителям Лондона, чем их шрапнельные пули противнику.

На 4-ю ночь после налета 25-го сентября т. е. 29-го, произошел первый налет, из 3-х последовательных ночных атак подряд. Это были наиболее серьезные налеты, какие мы когда либо испытывали, и требуют специального описания, как цель атаки, так и общая подготовленность, с которой они были встречены обороной, хотя наши рессурсы в снарядах и персонале испытывали большой недостаток.

В 10 часов 4 минуты вечера 29-го сентября в штабе западного сектора в Путни было получено предупреждение, что противник находится по дороге в Лондон, а в 11 часов получена первая весть о его движениях в районе сектора. С этого времени до полуночи получался непрерывный приток информаций, как о движениях различных атакующих отрядов, так и постоянном действии наших орудий от Гров-Парк до Хенуэлл, от Крондон до Херсенден близ Херроц.

Было поставлено 15 отдельных заграждений вдобавок к различным независимым столкновениям; наши прожектора были так же в постоянной работе по всем направлениям и было выпущено 1370 снарядов только в заграждениях орудиями западного сектора.

Это был первый наиболее разработанный организованный ночной налет отрядами самолетов, что было результатом долгой подготовки противника.

Расчет был морально подавить наших соотечественников, и подготовить путь к обсуждению условий мира, благоприятных для Германии. Было невозможно, точноустановить число самолетов, участвующих в атаке, так как не было средств для установления действительного числа машин, достигших обороны в каком либо отдельном строю. Определенно лишь, что атака противника производилась тремя отдельными отрядами, которые последовательно приближались к обороне, независимо один от другого и севернее Темзы. Эти атаки встречались последовательными заг-

раждениями, и все попытки сохранить строй противника рушились, и они показывались, широко разбросавшись над всеми частями города, грубо общий поворот к началу отступления был сделан над, или в виду безошибочного изгиба реки между Хаммерскот и Путни, и общий курс тогда пошел прямо на восток и южнее реки. В это время строй был значительно разрушен. Прожектора во многих местах достигли хороших результатов и не только оказали материальную помощь точному огню орудий, но также сбивали с толку противника. Во время этого налета было сделано несколько определенных попыток „бомбить“ „прожектора“, и в частности прожектор в общине Бернс был атакован со специальным намерением. Этот факт обдуманной атаки на прожектора очень интересен и решительно указывает на то, что противник, будучи захвачен в луч прожектора, не только становится видимой целью для орудий, но и обнаруживается нашими защитными самолетами.

Общее наблюдение от налета: детали системы обороны действительно подвинулись вперед во всех отраслях, при новых очень серьезных условиях.

Хорошая скорость огня была достигнута у орудий, средняя скорость была 15 выстрелов в минуту в течение всего заградительного огня. Орудия хорошо обслуживались и не давали серьезных отказов и были вполне исправны как во время работы, так и после.

Воздушные силы противника были отысканы в трех отдельных случаях и освещены прожекторами—именно в Хорсенден, Хемптон и Беркс и не составляло затруднений держать их в луче.

Общий результат этого сражения может быть признан вполне удовлетворительным. Склады снарядов опустошились, а наши запасы французских снарядов, не очень чрезмерные, хранились в Вульвиче и потому можно было оценить, что работа пополнения широко расположенных орудийных позиций, с тем, чтобы быть в состоянии встретить еще более серьезную атаку в ближайшую ночь, была трудной, так же как безотлагательной и необходимой. Мой день поэтому ушел на старание получить необходимое количество грузовиков, направить в Вульвич, там забрать снаряды и тотчас последовательно распределить их между орудийными позициями в разных районах.

Быстрый маневр еще не был закончен, как в 6 часов 42 минуты вечера на следуюший день мы получили предупреждение, что противник вновь на пути к Лондону

ГЛАВА V-я.

Дальнейшие налеты: затруднения в обороне и „последний налет Цеппелинов“.

Налет 30 сентября был еще более разнообразной атакой, чем в предыдущую ночь и продолжался в 2 раза дольше. Для того, чтобы представить себе ясно работу обороны в течение этого налета, нужно принять во внимание, что:

Первое, личный состав обороны уменьшился до очень малого числа солдат, достаточного лишь для работы при орудиях.

Второе, физическое их состояние было посредственно.

Третье, они были совершенно не знакомы с военной дисциплиной.

Четвертое, не было резервов и поэтому было необходимо держать каждого человека на его посту какой угодно ценой.

Пятое, большая часть уже работала предыдущую ночь и так как нет ничего напряженнее, как необходимые приготовления для данного момента, ни у кого из них не было отдыха в течение 24 часов.

Последнее, и самое важное, система обороны, которую эти люди призваны были обслуживать, была очень разнообразна и сложна и ее успешные операции поэтому зависели абсолютно от должного сотрудничества широко раскинутых индивидуальных постов, и ошибки одного из них серьезно отзывались на действительности всей операции. Если все это принять во внимание, а также факт, что наши пустые склады еще не всюду к этому времени успели пополниться, после долгого огня предыдущей ночи, легко представить себе, ту глубокую заботу и определенную неуверенность в своих силах, когда я получил предупреждение, что противник вновь на дороге, чтоб атаковать нас. Эта работа еще более возросла дальше при получении предупреждения на целых три часа раньше времени, в какое обыкновенно эта развивалась, так что окончательная поверка приготовлений стала невозможной.

Итак теперь о сражении

Первая атака была произведена тремя отрядами, широким фронтом, направлявшимся на Лондон с востока около 7 ч. 30 м. вечера. Южный из трех отрядов атаковал первый, на северо-западном курсе, пройдя с направления от Чатали

и пройдя между Вульвич и Гринвич, имея очевидно, своим об'ектом западный и западно-центральный район, над которым они продолжали сосредоточиваться.

Центальный отряд, спустя около 10 минут, развил свою атаку над тем же районом, продвигаясь по линии севернее реки.

Северный отряд прибыл еще на 10 минут позже, так же концентрируясь над западным концом, но с направления от Ислингтон.

Эта атака была встречена хорошо и активно успешным „заградительным огнем" с момента их входа в поражаемое пространство орудий обороны, в результате чего правильный строй атакующих отрядов был разрушен совершенно и его самолеты широко рассеялись, хотя общее продвижение продолжалось по линии от Путни до Халтир Слит, пока не достигло реки. Здесь общий и независимый поворот был сделан к югу около 8 ч. 10 м., и эта группа стала тогда отходить южнее реки с общим юго-восточным курсом, хотя несколько малых групп и отдельных самолетов отклонились очень далеко от общего курса, как во время наступления, так и во время отступления.

Эта атака перешла в полное отступление в 8 ч. 15 м. вечера.

О второй атаке было сообщено, как о приближающейся с востока в 8 ч. 16 м., также состоящей из трех отрядов; но в этом случае атака развивалась одновременно двумя отрядами севернее и одним южнее реки. Она так же была встречена успешным загр. огнем, который совершенно расстроил развитие атаки в западном направлении и большая часть из них была также в полном отступлении в 8 ч. 35 м. вечера.

В 8 ч. 37 м. вечера было сообщено о приближении третьей атаки, снова из трех отрядов, но на фронте более широком, чем при первых двух предыдущих атаках. Эта атака была также активно встречена „загр. огнем", и расстроена как и предыдущая, и общее отступление было в разгаре в 8 ч. 50 м. вечера над всеми частями обороны. Отсюда неизбежный вывод, что первые известили своих последователей (по безпроволочной связи), о том примере, который ожидал их, который должен был подчеркиваться великолепным положенем разрывов снарядов и лучей прожекторов, без сомнения видимых за несколько миль приближающимся отрядом. Общее действие в моем районе, продолжалось больше 2-х часов без перерыва. В течении всего

времени сосредоточение всего внимания требовалось для командования орудийным огнем и работой прожекторов, а также мгновенных решений в различных случаях технических затруднений, возникавших на разных орудийных позициях ввиду большой продолжительности „быстрого огня“. Некоторые из последних должны быть интересны тем, кто не знаком с трудностями ведения такого интенсивного огня и в такой продолжительный период.

Некоторые из наших орудий в этом случае выпустили свыше 500 снарядов каждое во время двух часовой работы. В некоторых случаях орудия раскалялись до красна и огонь был временно прекращен, чтобы дать им охладиться, несмотря на постоянную струю воды, лившуюся на них. Всякий перерыв на орудийной позиции быстро производил общее продолжительное сотрясение: люди во многих случаях были временно ослепляемы блеском орудий и оглушаемы непрерывным сотрясением, пока они совершенно не обалдевали и просто становились непригодными. Обожженные руки от раскаленного орудия были скорее общим явлением, чем исключением и, орудийная прислуга, благодаря этому, истощена напряжением. Произошло несколько случаев заклинения снарядов в раскаленном орудии. Печальные вести приходили ко мне, что еще и еще, что снаряд застрял в орудии, и вопросы что надо делать. Я постоянно давал один и тот же ответ, которого не было в инструкциях начальства, а именно: „зарядить другой снаряд позади первого и выстрелить“. Нет нужды говорить, что в таких случаях прислуге давались инструкции о принятии предосторожностей, чтобы она отходила от орудия, так как опасности этого героического метода очистки канала орудия, были значительны.

Позднее в работе произошел особый инцидент, который возрос до значительных споров. Орудие Уондсворт, выпустив более 500 снарядов донесло, что больше уже не имеет годных снарядов.

Я знал, однако, что в их магазине были французские зажигательные снаряды, которые предполагались для употребления против цеппелинов. Эти снаряды имели особую конструкцию, но я был хорошо знаком с их особенностями, принцип их стоял в том, что выпускалось облако горящих газов на определенном промежутке пути их полета. Так как недостаток снарядов случился на самой важной орудийной позиции в кульминационном пункте последней атаки, то я взял на себя большую ответственность, приказав вы-

пустить десять зажигательных снарядов, с такой установкой трубки, чтобы газ весь сгорел, пока снаряд достигнет земли.

Это приказание было немедленно выполнено: и в течении нескольких моментов великолепные облака горящих газов были видны кружащимися в небе, с тем результатом что на следующее утро Лондонские газеты сообщили, с кровожадной радостью, что перед концом атаки самолеты противника наблюдались „целиком в пламени“ в различных направлениях.

Без сомнения факт появления этих пламеносных снарядов в небе, во всяком случае произвел моральный эффект на атакующих, уже появившееся у них намерение „повернуть домой“, без сомнения, значительно усилилось при виде этих неизвестных, но крайне нежелательных воздушных попутчиков.

Что касается этого налета вообще, он послужил без сомнения много больше для различных испытаний активности обороны, чем мы это имели в предыдущем; и если даже проявились некоторые слабые стороны в течении этой напряженной работы, то это были редкие и неожиданные случаи при таком серьезном испытании. Люди выдержали это серьезное испытание так хорошо, что я не колебался сказать им это при первом удобном случае.

В обычные времена „мира“, мы должны вероятно рассматривать такую 48 часовую работу, как заслуживающую некоторого отдыха для работников. На войне, однако, это не так. В действительности обыкновенно случается наоборот, испытанным людям пред'являются часто требования наибольшего напряжения, которое они должны выдержать. По этой причине все руки бывали заняты во все ближайшие дни восстановлением повреждений, наполнением магазинов, перевязкой обожженных рук и т. д., так что когда в 7 ч. 7 м. на следующий вечер 1 октября было вновь получено предупреждение, что противник „ввиду“, наш военный лексикон сильно изощрялся, чтоб выразить соответствующее чувство раздражения.

Атака была еще более разнообразна, чем предыдущая, единицы были по всей вероятности меньше и общая связь малых единиц и соединений была игнорирована. Практическим результатом был постоянный состав малых единиц или даже отдельных машин, которые продвигались последовательно с востока, имея западный конец Лондона своим

главным об'ектом; хотя действовали они в каждом случае совершенно независимо одна от другой. Эта последовательная атака продолжалась безпрерывно с 7 ч. 45 м. до 10 ч. вечера, когда последние самолеты повернули и отступали, разбросанные по всем частям обороны, хотя большая их часть отходила южнее реки.

В течение последней части этого налета в два часа и и пятнадцать минут курс отдельных машин нельзя отожествлять. К счастью в эту ночь был значительный низкий туман в долине Темзы, что очевидно мешало противнику в правильном определении своего положения и блуждающие курсы разных единиц сильно отклонялись от правильного направления, которое до сих пор неизменно выдерживалось в предыдущие атаки.

Курс одного отдельного отряда, имеет специальный интерес, он указывает на выбор новых уязвимых об'ектов: в 8 ч. 28 м., пока атаки развивались в западной окраине, я получил донесение, что по крайней мере три отдельных самолета приблизились к орудийной позиции Уотфорд. Орудию было немедленно приказано открыть огонь „по звуку" и прожектору „искать". Два неприятельских самолета были „накрыты лучем" и по ним открыли огонь в то же время, когда они или по крайней мере еще один делал круги, очевидно пытаясь установить свое положение.

Эти самолеты, летели на большой высоте и оставались по соседству с Уотфорд вверху около 20 минут.

Так как орудия и прожектора большей части обороны были тогда все в действии, то должны были быть ясно видимы все время этому отряду и очевидно было, что они искали отдельные и определенные об'екты, к северу от главной обороны.

Едва-ли это могло быть чем другим, как аэродром и фабрика самолетов в Хендоне. Этот факт дает ценное указание на то, что противник считал большим успехом разрушение этих заводов, производивших то вооружение, сила которого, очевидно, внушала ему страх.

Здесь без сомнения мы должны быть благодарны защите, „Лондонского тумана", который во многих других случаях мы не оценивали вполне.

Вред причиненный этими тремя налетами не выдерживает даже сравнения с убытками причиненными в предыдущих налетах, число убитых 1, 12 и 11, раненых 65, 14 и 13 за все три ночи, и вред который нами исчисляется в 21000,

7000 и 45000 фун. стерлингов. Что касается числа и специальности сил, употребленных противником, то таковое представляется очень большим по отношению к силам обороны, успешный результат которой был наградой за ее крайнее напряжение.

Во время развития и организации противником этих ночных атак отрядами их самолетов, мы хорошо знали об усовершенствованиях, которые производились им одновременно в его флоте цеппелинов. Таковые главным образом состояли в повышении легкости, позволяющей этим кораблям лететь на высоте, достижимой для самолетов, что являлось средством для них обеспечить себя от атаки и обстрела зажигательными пулями, что, как показал опыт прошлого, было необходимо для успешного их применения. Мы также хорошо знали, что нижняя поверхность воздушных кораблей теперь покрывалась черной краской, которая делала их невидимыми со стороны прожекторов, даже если они попадали в луч; хотя в случае зеркального отражения прожектора могло быть ясно видно на корпусе воздушного судна под соответструющим углом в противоположном направлении, где, конечно, это не имело цены для обороны.

Согласно этих усовершенствований, мы определенно чуяли, что скоро получим визит флота цеппелинов, видоизмененный. Поэтомуне было сюрпризом, когда в ночь на 19-ое октября мы получили сообщение в 8 часов вечера, что цеппелины уже перешли берег и находились на дороге к Лондону после 12-ти месячного отсутствия. В 8 ч. 25 м. было донесено, что неприятельские воздушные корабли в расстоянии от 50 до 90 миль к северо-востоку от Лондона.

Первое точное донесение, полученное от пунктов западного сектора было с орудийной позиции Уотфорд в 9 ч. 10 м. „о бомбах“ в 15-ти милях к северу Это было подтверждено другими пунктами, но после этого звука, воздушных сил не было слышно. Протекло долгое, медленное и очень напряженное ожидание, без каких либо сообщений, пока в 10 часов 10 м. не было вновь донесено Уотфордом о бомбах к северу. В 10 ч. 16 м. всем прожекторам севернее Темзы был дан приказ „искать“. Это приказание пришло ко мне прямо от командира противовоздушной обороны в Хорс-Гардс и было тотчас выполнено, но без результата. В 10 ч. 20 м. я сам говорил с командиром противовоздушной обороны и об'яснил ему идею, пришедшую мне в голову, в отношении этого необычного маневра со стороны противника. Вскоре получили приказ „закрыть“ все

прожектора последовательно с западного направления, что было тотчас сделано и затем вновь наступило долгое ожидание.

Факт, на который я обратил особенное внимание командира противовоздушиой обороны, было быстрое увеличение силы ветра. Он є захода солнца был очень слаб с северо-запада, но постепенно значительно „посвежел", и в 10 ч. 25 м. дул со скоростью больше 10 миль в час на поверхности и вероятно еще сильнее на большой высоте. Этот пункт казался мне крайне важным, так как, очевидно, намерением противника было собрать свой флот в окрестности Уотфорд и затем лететь по ветру над Лондоном на большой высоте с застопоренными машинами. В таком случае мы не могли их ни видеть, ни слышать, а следовательно и не могли стрелять и были предоставлены нашему разсудку, чтоб придумать способ защиты себя в крайне малый срок времени.

Из всех налетов, какие я испытал, это был самый опасный и в тоже время неоспоримо самый трудный для противодействня.

Одним преимуществом, которое было у обороны над атакой, это то, что, находясь на земле, она могла знать скорость ветра; к счастью противник этого не мог учесть, находясь на большой высоте. Это преимущество мы могли сохранить, до тех пор, пока держали все наши прожектора закрытыми. В тот момент, когда наши прожектора демонстрировали, противник был в состоянии судить о скорости, с какой его корабли двигались над поверхностью относительно местоположения различных прожекторов, с размещением которых они, конечно, были отлично знакомы, и маленькое, но действительное преимущество, которое было у обороны тотчас же терялось.

Поэтому я вызвал все пункты, назвав по имени всех офицеров и убедился в их личном присутствии у телефона. Затем я кратко об'яснил положение, как я его понимал, и дал самый точный и ясный приказ, чтобы не открывать прожектора, ни при каких обстоятельствах, до тех пор, пока не будет специального прнказа от штаба. Эта существенная предосторожность была сделана, и ничего другого нельзя было предпринять и оставалось лишь ожидать течения событий, все время тщательно следя за скоростью ветра, который к счастью, продолжал свежеть с каждым моментом.

В 11 ч. 11 м. Уотфорд донес: „звуки воздушных сил к северу“. Это продолжалось только три минуты, после чего не было слышно звука. Звук только что слышанный, был от одного только воздушного корабля, но мы знали, что весь флот состоял, по крайней мере из 5 и вероятнее даже из 7 кораблей, этот звук, вероятно, был причинен последним прибывшим и маневрировавшим, чтобы знать свое положение по отношению к другим. Поэтому, вероятно, флот наконец собрался целиком и был, по предположению на счастье, на пути для своего полета над Лондоном.

Тем временем наш верный и неоценимый союзник— ветер продолжал свежеть с большой правильностью, и минуты ползли без каких либо звуков, слышанных в воздухе сверху, в то время, как Лондон лежал внизу в кромешной тьме и абсолютной тишине. Для нас, кто скорее догадывался, чем знал, что происходит и был в состоянии оценить правильно страшную опасность, которой подвергался город, каждый момент повышал напряжение, так как мы ожидали в тишине „грохота“, который каждый момент мог быть услышан, и который так боялись услышать.

Десять томительных минут прошло в абсолютной темноте и тишине, 11 ч. 24 м. было донесено о бомбах в окрестностях Контон, юго-восточнее Херроу и по прямой линии от Уотфорд к центру города.

Я тогда думал и сейчас думаю, что это была попытка заставить нас открыть свет прожекторов и тем обнаружить себя: но если так, то противник обманулся: ни один блеск прожектора и никакой знак снизу не дал ему возможности ориентироваться, 4 м. спустя послышался еще другой одиночный взрыв в направлении северо-востока моей штаб-квартиры Путни, в расстоянии около 4 миль, так что критический момент начинал расти, когда весь флот цеппелинов, целиком нагруженных бомбами, был в положении, которого он так долго стремился достигнуть, так как центр Лондона лежал тогда под ним, действительно, в его воле, но окутанный непроницаемой тьмой. „Разсудок“—это было последнее средство обороны, ее единственное годное оружие.

Не может быть сомнения, что эта одиночная бомба была сброшена также с цельюз аставитьо ткрыть свет, так как точность ее прицеливания была так поразительна, что если ее падение было основано на определенном знании их действительного положения, то конечно все бомбы всего флота цеппелинов были бы сброшены одновременно с ней. Однако была только одна и к счастью темнота и тишина

внизу остались непроницаемы и ненарушимы. Последующие минуты были наполнены напряженным беспокойством.

Хороший северо-западный ветер, однако, еще оставался нашим другом, так как дул всю ночь и следующий день, значительно усиливаясь в те минуты, кои так медленно ползли. Когда спустя 6 минут была сброшена еще одна бомба в окрестностях Гров-Парк к юго-востоку, напряжение наше миновало, так как из-за свежего ветра воздушные корабли не могли надеяться вернуться против ветра, и Лондон был спасен от катастрофы, размеры которой трудно вообразить: одна большая „бомба“ действительно сброшенная в 11 час. 28 минут вечера была той, которая упала на цирк в Пиккадили и разрушила здание Свин и Эдгар в углу цирка, а несколько таких бомб в этот момент висели приблизительно в том же положении над центральным районом.

Как иллюстрация возможностей, действительный вред от трех одиночных бомб, единственных сброшенных в эту ночь в районе столицы,—43 убитых, 49 раненых и повреждений на 50000 фун. стерлингов; самый же минимальный подсчет числа бомб, которые в этот момент летели на город даст по крайней мере 100, а действительное число, вероятно, около 200.

ГЛАВА VI-я.

Отражение последнего налета Цеппелина; дальнейшее общее развитие обороны.

Налет Цеппелинов 19 Октября 1917 года будет всегда служить гранью эпохи в истории войны в воздухе. Первый и самый важный результат его, что был положен решительный конец атаке островов аппаратами „легче воздуха“ в течении войны. Однако этот благоприятный результат в действительности был, столько же и обманчив, ибо с другой стороны он дал решительную поверку того, что в данном налете во всяком случае оборона была бессильна представить какое-либо активное препятствие атаке, которая успешно достигла своего главного об‘екта. Другими словами противник был в состоянии поставить свой флот в командующее положение над Лондоном, несмотря на все усилия со стороны обороны воспрепятствовать этому. Но все же непра-

вильно думать, что Лондон спасся исключительно благодаря случайности (ветру), но и оборона, как тогда она проводилась, была виновна в этом благоприятном результате.

Наблюдения производились командирами Цеппелинов до тех пор, пока позволял дневной свет: без сомнения, более точно сила ветра могла быть измерена в это время и еслибы их скорость оставалась той же самой, они без сомнения были бы в состоянии правильно определить их положение пролетая над Лондоном, со злополучным результатом для этого города. Поэтому нашей безотлагательной обязанностью является рассмотрение, какими средствами мы должны успешно встречать подобные атаки в будущем, когда переменчивость ветра может не послужить так благоприятно для нашей безопасности.

В течении чреватой событиями ночи 19 октября ветер продолжал увеличиваться в силе и в то же время поворачивался к северу. В результате чего становилось невозможным для Цеппелинов их возвращение к своей базе в Ютландии против все усиливающего ветра. Поэтому они должны были идти через Францию: пытаясь достигнуть южной Германии, или даже укрыться в нейтральной Швейцарии.

Точное число принимавших участие в налете кораблей трудно установить, их было не менее 7 и, возможно, 9. Из них ни один не достиг Германии благополучно. Были получены следующие определенные вести о 4-х из них:

№ 1. Был сбит французским противовоздушным орудием в 7 ч. утра вблизи Германской границы у Люневилля.

№ 2. Принужден к спуску в 9 ч. 20 м. утра близь Бурбон-ле-Бен в западной Франции самолетом истребителем.

№ 3. Снизился и был расстрелян вблизи Гей в департаменте Больших Альп. Юго-западная Франция.

№ 4. Был сбит и расстрелян в тех же окрестностях в 2 часа дня.

Много слухов циркулировало о судьбе остальных воздушных кораблей, но без сомнения справедливо, что три из остальных шли через Средиземное море, где у них истощилось горючее и они целиком были потеряны.

Поэтому налет, который одно время, казалось, означал конец для Лондона, в действительности закончился уничтожением Германского Воздушного флота и положил конец налетам на эту страну Цеппелинами.

К этому времени, как результат опыта, большая схема управления воздушной обороны значительно изменилась. Новая организация вылилось в форму „Лондонской обороны

воздушных пространств“, называвшейся Л. А. Д. А. Она находилась под командой майор-генерала, который управлял воздушными силами в соединении с орудиями, прожекторами и другими средствами, бывшими тогда в распоряжении обороны.

Действительно удачным выбором было назначение майор-генерала Е. Б. Эшмор на этот трудный и ответственный пост. Этот очень гибкий и компетентный офицер был одинаково хорош и как пилот воздуха и как артиллерийский офицер, а также и в других областях.

С этого времени в дальнейшем все средства, бывшие в нашем распоряжении начали, наконец, координироваться, как в отношении постоянной связи во время обучения, так и во взаимной поддержке в действии.

Необходимость больших сил самолетов для обороны стала теперь признаваться, и их сотрудничество с орудиями и прожекторами было обеспечено единством командования и ответственностью, которая теперь на первое время распространялась на всю воздушную оборону. Результатом этой организации, без сомнения, было значительнос повышение общей действительности всей обороны.

В то-же время произошли другие факты, очень неблагоприятные. Главным из них было увеличение требоваиия в людях на фронте, и все вновь и вновь люди вырывались из обороны Лондона. Место их могло быть заполнено совершенно не обученными. Однако было очевидно, что война может быть выиграна на фронте, поэтому требования обороны Лондона подчинялись потребности фронта.

1-го ноября произошел следующий ночной налет самолетов. „Сети“ были усовершенствованы и могли теперь подниматься на более значительную высоту. Несколько несчастных случаев произошло среди отрядов противника, что имело, разлагающее влияние на их мораль, и атака была принуждена повернуть домой. Одиночные бомбы упали в окрестностях Вульвич, Гринвич, Мильвель и Детфорд, хотя отдельные машины достигли на запад до Путни. Число убитых в этом случае было 6 и раненых 7, в то время как повреждения на сумму около 7500 фун. стерлингов.

Имевшая теперь только шрапнель, 75м/м. пушки была быстро заменена 18 фунтовыми британскими орудиями. Они хотя и не имели такой дальности и точности, как 75 м/м. французские пушки, однако были также годны для заградительного огня, который был единственной формой артиллерийской обороны, возможной при тех обстоятельствах. Опасност

для широкой публики от падающих стаканов французской шрапнели была избегнута, и хотя осколки британских 18-ти фунтовых обычных снарядов была далеки от идеала, однако падение их было менее опасным.

Силы наших самолетов обороны быстро возрасли, и их действительная организация и координация с остальной обороной была теперь в компетентных и опытных руках Командира Л. А. Д. А., в результате чего прогресс организации обороны не только сделал шаг вперед сравнительно с развитием атаки, но превышал ее в активности. Противник сделал вновь паузу в своих атаках, без сомнения с целью обсудить, как лучше встретить усовершенствования достигнутые обороной.

Эта пауза была употреблена на усиленное обучение под общим руководством командира Лондонской обороны воздушного пространства, генерала Эшмор и был сделан большой прогресс вообще во всех войсках находившихся под его командой.

6-го декабря следующий налет был произведен последовательными атакующими группами на широком фронте, продвигавшимися вверх по Темзе, севернее и южнее реки.

Южная часть достигла восточных окраин обороны около 4 ч. 30 м. утра и вошла в мой район в окрестностях Бромлей в 4 ч. 39 м. Эта южная группа была несколько впереди других, но при их продвижении к северу встретила препятствие последовательных „заграждений“ и концентрацию прожекторов, что помешало им пересечь реку до 4 ч. 50 м. когда они были наконец в состоянии повернуть к северу в окрестностях Вульвич.

Тем временем остальные атаковали севернее реки и различные группы распространялись по западному и юго-западному районам до 6 часов, когда все самолеты отступали.

Решительное отступление происходило южнее реки, но группы были очень широко разбросаны и подвергались ударам одновременно всех пунктов вплоть до Кролдон и Херроу.

Было сброшено 87 фугасных бомб и 11 зажигательных и пострадавшими районами были Чельси, Брикстон, Баттерси, Степней, Уайтчепель, Клиркен-Ухол, Стренд, Грейс-ини-Род, Шордитч, Ламбет, Найтс-Бридж, Пенхам и Сайденхем. Повреждения насчитывались на сумму 95000 ф. стерлингов и произошло 52 пожара от зажигательных бомб, хотя народу было убито только 2 и ранено 6.

Были отмечены некоторые интересные моменты, очень благоприятные для обороны.

Среди них наиболее важным было крайне малые потери в жизнях. Без сомнения это надо приписать главны обрзаом мерам, принятым для защиты публики.

Другим наиболее значительным фактом было успешное „разрушение“ всех неприятельских строев артиллерийским огнем обороны. Это расстройство строя неприятеля было предварительно необходимо для способствования нашим славным боевым пилотом „прошвабрить их“, во время отступления.

Очень интересно было еще введение зажигательных бомб. Было 52 пожара от сброшенных 11 зажигательных бомб, что явилось определенным доказательством, что эта „адская машина“, теперь стала много действительнее, чем она была в предыдущем. Факт, что каждая не могла пересечь реки до достижения Вульвич, был так-же очень удовлетворителен, так как показал действительность заградительного огня. Многие широко разбросанные аппараты, о которых доносили со всех направлений, совершенно не смогли проникнуть в оборону вообще.

Общий результат должен быть отмечен, как очень удовлетворительный. Эта атака происходила на необычно большой высоте, первые донесения, полученные мной о высоте атакующих аппаратов, дали высоту 8000 фут., в чем я несколько сомневался, думая, что их действительная высота была определена значительно меньше. Однако это предположение, сделало необходимым и пригодным сконцентрировать орудийный огонь выше донесенной высоты, и таким образом действительно содействовать разрушению строя противника, и послужило доказательством действительности других различных средств, главным образом „сети“, которая теперь употреблялась в большом размере, имея ввиду держать атаку в определенных пределах высоты.

Все эти и многие другие вопросы обсуждались на последующих конференциях, и были извлечены все выгоды из полученного опыта: в то время производилось обучение с наиболее возможной энергией, так что когда произошел следующий налет 18 декабря, мы были гораздо более готовы встретить его, чем это было в предыдущих случаях.

ГЛАВА VII-я.

Последние налеты самолетов.

В 6 ч. 16 м. 18 декабря было получено предупреждение, что противник находится на дороге к Лондону, и в 6 ч. 40 м., что очень большое число аппаратов приблизилось к берегу с Востока. Атака развивалась над Лондонской обороной и была произведена пятью отдельными дивизиями; первая состояла из многочисленных групп самолетов, продвигавшихся последовательно на широком фронте, по обе стороны реки.

Эти пять дивизий атаковали последовательно: первое донесение с пунктов западного сектора, было получено от Гров-Парк в 7 ч. 8 м. и устанавливало, что ведущие отряды прибыли тогда к этому пункту с юго-востока, и вытота их предполагалась в 12000 фут. Эта атака была встречена заграждением и концентрацией прожекторов на высоте больше 12000 фут. и была в полном отступлении в 7 ч. 20 м.

В 7 ч. 14 м. следующая дивизия сражалась в Восточном секторе, и указания, полученные от Командира Противовоздушной обороны, давали ее высоту в 14000 фут. Все южные орудия Западного сектора сражались интенсивно и успешно, и намерение противника проникнуть к северу от реки потерпело неудачу, единственные бомбы, о которых доносили в Западном секторе, были упавшие в окрестностях Уайдсфорт в 7 ч. 27 м. Вторая атака была также в общем отступлении южнее реки между 7 ч. 30 м. и 7 ч. 35 м.

Третья атака развивалась по тем же линиям в 7 ч. 30 м. и была встречена интенсивным огнем; строи были совершенно нарушены и широко разбросаны; о части донесено, что она идет на восточном курсе над Хенуэлс в 7 ч. 37 м. и общее отступление этой дивизии произошло в 7 м. 50 м.

Четвертая атака приблизилась с севера в 7 ч. 56 м. и проходила над Западной окраиной в 8 ч. 10 м. в Юго-Западном направление, но широко разбросавшись. Эти самолеты отступили к Юго-Востоку в 8 ч. 20 м.

Пятая атака происходила на много меньшей скорости, чем предыдущие, и появилась с Северо-Востока в 8 ч. 40 м., повернув к югу над Западной окраиной, где и подвергалась энергичному нападению от 9 ч. 3 м. до 9 ч. 8 м. и совершено сломлена. Отступление этой дивизии было в

полном разгаре в 9 ч. 18 м., но происходило в Северо-Восточном направлении, без сомнения, в попытке избежать нападения наших самолетов во время своего отхода.

Это нападение продолжалось в течении 2-х часов с четвертью, все время непрерывно продолжался огонь, и определить местоположение различных групп стало прямо трудно, благодаря их числу и широко разбросанным курсам и скоростям. Однако отряды противника держались все примерно на одной высоте, значительно облегчив задачу обороны,—важный факт, который следует отмететь; ценность „сетей" была таким образом ясно доказана, так как, забрав большую высоту, чтобы пройти над этими опасными предметами, противник очевидно был принужден „выдерживать" эту высоту, чтобы быть в состоянии при отступлении вновь пройти над ними.

Число самолетов противника в этом налете было невозможно определить, но без сомнения было значительно больше, чем в предыдущие атаки. Число сброшенных бомб насчитывалось 26 зажигательных и 33 фугасных; произошло 13 пожаров, 10 человек убитых и 49 раненых, повреждения на сумму 225000 фун. стерлингов. Пострадавшие районы были широко разбросаны, главный вред был сделан: в Клеркин-Уэлл, Пентавш, Род, Бремондси, Кингс-к-Росс, Кентиш-Таун, Пиммино, Инер-Темпель, Ольдеронт-Стритт, Хольборн, Вест-Смит-Форд, Вестминстер-Бридж-Род, и Саутс-Ворк.

Отражение этой очень подготовленной и настойчивой „атаки силой", должно считаться в общем удовлетворительным особенно, если принять во внимание, что личный состав был не из лучших.

После этого налета вновь наступила значительная пауза в атаках. Это, конечно, зависело главным образом от условий погоды, но это время, без сомнения, происходили большие дискуссии в лагере противнка, как о реальной ценности этих налетов, так и о силах, употреблявшихся для него.

Во время этого драгоценного интервала, организация всех сил обороны энергично проводилась под руководством генерала Эшмор. Люди, взятые для службы на фронте, были возвращены посколько возможно, офицеры и пункты инспектировались, делались повышения, и упорное обучение продолжалось. В то же время часто собирались конференции между отдельными отраслями войск обороны и связь между ними продолжалась.

28 января в 7 ч. 55 м. мы получили извещение, что неизбежен следующий налет больших сил. Эта атака действительно произошла, и была также встречена орудийным огнем и концентрацией прожекторов. Общая высота поддерживалась противником больше 12000 фут., но было несколько необычных методов в атаке, которые были отмечены с особым вниманием обороны и имели большой интерес.

Общая атака имела место, как обычно по обе стороны реки, и с Востока, Северная часть атаковала первой в этом случае, повернув над Юг на Западной окраиной и пройдя через самолеты Южной дивизии, так как последние приблизились к юго-западу, это сделало определение местонахождения по звуку крайне неопределенным, так как много противоречивых донесений о направлении полета самолетов, с того же места, сделало невозможным точное определение этого.

При новой системе, в этом случае примененной в атаке, было не так легко следить за дальнейшим движением их самолетов.

Система заключалась в том, что машины часто стопорили, и самолеты скользили в тишине, в то же время делая несколько кругов, раньше чем снова пустить машнны, чтоб забрать высоту и продолжать свой курс. Без сомнения задача обороны стала труднее, так так определение курса их самолетов стало очень гадательной работой.

Было также очень замечательно и уменьшение силы звука машин, очевидно старались совершенно заглушить его. Это вообще повлекло уменьшение скорости, с которой летели самолеты, что без сомнения зависело от глушения машин. Так как нельзя поверить, что противник пожертвовал драгоценной мощностью, которая так обеспечивала их безопасность в любом воздушном сражении во время их отхода, то следует предположить, что они были теперь снабжены „глушителями“ и переключателям, посредством чего машины могли быть заглушены по желанию и полная сила их получалась при открытии переключателей.

Эти факти были соответственно оцененны и отмечены, самым ценным заключением, которое можно вывести из этого, что тактика обороны была очень неприятна противнику, и что им каждое средство принималось, чтобы сделать заградительный огонь возможно более трудным и неточным. Благодаря координации всех средств обороны, быстро было установлено резко очерченное пространство

в центре, в которое наши самолеты могли входить только на свой риск, так что опасность поражения наших храбрых летчиков орудийным огнем была „официально избегнута". Однако в действительности наши доблестные летчики преследовали противника, где угодно, и как угодно, если были в состоянии взять его на прицел.

Налет продолжался с 10 ч. 27 м. вечера до 12 ч. 30 м., но вред относительно был мал; однако, атака была повторена в следующую ночь, 29-го января, когда произошел подобный же налет с теми же результатами. Я был в состоянии установить наблюдением, что скорость противника примерно в 40 миль в час. Самолеты были видимы в нескольких случаях против луны, но их тишина была еще более замечательна в сравнении с предыдущим.

Был случай, когда я был в состоянии установить одного из наших доблестных истребителей, преследовавшего и атаковавшего большой бомбовоз Гота над обороной, где он сам оффициально не имел права быть. Но это его мало заботило.

Два самолета были видимы одновременно против луны, малый следовал за большим, почти вдвое большего размера: предполагаемый большой был 80 фут. Гота, а малый Пристиль Ф. С. (истребитель) углы и дистанции были записаны и их положение определено из факта, что 80 фут. Гота закрыл половину луны и эти углы были потом обработаны мною в штабе, чтобы установить героя.

Во время этого налета, самолетов было 11. Вот общее положение различных пунктов:

1) Много неудобств происходило от стечения публики вокруг позиций орудий, во время боя. Необходимо закрывать проход к ним во время налетов.

2) Не выстреленный снаряд требует еще две попытки производства выстрела раньше, чем выяснится его негодность.

3) Случай на № 7 с орудийной прислугой, которая вкладывает свои руки в замок орудия вместо снаряда. Полом частей. Умственный недостаток.

4) Замечено, что телефоны сбоку от орудий не имеют выключателя так что, когда орудийная позиция в действии, связь с других орудийных позиций присоединяется к тому же телефонному аппарату штаба и разговор становится не слышным.

В начале февраля я получил оффициальную бумагу, что моя просьба о моем командовании разрешенна благо-

приятно и 16-го я имел удостовольствие передать мое командование моему преемнику.

Три еще налета действительно имели место после счастливого момента моего освобождения именно 17-го февраля, 7-го марта и 19-го мая, но вред от них не был серьезен, и противник наконец решил, что воздушные силы могут быть гораздо полезнее использованы в другом направлении.

ГЛАВА VI-я.

Уроки воздушной обороны, полученные из воздушных налетов. Как они молут быть полезно применены в организации обороны в будущем.

Краткие и далеко неполные сведения, о различных ступенях организации воздушной обороны, которая импровизировалась по мере развития воздушных налетов во время войны, важны особенно, как весть об уроках, указывающих тогдашние трудности для такой организации. Важность этого еще более увеличится, когда выяснилось, что история Эволюции воздушной обороны Лондона есть исключительно практический опыт тех операций, которые производились, и поэтому мы можем руководствоваться им при создании подобной же организации обороны в будущем.

Ддлжно быть очевидным для всех, что мнение всех офицеров, учавствовавших в развитии такого рода обороны, которой раньше не существовало, должно расцениваться по крайней мере с особым уважением. Это совершенно неоспоримо, так как нет других прецедентов, которые можно оценить и которыми воспользоваться: поэтому должно усовершенствовать то, что получило уже совершенное развитие в воздушной войне. Все события воздушной компании против этих островов, должны необходимо образовать базис, на котором единственно может быть правильно основано рассуждение о подобных операциях в будущем.

Это причины того, что я рискнул с большой осторожностью выдвинуть принципы и мнения, которые образовались из моего собственного опыта и наблюдений во время налетов в отношении требований к будущей воздушной обороне.

Здесь не может быть вопроса ни о безотлагательности или важности предмета и к несчастью, не может быть сомнения в недостаточности нашей теперешней воздушной обороны.

Два главных пункта, которые я стремлюсь выдвинуть:

Первый: ни Лондон, ни какой либо другой округ не могут успешно быть защищены от воздушных атак без наличия соответствующих сил в воздухе.

Второй: Оборона любого округа от воздушных атак должна производиться не только в воздухе над ним, но и на значительном расстоянии от него.

Теперь я рискну выдвинуть аргументы, которые я считаю, оправдывают упомянутые пункты, в надежде, что они будут признаны обоснованными, и должны во всяком случае принести более общую реализацию истинно печального положения, в котором находится воздушная оборона этой страны, в настояший момент к нашему вечному стыду (14 августа 1923 г.).

В первые дни воздушные налеты производились на сравнительно малых высотах, на таких высотах возможно затруднять операции воздушных сил орудийным огнем. Это не доказано практически, но предположение по крайне мере „позволительно". Однако, высота атак повышалась, недостаточность орудийного огня возрастала пропорционально степени трудности, какую испытывала воздушная сила в увеличении высоты. Главное основание этого несомненного факта есть, „Время полета" снаряда, определявшее предел „Безопасности цели". Однако такой точный огонь в прицеливании при дневном свете, но высота представляет единственное и такое существенное препятствие для успеха, что практическая действительность стрельбы по цели на большой высоте незначительна.

Даже еслибы и не так, высота, на которой могут теперь летать новейшие воздушные силы так велика, что орудийный огонь, если бы он производился из орудий с громадной начальной скоростью должен рассматриваться, как недействительное средство для целей обороны от новейших атак, производящихся с воздуха.

Мы теперь перейдем к оценке преимуществ прожекторов, главная выгода от употребления прожекторов в освещении цели для орудий. Если орудийный огонь рассматривать, как недостаточное средство обороны, то прожектора самое важное обоснование для их употребления. Конечно надо сказать, что по временам и в редких случаях, прожектора

будут освещать противника и тем содействовать защитным самолетам находить и успешно атаковать его. Но это обоюдоострый меч, который также действует и в обратном смысле, так как защитные самолеты тоже могут быть освещены к выгоде атакующего, единственная несомненность в отношении употребления стационарных прожекторов на земле это то, что их положение точно известно противнику, и таким образом будет служить средством, для точного указания их настоящего положения, что в противном случае может затруднить им это правильное определение.

Самая тягостная очевидность этого акта без сомнения, должна быть для всех, кто читал в предыдущих главах о последнем налете Цеппелинов в ночь на 19-е октября 1917 г.

Поэтому из общей оценки вытекает неизбежный вывод, что для целей обороны прожектора являются скорее источником слабости и увеличения уязвимости обороны, чем дают какое либо практическое преимущество обороняющим войскам. При этих обстоятельствах будучи уверен, что вышеупомянутые аргументы и технически „крепки“, я склоняюсь к тому, что теперь, тогдашние издержки кажутся гораздо большими, чем нужно было для обороны: все люди и деньги, затрачиваемые теперь на орудия и прожектора обороны, должны в будущем итти на увеличение наших воздушных сил, от действительности успешной обороны которыми и зависит будущее нашей страны.

В отношении второго пункта, становится необходимым изучить эволюцию военных операций всякого рода и вывести отсюда естественные стремления развития воздушных операций в будущем, при разумном изучении истории прогресса наступательной и оборонительной войны прошлого.

В древние времена, когда желали защищать какую либо местность, строили стену вокруг, и несколько героев влезали на эту стену с целью защиты ее дубинами и другим примитивным оружием, от нескольких других сверхгероев, которые пытались взобраться на стену при невероятно невыгодных условиях. С тех пор оружие, как нападения, так и обороны постоянно увеличивало свою действительность.

С возрастанием дальности действия употреблявшегося оружия протяжение арены, на которой могли развиваться какие-либо военные операции, постоянно и регулярно возрастало. Крепости, которые еще сто лет тому назад расценивались, как последнее слово фортификации, достигли несколько миль в диаметре, пока мы не встретили несколько

примеров в новейшей войне, что линия укреплений имеет свыше 50 миль протяжения, и достаточная защита такой позиции требует больших трудов. Это было логичное следствие, которое вытекало из увеличения действительности новейшего оружия войны—исключительно воздушных сил. Эти факты указывают как на прямое решение, что воздушные обороны должны быть организованы, чтобы представлять соответственное сопротивление любой воздушной атаке еще далеко до того, когда атака будет в состоянии достигнуть окрестностей такого действительного жизненного уязвимого об'екта, как город Лондон.

Нет основания отрицать, что все успехи, сделанные в оружии наступления, нигде так не велики, как в организации атак с воздуха. Расстояние, до сих пор правильно считавшееся препятствием какой-либо возможности успешной атаки, совершенно потеряло его военную ценность и мы сейчас предоставлены на волю активной организованной воздушной атаки большими силами, которая может развиваться с баз, которые даже в великую войну считались лежащими за пределами практического поля, открытого для атакующих сил.

Эти факты так неопровержимы, что как бы мы не прятали наши головы в нашу традицию морской страны, в то время, как наше слабое место остается в воздухе, мы должны пересмотреть наше положение.

В прошедшие дни Британский флот защищал королевство, и был как есть и сейчас, лучшей организацией могущества во всем мире.

Но ответственность за первую линию обороны этих островов постепенно переходит с моря на воздух. Достаточные условия для удержания нами нашего законного положения в обществе наций могут быть достигнуты только постоянным поддерживанием силы нового воздушного рода войск в отношении подобных же сил других наций, в той пропорции, которая в прошлом считалась необходимой для поддержания нашего „Господства на море". В этой, как и в других областях жизни, конечно необходимо подсчитать стоимость и согласовать наши издержки с рессурсами, находящимися в нашем распоряжении. В вопросе такой жизненной национальной важности, как оборона страны, надо однако принять, что вопрос национальной безопасности должен быть первым, и что размеры издержек далеко второстепенной важности.

Мы следовательно вправе предполагать, что так как первая линия обороны оставила море и перелетела в воздух, то является возможным соответственно урезать издержки для первого для того, чтобы увеличить их для последнего.

Очень интересный „Уайт Пепер“ в последнее время опубликован по вопросу „Координации обороны“. Это— перечисление решений, принятых Правительством по рекомендации комитета обороны Империй и подписанных им 21-го июня 1923 года.

Первые два из 11 решений очень жизненны, остальные второстепенной важности; первые два следующие:

№ 1. Нежелательно и невозможно отменить министерских начальников трех родов войск, сделав их подчиненными министру обороны; промежуточный план смешения трех служебных ведомств также невыполним.

№ 2. С другой стороны, существующая система координаций комитетом обороны Империй недостаточна для обеспечения полной инциативы и ответственности за всю оборону в целом и требует определенности и крепости.

Надо отметить, что № 2 оффициально считает, что существующая система неудовлетворительна, т. к. в ней полной выгоды использования национальных рессурсов для обороны не получается в отношении недостатка координации, инциативы и прямой ответственности.

Мы с крайним интересом узнали из вышеупомянутого параграфа направления, в которых наша система обороны несовершенна и подлежит реорганизации. Последующее решение скажется, очевидно, в методе, по которому Правительство намерено произвести реорганизацию, какую оно считает необходимой; тщательно изучая 9 последующих решений, мы поражаемся их пустоте, с твердым убеждением, что практических перемен или усовершенствования невозможно сделать посредством этого. Должно быть очевидным для всех, что изучая в целом вопрос координации национальных рессурсов, что единственное практическое средство, чтоб достичь действительных результатов, в этом направлении, радикальная перестройка настоящей системы, при которой ответственность за оборону разделяется между некоторым числом начальников Правительственных Ведомств.

Даже если, как дело обстоит сейчас, разные начальники ведомств образуют комитет обороны, они как юридическое лицо не имеют исполнительной власти. Смысл мнений, которые каждый из них имеет, должен по необходимости учитывать персональную ответственность, которая

передается им индивидуально, как начальником их особых ведомств. Когда общая ответственность за жизненный вопрос национальной обороны делится, то в действительности не влечет ответственности всех. Неизбежный результат этих решений, поэтому должен быть тот, что страна будет продолжать оставаться точно в таком же нежелательном и недостойном положении, которое так кстати описано в Правительственном решении № 2, приведенном выше.

Обратимся теперь к решению № 1, в нем причина всех затруднений, она ясно вытекает из слов: „Нежелательно и невозможно, чтобы министерские начальники трех родов войск были подчиненны министру обороны“. Казалось бы ясно каждому, что наооборот крайне желательно и возможно, чтоб все три рода войск индивидуально подчинялись бы общей обороне. Такое подчинение совершенно естественно, так как хотя каждый род войск первенствует в своей собственной области, на море, на суше или в воздухе, однако совместно они представляют оборону, и так как они должны стремиться достичь наибольшей степени действительности, то для соответствующей координации их рессурсов—необходимо и единство Управления.

Вопрос тот же самый, во всех отношениях, который так тяжело представлялся во время войны, но соответственное разрешение которого, без сомнения, послужило фактором выигрыша войны.

Это решение—единство Управления. Во время войны силы союзников материально сокращались в силу недостатка координации их рессурсов. Этой причине обязан факт, что старания армий во многих случаях не могли достигнуть их полного результата, пока не было установлено единство Управления.

Мы теперь в организации нашей национальной обороны имеем точное воспроизведение этой опасной причины, недостатка ее действительности.

Наши крупные роды войск в обороне и наступлении конечно связаны в работе для общего блага, как были связаны союзные армии в поле. По той же самой причине, однако, наилучшие результаты, на которые они способны, никогда не будут обеспечены, пока они подчинены Отдельным Высшим Управлениям и Отдельной ответственности.

Управление и ответственность никогда не могут быть исполнительной функцией этого комитэта, который имеет неизбежно политический характер.

№ 6 из мелких решений кабинета, упомянутых выше, указывает, что кабинет имперской обороны, будет иметь состав в будущем:

1) Премьер министр или его помощник (председатель).
2) Военно-Государственный секретарь.
3) Воздушный Государственный секретарь.
4) Первый Лорд Адмиралтейства.
5) Государственный секретарь иностранных дел.
6) Государственный секретарь колоний.
7) Государственный секретарь Индии.
8) Начальник Штаба (морской).
9) Начальник Штаба (армии).
10) Начальник Штаба (воздушных сил).
11) Постоянный секретать Казначейства (как глава гражданской службы).

Кроме этих лиц, могут специально приглашаться специалисты.

Это юридическое лицо не имеет какой либо исполнительной власти, но лишь рекомендует свои идеи кабинету.

Можно ли себе представить более бессильное юридическое лицо, чем составленное из созвездия должностных лиц.

Может ли быть выдуман более безошибочный метод, при котором ответственность за оборону так определенно „погребается“.

Теперь моей обязанностью является, представить соображения, каким способом наилучше выйти из нашего плачевного состояния.

Одним и единственным методом, имеющим какую либо надежду на успех, кажется „учреждение об‘единяющего Управления национальной обороной“. Такое Управление, чтоб иметь практическую пользу, должно быть „активным“ и исполнительным Управлением с властью координации и распределения национальных рессурсов. Это предполагает учреждение „Имперского Ведомства“, которое в будущем будет управлять всеми силами Королевства на море, на суше и в воздухе, и будет ответственным, за свою действительную организацию в отношении и пропорции к фонду, который будет предназначен для этой цели.

Если чего-нибудь не достает в этой радикальной и основательной реорганизации наших национальных рес-

сурсов, или в наступлении и обороне, то, в эти дни быстрого прогресса, за эту фальшь, мы должны будем дорого заплатить.

В заключение я чувствую себя обязанным сделать предупреждение жителям наших больших городов. Рассматривая потери благодаря налетам на Лондон во время войны (смерть только 5-ти или 6-ти сотен граждан и серьезные поражения свыше 1200 других, да материальный ущерб на сумму свыше 2000000 фунтов стерлингов), сравнительно с действительным риском сопряженным с воздушными атаками, может получиться ошибочное заключение из фактов Мы имели основание быть благодарными, что наши потери не перешли этих пределов, так как они не могли быть сильно увеличены, благодаря обстоятельствам, которые совершенно не зависят от этой обороны.

И тем более важно для всех представить, что возможные будущие воздушные атаки должны иметь еще менее сходства с вышеупомянутыми цифрами, так как благодаря увеличению в силе и действительности воздушных сил, опасность, которой подвергнутся жители наших больших городов от воздушных атак достигнет таких размеров, что даже крайне трудно предположить. Поэтому, обязанность каждого из нас настаивать на немедленном заготовлении соответствующих воздушных сил для обороны и на создании нашей воздушной мощности такого размера, которая была бы в отношении к силам других наций, такой же, как это долго считалось необходимым для страхования нашей национальной безопасности при наличии „господства на море“.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Сравнение противовоздушной обороны Лондона с таковой Парижа.

Следующий рапорт был подан Командиром Раулинсоном в Адмиралтейство в сентябре 1915 года.

Диаметр города Парижа в среднем 7 1/2 миль. Пространство подлежащее обороне приблизительно 45 кв. миль.

Столичное пространство Лондона 700 кв. миль.

На оборону Парижа употребляется сейчас:

127 орудий (с большим углом возвышения).

88 пулеметов.

41 прожектор.

2.500 солдат и 57 офицеров, исключая 60 самолетов в их персонал. Предположено в будущем увеличить еще оборону непосредственным добавлением еще 80—75 м/м орудий.

Хотя проблемма обороны Лондона от воздушных сил отличается от таковой Парижа в том, что защищаемое пространство много больше, и форма атаки ожидается Цеппелинами, скорее чем самолетами, однако главный принцип обороны в обоих случаях один и тот-же т. е.:

„Воспрепятствовать воздушным силам противника занять положение над городом, из которого может быть нанесен материальный вред“.

Создать схему обороны Лондона по подобию теперешней Парижа постоянными орудиями обороны, потребовало бы заготовления очень большого числа орудий, только малое количество которых может быть в действии одновременно.

Но то-же самое может быть достигнуто употреблением подвижных орудий, стреляющих фугасными снарядами, и передвигающихся по внешним линиям на дистанции от 10 до 15 миль.

Это был метод, применявшийся в Париже перед учреждением очень полной схемы постоянных постов, употребляющихся сейчас, и для Лондона он представляет еще следующие выгоды:

1) Форма ожидаемой атаки позволяет получить значительно раньше информацию о направлении атаки, благодаря чему можно сконцентрировать подвижную оборону для действия на линии неприятельского приближения.

2) В силу этого, хотя число орудий обороны будет не так велико, однако число их, находящихся на направлении атаки будет значительно больше.

3) Дороги и орудийные позиции, необходимые к Северу и Востоку от Лондона, очень пригодны для таковой схемы обороны.

4) Необходимые орудия 3 дм. и 3 фунт., с большим углом возвышения оба с большой начальной скоростью годны для этой цели и способны легко и быстро транспортироваться и приводиться в действие при соответствующей установке, и даже орудия большего калибра могут быть употреблены для этой цели.

5) Организацию такой обороны возможно создать скорее и сделать более действительной на всем пространстве быстрее, чем систему постоянных постов.

6) Такая подвижная оборона была бы добавлением к внутренней постоянной обороне, которая благодаря этому значительно усилилась бы.

7) Противник мог бы быть атакован и возможно прогнан раньше достижения положения, из которого он мог бы нанести вред.

8) Если бы линия была бы прорвана противником, он мог-бы подвернуться дальнейшему нападению при его отступлении.

9) Система подвижной обороны может быть организована, и все столичное пространство действительно защищено, при употреблении очень малого числа орудий и персонала скорее, чем в случае постояннной обороны.

(Подписал) А. Раулинсон.

Лейтенант-Командир К.Ф.Д.Р.

24-го сентября 1915 г.

Детали противовоздушной обороны Парижа.

Ответственные офицеры:

1) Военный Губернатор укрепленного лагеря Парижа, ответственный за оборону города.

Действующий непосредственно под его начальством морской офицер командовал противовоздушной обороной.

Авиационный лагерь, присоединенный к городу, был обязан обороной в воздухе и действовал под непосредственным начальством офицера, командовавшего противовоздушной обороной.

Офицер командовавший противосамолетной обороной получал все донесения, от него исходили все предупреждения, и командовал всей обороной в действии против воздушных сил.

Орудия:

2) На 4 внешних линиях были: 41 стационарная орудийная позиция; каждый пост состоял из:

2—75 м/м (с большим углом возвышения) полевых орудий, стрелявших фугасной гранатной или снарядом — трассером.

1 — 37 м/м пушка (с большим углом возвышения).

2 — пулемета.

Кроме того, внутри города находились посты на удобных позициях:

— 4 — 49 м/м орудия (с большим углом возвышения) и
— 6 — пулеметов.

Каждый из 41-го внешних постов снабжался прожектором, способным освещать воздушные силы на 10000 ярдов. Одна треть из них была подвижная ввиду местных вариаций атмосферных условий.

Все орудия, пулеметы и прожектора имели установку с большим углом возвышения современного чертежа.

Общее вооружение:

82 — 75 м/м орудия.
41 — 37 м/м „
4 — 49 м/м „
88 — пулеметов.
41 — прожекторов.
61 — орудийная позиция в общем.

Предполагается в дальнейшем еще увеличить число позиций и увеличить число 75 м/м орудий до 150.

Персонал:

3) Силы, бывшие в распоряжении офицера, командовавщего воздушной обороной (не включая авиационный лагерь) состояли из:

2500 унтер-офицеров и солдат и 56 офицеров.

Среди них:

Артиллеристов и пулеметчиков . . .	1900	чел.
Наблюдателей постов	300	„
Прожектористов	250	„
Метеорологических постов	20	„
Штаб и прочих	30	„

Всего персонала 2500 человек.

Артиллерия снабжала артиллеристами, орудийными позициями, орудиями и снарядами, и была ответственна за обмундировку, жалование, обучение и действия. Флот и инженеры снабжали прожекторами, астрономическим инструментом и их прислугой (экипажем).

Система обороны:

4) Система обороны состоит из:

(а) внешней линии постов, доносящих о приближении неприятельских воздушных сил.

Эти линии начинались в 50 милях расстояния от города и использовалась вся благоприятная местность и высокие постройки.

Каждый пост состоял из унтер-офицера и 6 или 8 солдат.

Здесь было 42 наблюдательных поста в общем, и каждый пост связывался со штабом в Париже двумя независимыми линиями телефона.

(в) Из 4-х линий стационарных орудийных позиций, 1-ая и внешняя состояла из 8-ми постов и тянулась только на Север и Восток от города (пределы наиболее подверженные атаке). Эта линия в среднем была в расстоянии от 15 до 20 миль.

Вторая, третья и четвертая линии совершенно окружали город и находились в расстоянии от 5 до 15 миль. Они состояли из:

Второй линии . . . . 15 постов.
Третьей линии . . . . 11 постов.
Четвертой линии . . . . 7 постов.

(с) Внутренние орудия и пулеметы стояли на высоких постройках, защищая точки наиболее доступные для атаки внутри города.

Все орудийные посты были связаны двойными телефонными линиями со штабом.

Дальности орудий:

5) 75 м/м орудие имеет действительную горизонтальную дальность в 9500 ярдов.

При возвышении в 50° их дальность—6000 ярдов на высоте в 9000 фут.

При больших возвышениях они имеют дальность до высоты в 14000 фут.

Орудия так расположены, что всякие воздушные силы, пытающиеся летать над городом будут под огнем 4-х орудий одновременно, при пересечении линий обороны в любой точке.

Самолеты:

6) В авиационном лагере, прилежащем к городу, находится 60 самолетов, большинсто из которых вооружены пулеметами и их дальнейшее вооруженние быстро продолжается.

Их обязанности суть:

а) Держать постоянный воздушный патруль в 3 само лета на постоянной высоте в 9000 фут. над городом, гото вый встретить в разных условиях любые неприятельские воздушные силы, атакующие на высоте.

Эти самолеты сменяются каждые два часа.

в) Четыре самолета в готовности день и ночь немедленно подняться в воздух в случае атаки.

с) Для предупреждения о приближении неприятельских воздушных сил на земле авиационного аэродрома растягивалась большая белая парусиновая стрела, указывающая направление атаки, для руководства воздушным патрулям,

которые инструктированы встречать и отражать такие атаки, если возможно за пределами города.

д) Дежурные машины имели приказ подняться в воздух, подвигаться в направлении атаки, постепенно повышаясь до 7000 фут. и когда они достигнут этой высоты, то должны повернуть в направлении к городу, чтоб преградить отступление противника.

е) Был специальный приказ, по которому все машины будут немедленно нападать на противника, не обращая внимания на огонь орудий снизу.

ж) Ни одна машина в случае атаки не может снижаться, пока не будет убрана стрела с аэродрома.

ж) Все авиаторы постоянно практикуются в ночном полете с прожекторами над городом, чтоб ознакомиться с ночными условиями.

Устроено несколько посадочных площадок и они освещаются: некоторые из них в 35 милях расстояния от города.

Перевел Н. Виноградов.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ I-ая.

Оборона от Цеппелинов.

ЧАСТЬ II-ая.

Оборона от аэропланов.

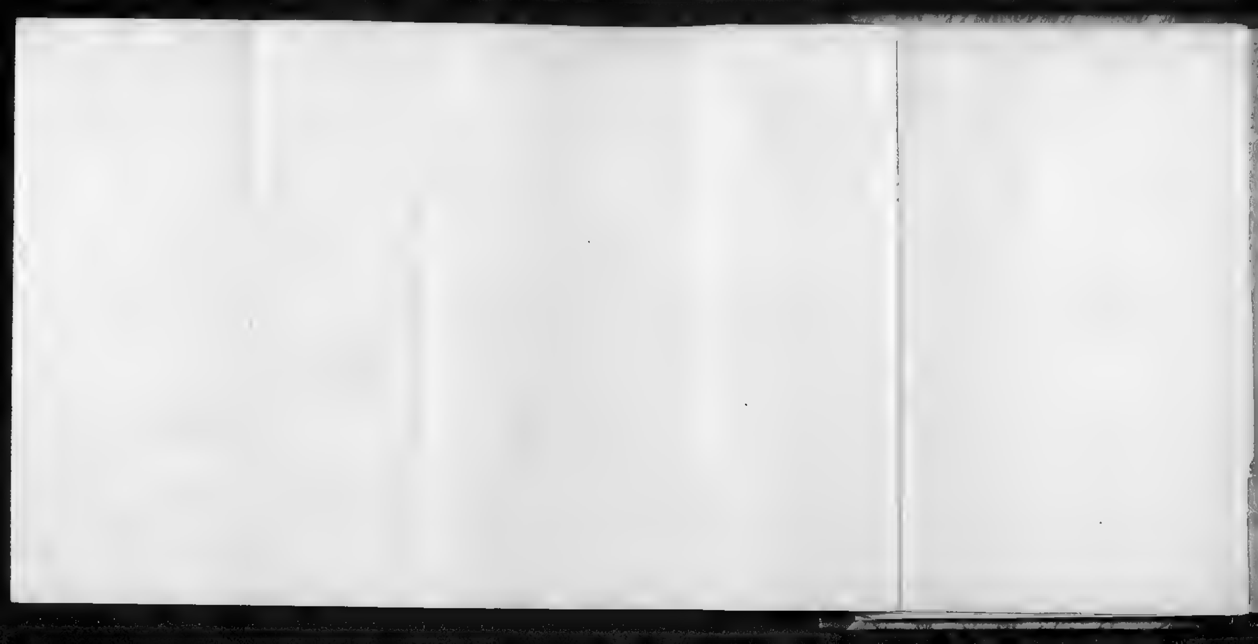
Карта орудийных позиций, прожекторов и наблюдательных постов Западного сектора противовоздушной обороны Лондона в 1917-18 г.

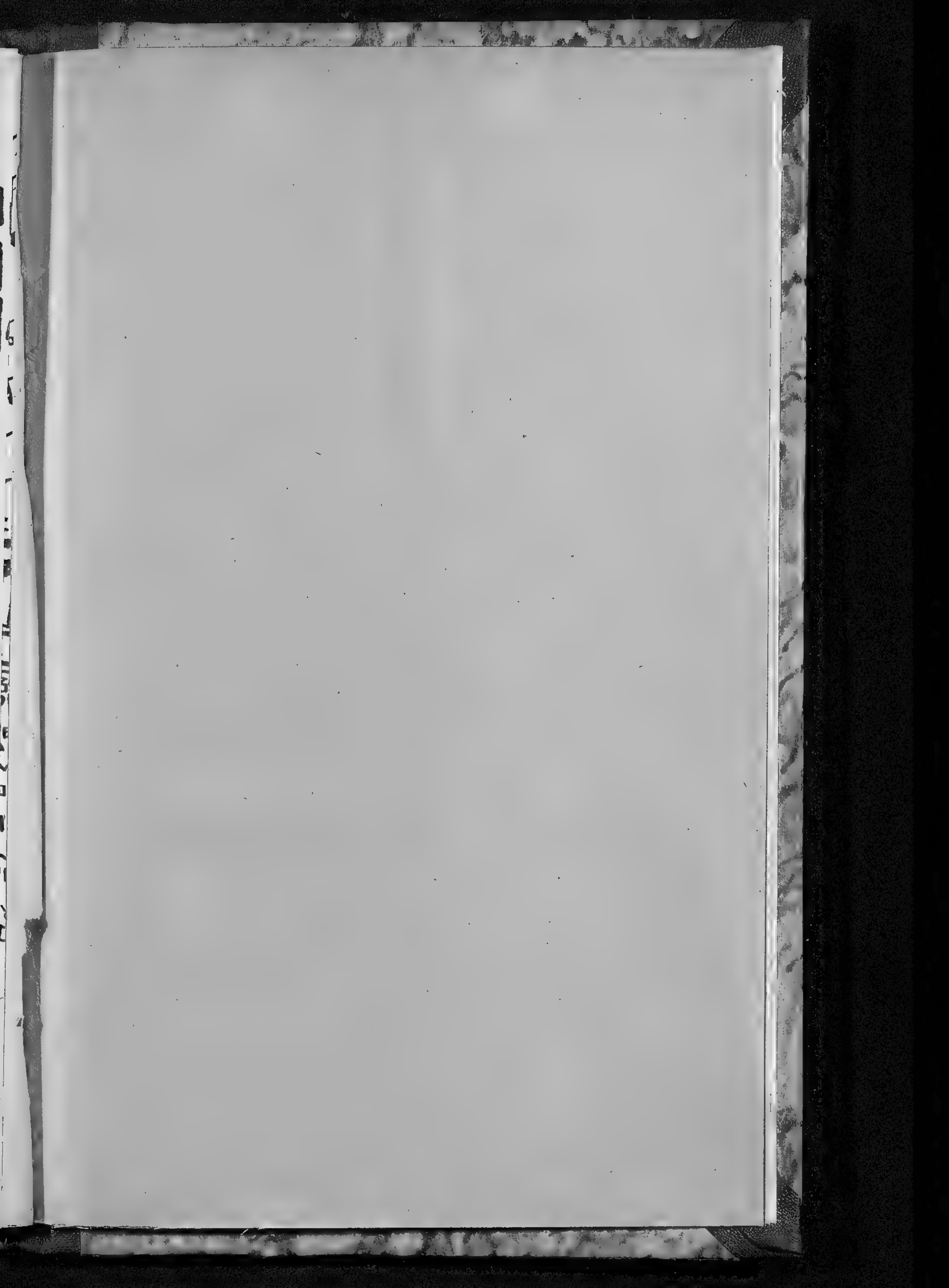
Орудийных позиций — 19
Прожекторов — 36
Наблюдательных постов — 38

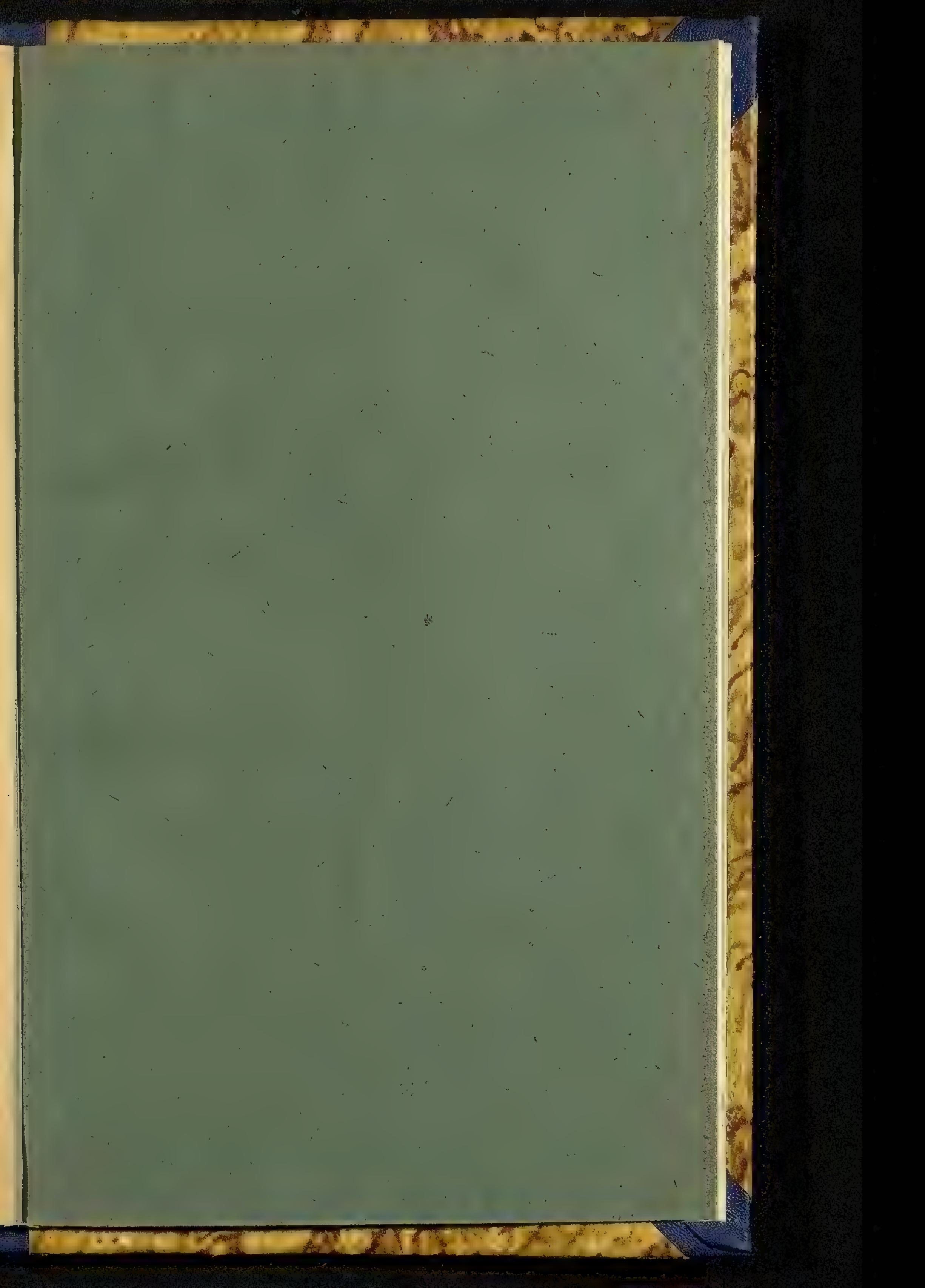
I СЕВЕРНЫЙ СЕКТОР
II ВОСТОЧНЫЙ СЕКТОР

N.
З.

Условныя обозначения:
Орудийная позиция —•
Прожектор —○
Наблюдател. пост —Δ
Телефонная линия — --------

Цена 1р. 95к.

